

Ник Гернар

Юлия Горина

**БОГИ, ПИВО
И ДУРАК**

Оказаться в чужом мире, выдержать предательство друзей, избежать клыков древней богини и набраться до беспамьятства с босым хозяином харчевни — это я сумел! Вопрос в том, смогу ли я теперь выбраться из неприятностей, в которые умудрился влипнуть. И как обрести хоть какой-нибудь магический источник, если ты, увы, не фонтан. Потому что здесь человек без магии — ничто, “обрезок”. Но я найду способ хакнуть этот мир, выбраться из лужи и крепко встать на ноги! И все, кто смеялся надо мной, наконец-то поймут, что это не я попал. Это они попали! Вот только не помереть бы раньше времени...

Глава 1. Хуже может быть всегда

Самый простой способ отвязаться от назойливых расспросов и ценных рекомендаций со стороны — это прикинуться спящим.

К счастью, в самолете это сделать просто. Так что я зачихнул наушники поглубже и закрыл глаза, отвернувшись к иллюминатору.

Все. Я сплю.

Нет, я не осуждаю возбужденную радость моих приятелей, и даже на Ленку не злюсь, хотя она порядком нагрузила меня своей детской непосредственностью.

Им хорошо, у них существуют такие понятия, как «отпуск» и «выходной». А мне стоит только подумать о том, как я перестану думать о работе, как все на свете ломается, выходит из-под контроля и накрепко забирается в голову с новой силой.

Вот и сейчас я чуть было не опоздал на самолет, потому что складу внезапно и вдруг потребовалось устранить проблему, о которой я сам вот уже полгода рассказывал начальству.

Вообще странная штука эта сучья жизнь. Сначала напрягаешься, чтобы получить образование. Потом — чтобы найти себе работу поприличней и бабу поприятней. И все это для того, чтобы сделать свою жизнь лучше.

А потом все идет к черту. И ты не замечаешь, как вместо того, чтобы кататься на хорошей машине, спать с женщинами и тратить деньги, ты херачишь на работе сутками. А машина вместе с бабой, квартирой и еще черт знает с чем трахают тебе мозги. И тратить ты уже начинаешь не только деньги, но и нервы. И при этом пытаешься делать вид, что процесс доставляет тебе удовольствие. Надо что-то менять в своей жизни.

Может, для начала бросить курить?..

Мысли постепенно теряли стройность, и я начал сонно проваливаться в кресло.

Очнулся я от того, что кто-то безжалостно вырвал у меня наушники.

— Даня, Даня!!! — ленкин визг после расслабляющего чила звучал, как железо по стеклу. — Даня, да посмотри ты!..

Самолет вдруг качнулся, будто провалился в воздушную яму. И в следующий момент истошно завизжали все. Кто-то вскочил со своего места, кто-то пригнулся, закрыв руками голову... Испуганная прехорошенькая стюардесса напрасно пыталась перекричать толпу.

Да что за нафиг-то?!

— Даня, что это?! — продолжала визжать Лена, вцепившись мне в руку, как кошка, и глядя в мою сторону такими глазами, будто увидела черта.

И тут до меня дошло.

Она смотрела не на меня. Она смотрела в иллюминатор.

Внутри меня все похолодело, и я медленно повернул голову, готовый увидеть что угодно.

Но такого я все-таки не ожидал.

На удалении от самолета раскручивал свою чудовищную воронку черно-фиолетовый смерч. Он пронзал белую вату облаков внизу, опускаясь в нее тонким хоботом, и расширялся кверху. И сейчас этот смерч двигался прямо на нас.

Я — Даниил Кораблев. Мне двадцать семь лет, я программист и мне совершенно нечего вспомнить перед смертью!

Разве что как Дарк соулс прошел на платину. Ну и как в морду дал говнюку-научруку, навсегда покидая аспирантуру.

И все.

Ленка уткнулась в меня лицом, размазывая косметику по белой рубашке. Я обнял ее, как будто это могло от чего-то ее защитить.

И в этот миг из смерча в разные стороны ударили ярко-оранжевые молнии.

Бабах!

Самолет дернулся, как подстреленная птица. Сквозь децибелы окружающего шума я услышал, как кто-то в соседнем ряду начал читать молитвы.

А я уставился на приближающийся смерч, мысленно считая секунды, как на светофоре. Три, два, один...

И тут поток кадров остановился.

На фоне черно-фиолетового кошмара, надвигающегося на наш самолет, я вдруг отчетливо увидел полупрозрачный профиль. С той стороны иллюминатора будто бы сидела стеклянная женщина, немного склонив голову.

Призрак медленно повернулся ко мне, улыбнулся и потянулся ко мне сквозь стекло.

На мгновение лицо женщины потеряло прозрачность и стало живым.

Я видел её блестящие каштановые волосы, большие голубые глаза, сочный рот с маленькой темной родинкой под нижней губой и крупные серьги в форме дисков, усыпанных по кругу драгоценными камнями.

Улыбка призрака мягко коснулась моих губ, оставляя ощущение тепла...

И тут десяток огненных молний разлетелись в стороны от приближающейся воронки.

Бабах!!!

Женский образ пропал. Иллюминатор залила чернильная мгла, и в глазах у меня потемнело.

Удар — будто гранитная плита с размаху на плечи рухнула. Меня вжало в кресло, от боли перехватило дыхание, и я отключился.

Тогда я решил, что это конец.

Но я ошибся.

Я очнулся в том же кресле, с Ленкой на груди.

Но самолета вокруг нас больше не было.

Только вечернее солнце, пустынный песчаный пляж вдоль линии моря и очумевшие чайки, орущие во все горло. Резкий ветер дул в лицо.

Я изумленно осмотрелся, и увидел, что кроме наших кресел на песке стоят еще штук двадцать. Пассажиры, сидевшие в них, зашевелились, тараща глаза и озираясь по сторонам. Среди них я с радостью узнал двух моих приятелей, Олега и Валеру.

А впереди между креслами лежала та самая молоденькая стюардесса.

Я принялся тормошить Лену — просто чтобы убедиться, что она живая.

Она оказалась действительно жива. И очень эмоциональна, как всегда. Но я давно научился слушать ее тембр, как музыку, не различая слов. Поэтому убедившись, что Ленка невредима, я поднялся с кресла и подошел к девушке-стюардессе, несмотря на то, что «музыка» моей барышни стала внезапно агрессивной.

Неважно.

Меня куда больше заботило, что в то время как все остальные, живые и здоровые, уже очнулись и принялись расползаться по берегу, эта девчушка даже не шевельнулась.

Опустившись рядом на колени, я приподнял стюардессе голову и попытался нащупать пальцем жилку на шее.

Красивая, черт возьми, девочка. Жалко, если погибла.

В этот момент ко мне подошел Валера, с круглыми от офигенивания глазами на дряблом добром лице и смартфоном в руках. На экране светилась с постапокалиптическая метка «нет сети».

— Дань, это че такое-то?.. Мы че, померли все, что ли?.. — проговорил он.

Я только плечами пожал — на шее бедняжки я так и не смог нащупать пульс, но отступать не хотелось.

— Позвольте, я врач! — услышал я за спиной немолодой мужской голос.

Мне на помощь пришел старичок с окладистой седой бородкой и тонким серебряным крестиком, приколотым к рубашке с левой стороны.

Хоть кому-то было не насрать на все на свете, кроме самих себя.

Я поднялся с колен, уступая место доктору.

И тут наконец-то девушка открыла глаза.

Я облегченно выдохнул.

Хорошо. Значит, все живы. Теперь можно и осмотреться как следует.

— ... Дань, ну правда?! Куда самолет-то делся? Где все остальные?.. — продолжал между тем ныть Валера, в то время как Олег активно оказывал моральную поддержку моей Ленке.

И почему-то его рука так ласково оглаживала ей обнаженное плечо, как будто это было колено.

Твою мать, это что еще за?..

— Дань?.. — подлез под горячую руку Валера со своим гундежом.

Сначала я хотел было рявкнуть на него, что знаю ровно столько же, как и он, и что гугла из меня не выйдет, но при виде абсолютно растерянного валеркиного лица все резкие слова замерли на языке.

Показать ему сейчас зубы — это было как ребенка ударить.

— Слушай, все зависит от того, как на эту ситуацию взглянуть, — сказал я, и это в определенном смысле было правдой. — В конце концов, мы живые, здоровые, и очутились в своих креслах на побережье, а не в гробах в печи крематория, — сказал я как можно более оптимистично, потрепав его по плечу. — Пойдем-ка к остальным...

Тут я поднял голову, и остолбенел.

В нашу сторону пылили всадники. Их было человек пятнадцать, все как один — закованы в латные доспехи, а в руках у них блестящие хищными наконечниками копыя. И каким-то внутренним чутьем я сразу понял, что это никакой не косплей.

— ... А может, и крематорий тоже иногда — не самый плохой вариант... —

пробормотал я, вглядываясь в приближающихся всадников.

Все это выглядело, как во сне или в кино.

Высокие ладные кони, богатая упряжь, сверкающие на солнце нагрудники и развевающиеся на скаку цветные плащи. Если бы я находился по другую сторону экрана, мне бы наверняка понравилось.

Но сейчас все воспринималось иначе.

Валера проследил за направлением моего взгляда и охнул. Потом выругался и снова охнул, пока я метнулся к Ленке.

— Мы здесь! Здесь!.. — закричала между тем моя ненаглядная, вырвавшись от непрощенного утешителя и замахала руками.

Твою ж мать!

— Лена, умолкни!.. — прикрикнул я на нее, вставая щитом между ней и всадниками.

Хотя какой я нахрен щит — на такой дырн, как у каждого из них в руках, нас всех сразу пашлыком нанизать можно.

— Так нужно, чтобы они нас заметили и помогли!.. — искренне удивилась Лена.

— Будь спокойна — они нас уже давно заметили, — буркнул я.

Какой-то мужик вдруг опомнился и бросился бежать вдоль линии прибоя. Олег встал рядом со мной, стюардессочка нежно прижалась к плечу старика-доктора. Остальные помчали по песку кто куда, как будто могли перегнать конников.

И только еще один человек кроме нас не потерял головы и не кинулся убежать от разгоряченных лошадей на своих двоих — рыжеватый парень с короткой стрижкой и большой татуировкой лисьей морды на шее.

Он стоял, по-военному расправив плечи, и спокойно смотрел на приближающихся всадников, горделиво вскинув голову. Как если бы не воинов поджидал, а официанта в дорогом ресторане.

Будто почувствовав мой взгляд, парень обернулся.

На мгновение мы встретились глазами.

И тут рука Ленки больно впилась мне в локоть.

— погоди... — проговорила дрогнувшим голосом Ленка, почувяв, наконец, неладное. — Они что, настоящие?.. Воины?! С копьями???

Эврика, милая!

— А ты думала, МЧС новую форму ввели? — не выдержал я.

— Даня, так сделай что-нибудь!.. — взвизгнула вдруг она, прижавшись ко мне сзади и обхватив руками за пояс.

Да не вопрос! Сейчас только палочку волшебную из кармана достану — и все будет.

Всадники мчали прямо на нас, и я почувствовал, как сердце из груди медленно провалилось куда-то в пятки и начало биться там.

Воины разделились. Несколько всадников помчали собирать наших беглецов, как ковбой собирают скот на выпасе. А все остальные окружили нас.

Запахло разгоряченными лошадиными телами, человеческим потом и магазином кожаной одежды.

Воины кружили вокруг нас, копытами поднимая в воздух песок, скрипя подпругами и полязгивая доспехами.

Неожиданная смерть для такого, как я. Что ж, по крайней мере, креативно...

— Да будет свершившееся к добру! — проорал один из вояк будто из старого

дребезжащего динамика, отчаянно тараща глаза.

А я...

Я даже не сразу понял, что он говорит не по-русски. Такое бывает, когда в совершенстве владеешь несколькими языками — в определенной ситуации можешь вдруг переключиться с одного языка на другой, и не сразу это замечаешь.

Вояка говорил на чужом для меня наречии. Но я понимал его, и мог с легкостью ответить на том же языке.

И я тут же этой возможностью воспользовался.

— Что происходит?! — крикнул я, невольно пятясь.

— Великий день свежей крови!.. — рывкнул все тот же воин, и Ленка взвизгнула, как кошка, которой наступили на хвост.

— Крови?.. Нас убьют?! Пожалуйста, не убивайте нас!.. Ну пожалуйста! Ну пожалуйста я хочу проснуться! Я не хочу умирать! Господи, помоги!.. — запричитала она, и я готов ручаться — в своей истерике Лена даже не сообразила, что говорит сейчас на чужом языке.

Всадники притормозили своих лошадей, и кружение наконец остановилось.

— Убивать?.. — переспросил другой воин, с лицом поинтеллектуальней. — Никто не собирается вас убивать. Вы призваны подарить нашему миру свежую кровь. Как всегда, раз в столетие.

— Вы... вы просто пустите нам кровь?.. — пролепетала Ленка.

Все-таки есть женщины, не пригодные для эксплуатации в любых других условиях, кроме постели...

— Нет, красавица, вы будете наслаждаться любовью и рожать много детей, — с похабной улыбочкой заявил «старый динамик». — Конечно, если не окажетесь опорожненными сосудами, лишеными извечной силы духа.

— В смысле нам дадут баб и трахаться заставят?.. — негромко проговорил Олег. — Похоже, мы попали в рай для Валерки...

— Вы попали в прославленное королевство Эмна, где каждому воздается по заслугам, — хмуро поправил его бородатый мужик со здоровым копьём в руках. Впрочем, судя по размерам железного гульфика, внушительных размеров у него было не только оружие. — Клань духа примут и почтут любого из вас, кто окажется достойным. У вас будет почетная служба, золото в достатке, жилище и королевское дозволение выбрать себе столько жен, сколько сможете содержать...

Валерке и правда не везло с бабами. Снимать он брезговал, а без доплаты ему с трудом удавалось найти себе кого-нибудь чаще, чем раз в полгода. Но даже он вряд ли мечтал о гареме из средневековых дев в белых рубашках до пят и целомудренным вырезом в причинном месте. Или так делали уже позже, в викторианской Англии?..

Конечно, если альтернативой такой женитьбы была бы медленная и мучительная смерть, я безропотно женился бы.

Собственно, только такой альтернативой меня и можно было заставить обзавестись супругой.

Но опасность неминуемой смерти вроде как отступила, и теперь меня всерьез беспокоила перспектива работать племенным быком.

— А у женщин тоже будет возможность выбрать себе много мужей?.. — вкрадчиво проговорила Ленка.

Я даже обернулся, чтобы убедиться, действительно ли она это сказала.

Но ей не ответили.

— Следуйте за нами! Место предназначения определит ваше положение в Эмне! — выкрикнул хриплоголосый, и первые всадники шагом двинулись вперед, на пригорок.

Мы поплелись за ними.

Происходящее напоминало какой-то дурдом. Служба, золото, какая-то сила духа. Может, мы и правда рухнули куда-то всем самолетом, а сейчас мое сознание бьется между жизнью и смертью, порождая такие странные картины?

Хотя, если бы мир создавался согласно моим предпочтениям, он скорее напоминал бы «звездные войны» или «пятый элемент». Звездолеты, инопланетные расы и роботы, которые готовят тебе завтрак по утрам.

Я никогда не перся от исторического фехтования, запаха навоза и натуральной пищи. Средневековый антураж мне нравился только в играх типа «Ведьмака», но очутиться в нем я точно никогда не мечтал. Так что...

А между тем мы поднимались все выше, и тут мой взгляд упал на что-то выступающее из песка. Что-то инородное, странное...

Это был обломок старого корабля. На его борту белела надпись: «Dolphin».

И этот обломок вдруг в одно мгновение сделал для меня реальным и этот берег, и всадников, и все остальное.

— Что это там? — хмуро спросил я, — рукой указывая на обломок.

— Ради всего святого, молодой человек, не спрашивайте их ни о чем, — по-русски пробормотал за моей спиной доктор. — Вдруг это их рассердит...

— А, это, — небрежно отозвался один из всадников, молодой и светловолосый, ехавший ближе ко мне. — Это осталось после прошлого призвания свежей крови сто лет назад. Бестолковое, говорят, получилось мероприятие. Тридцать пять человек, из которых живыми оказались только трое, да и те не совсем нормальные.

— Точно, — кивнул другой, с рыжеватой бородой. — у меня дед участвовал в процедуре принятия. Ну, как я сейчас. Так он рассказывал, что один там все богу молился, а второй кричал, что это все — сон, что так не бывает. Ему сначала вина и девку дали, чтоб успокоился. Потом палок насыпали — не помогло...

Я хмыкнул.

— Ну, если их встречали такие, как этот ваш орущий с тараканьими глазами, не мудрено...

Воины зафыркали, с трудом сдерживая смех.

— Ты только больше этого вслух не говори, — приглушенно сказал рыжебородый. — А то этот таракан — зять местного графа. Можешь и до места предназначения не добраться.

Мне вдруг стало смешно.

— Граф, видимо, был в отчаянии относительно дочки, раз выбрал себе такого зятя...

Воины не выдержали и захохотали.

— Что за непочтение к священному ритуалу?! — рявкнул таракан, вытаращив глаза еще больше обычного.

Вояки с усилием попрытали ухмылки. Я тоже сделал покер фейс, сунул руки в карманы и зашагал чуть живей.

— Слышь, а что за силу-то у нас мерить будут? — спросил я у молодого воина.

— Ну как это какую. Магию, конечно. Будут определять, какой тип, к какому клану вас отнести, ну и все такое.

— Здесь есть магия?.. — озадаченно спросил Олег.

— Само собой, — ответил молодой.

— Ну так у нас-то ее нет! — сказал Олег.

— Ее откроет место предназначения, — объяснил рыжебородый. — В вашем мире она заблокирована, и нужно пройти процедуру открытия силы...

— Умолкли все, я сказал! — снова проорал таракан, и мы дружно заткнулись, как двоечники на задней парте.

А потом к шуму моря постепенно примешался гул человеческих голосов.

Когда мы наконец-то взобрались на вершину холма и я взглянул вниз, у меня аж дыхание перехватило.

У подножия виднелось что-то наподобие котлована, выложенного серым камнем. По краю этого котлована располагались гигантские статуи зверей, похожих на горгулий. Глаза у статуй горели яркими красными огоньками. А вокруг котлована в несколько рядов выстроились всадники: воины в причудливых доспехах, мужчины в кожаных одеждах и женщины с вырезами до самых сосков и в струящихся по крупам лошадей платьях.

И самая красивая из них сейчас смотрела на нас. Светлые волосы убраны в скандинавские косы, лазурный костюм с золотым поясом тесно облегал стройную фигуру.

Я присвистнул.

— А вот на такой я может и женился бы, — проговорил я.

— Какая же ты все-таки сука, Кораблев!.. — прошипела Ленка, уставившись на меня испепеляющим взглядом.

— Спускаемся! — скомандовал наш хриплый капитан очевидность, и мы тронулись к котловану.

Людской гул прекратился. Сотни глаз устремились на нас.

А мы шли навстречу нашей новой жизни.

Ну а что теряться-то? В конце концов, все это выглядело даже любопытней, чем запланированный отдых в бунгало.

И тут я вспомнил, как они до этого говорили о всего трех «пригодных».

— Слушай, а если вдруг у кого-то магия не откроется? — тихо спросил я у рыжебородого.

— Лучше даже не думай об этом, — так же тихо ответил он.

Глава 2. После черной полосы начинается задница

Когда нас подвели к котловану, я испытал что-то похожее на недоброе предчувствие. В голове почему-то возникла картинка, как нас всех спихивают копьями на дно этой каменной ямы, а притворяющиеся статуями твари прыгают вниз и начинают жрать всех подряд.

Но вместо этого нас пересчитали по головам и принялись запускать по одному в яму.

Первым оказался сутулый тощий паренек с дорожными часами. Его подтолкнули в спину, и бедняга начал неловко спускаться по наклонной плоскости на дно под сотнями любопытных взглядов. По тому, как парень озирался по сторонам и втягивал голову в плечи, я понял: он чувствует себя голым посреди оживленного города.

И тут глаза каменных зверюг ожили. Они засветились зеленым, а парень с криком дернулся всем телом, будто его током шибануло...

А в следующее мгновение котлован наполнился сизой дымкой. Никакого запаха от этого сценического эффекта не было, но дыма появилось столько, что он клубами повалил

из чаши. Раздались одобрительные возгласы, зрители довольно заулыбались друг другу.

Я осторожно протолкнулся из середины очереди к ее началу, где сейчас стоял мой рыжебородый знакомый, и тихо спросил:

— Слушай, это значит, что все хорошо?..

— У парня открылся редкий вид магии — иллюзия, — охотно пояснил мне воин.

Сутулый паренек, растерянно улыбаясь, между тем выбрался из котлована. Громкоголосый таракан прорывал ему что-то величественное и накинул новоиспеченному магу на плечи лиловый плащ. Потом пареньку подвели вороного коня, от которого бедолага в ужасе отшатнулся, как черт от ладана.

— ...Отныне тебя принимает клан Великого тумана! — провозгласил таракан, в то время как подбежавшие к парню воины пытались решить накладочку с транспортом.

— Следующий! — выкрикнул таракан, и в котлован на подгибающихся ногах двинулся Валерка.

Он только начал спуск, когда глаза статуй засияли, а из котлована повалил яркий-красный дым.

— Нихрена себе чудеса пиротехники, — вырвалось у меня.

А вокруг все пришло в движение.

Я видел изумление и восхищение на лицах. Кто-то из местных, стоявших неподалеку, громко воскликнул:

— Вот это сила!..

Валерка растерянно крутил головой, робко улыбаясь своей немножко дурковатой детской улыбкой.

— Повезло парню — в королевский клан попадет!.. — выдохнул мой информатор.

Я удивленно взглянул на Валеру. Кто бы мог подумать, что в этом невезучем по жизни, нескладном парне скрывается какая-то особая магическая сила!..

В какой-то момент мне стало даже немного досадно, что это не от моего появления все так задымил.

А потом я понял, что веду себя, как завистливый мудака.

Валерке здорово досталось в той, прошлой жизни. У него не ладилась отношения с людьми, его без конца использовали и предавали абсолютно все, кому он доверялся. А доверялся он безоглядно каждому встречному. И билеты на этот отдых купил ему я, чтобы хоть как-то поддержать, потому что Валерка в очередной раз пребывал в глубокой депрессии и опять был на мели.

Я взглянул на него еще раз — и улыбнулся.

Валеру выводили из котлована. Валере на плечи набросили красный бархатный плащ, как какому-нибудь рыцарю! И в этот момент мой приятель совершенно точно не чувствовал себя неудачником. На лице у него было написано смущение и радость.

Он стал кем-то значимым, кем-то важным.

И, черт возьми, я был рад за него!

Он был добрым, порядочным парнем. И наконец-то судьба решила хлопнуть его по плечу.

— Следующий!.. — рявкнул таракан, и к котловану подтолкнули меня.

Внутри все похолодело. Я расправил плечи и на ватных ногах направился к котловану. Сердце заколотилось так, что казалось еще немного — и я выплону его нахрен.

Какая сила окажется у меня?

Я невольно помедлил у начала спуска. Взглянул в недоброе личико оказавшейся рядом каменной твари.

И сделал шаг вниз.

Под подошвами противно закрипел песок. На каждый шаг я немножко проскальзывал вперед и слышал этот раздражающий звук.

Я спускался все ниже, но ничего так и не происходило.

А на меня со всех сторон смотрели сотни любопытных глаз. Я шел, ничего не происходило, а на меня таращились, как на зажатый промеж стекол препарат под микроскопом.

Все мое смущение и волнение отлетело в сторону. Волна раздражения, смешанная с гневом, ударила мне в голову.

Наверное, примерно то же самое испытывают звери в зоопарке, прежде чем кинуться на решетку своей клетки.

Я ступил на дно этого проклятого ведьминоного котла, а никакого удара током или дыма не было и в помине. Огромные каменные твари равнодушно смотрели своими огненными глазами. И такими же равнодушными становились лица людей, которые еще десять минут назад с живым любопытством глядели на меня.

Как так-то?!

— Поднимайся! — крикнул мне таракан. — У тебя нет никакой магии, ты — пустой. Следующий!..

У меня аж в ушах зашумело.

Не может быть.

Да как так-то? У какого-то дрища с эксклюзивными курантами на грабле, значит, магия есть. У Валерки — есть. А у меня — нету?..

— Эй, не стой там попусту! Поднимайся, говорят тебе!.. — снова услышал я хриплый голос.

И сотни глаз вокруг. Снисходительные улыбки. Сожаление, разочарование на лицах.

Я будто очутился в одном из своих кошмаров, где сначала оказываешься голым посреди оживленной улицы, а потом опускаешь глаза и понимаешь, что все смеются не из-за того, что у тебя видно, а потому что ты — как классическая древнегреческая статуя с черенком в два сантиметра.

— Ну давай... — проговорил я, стараясь напрячься, хотя понятия не имел, что именно нужно напрягать в таком случае.

Но не могу же я оказаться хуже всех!..

А навстречу мне шла Ленка. Она спускалась босая, и несла в руке свои босоножки на каблуках, изящно придерживая их пальчиками за ремешки.

И вот тут меня тряхнуло.

Невидимая волна прошла сквозь меня, долбанув так, будто я схватился рукой за оголенный провод. Я отшатнулся, стараясь не упасть. Лена вскрикнула — и в то же мгновение со дна чаши начал подниматься красный дым.

В глазах у меня еще поблескивали звезды, красный дым заволок обзор, но я отчетливо слышал радостные возгласы местных.

«Огненная красавица!»

«Магия огня!»

«Королевский клан!»

Ленка вынырнула на меня из клубок алого дыма и, остановившись рядом, вздернула острый подбородок.

— Что, Кораблев? Съел? Это тебе за всех стюардесс, которым ты рвался за моей спиной шейку пощупать, — ехидно сказала она, насмешливо глядя мне в лицо.

Я усмехнулся.

— Значит, как за спину мою прятаться — так Даня-Даня, а как стала магичкой огня — так сразу Кораблев?..

— Дурак, — надменно бросила Ленка и, красиво развернувшись, пошла обратно, наверх.

И я поплелся за ней следом.

Возразить на ее обзывательство мне было нечего. И правда, дурак. Потому что на самом деле никаких «всех стюардесс» за ее спиной я не щупал. Никогда. Хотя женщинам я нравился и завести мог бы хоть целый летный отряд.

А Ленка, хоть и была отчаянной дурой, умела так искренне радоваться всякой фигне типа плюшевых игрушек или плетеных фенек на запястья. Еще мне нравилось смотреть, как она, сосредоточенно высунув кончик языка, вела тонким пальчиком по меню в ресторане, выбирая себе ужин. И в постели с ней было по-настоящему хорошо.

Правда, недавние разговоры о замужестве здорово все подпортили...

Когда я вышел из красного тумана, на меня даже никто не взглянул. Все с интересом наблюдали, как в «место предназначения» спускался следующий претендент...

В общем, я действительно оказался хуже всех.

Потому что магия не проснулась только у меня. И у хорошенькой стюардессы, но это не считается, потому что девушку, как только ее испытание закончилось, оттеснили к группе из клана Великой воды, в котором теперь состоял доктор с крестиком на груди.

Когда вся процедура закончилась, люди задвигались, разбиваясь на небольшие отряды. А я так и стоял на краю проклятого котла, забытый всеми. И не понимал, что мне теперь делать.

Лена с Валеркой счастливо улыбались в окружении дам и кавалеров в красных плащах, Олег попал в клан Разрушительного ветра и сейчас о чем-то активно расспрашивал светловолосую красавицу со скандинавскими косами и прекрасными длинными ногами, которые я заметил еще с высоты холма.

Я двинулся было в сторону Валерки, но в ту же минуту мне в грудь уперлось копьё.

— Не дозволено! — хмуро заявил мне воин, строгим взглядом пытаясь пригвоздить меня к земле.

— Я хочу поговорить со своими друзьями! — возмутился я.

— Не дозволено, говорю!

Я медленно выдохнул, стараясь сохранить самообладание.

— Ладно, к королевскому клану нельзя, но к клану Разрушительного ветра-то я могу подойти?..

— Не дозволено!! — еще громче прикрикнул на меня воин.

— И что мне теперь делать?!

— А мне какая забота? — выкрикнул копейщик. — Иди на все четыре стороны! Шаг назад, сказал!

С копьём не поспоришь.

Я сделал шаг назад, и тут из толпы ко мне выскользнула стюардесса.

— О, тебя тоже бортанули? — спросил я.

Девушка виновато улыбнулась.

— Вообще-то Лев Семенович берет меня с собой.

Я присвистнул.

— Господин назначил тебя любимой женой?

Девушка нахмурилась.

— Не надо так о нем. И обо мне — тоже так не надо. Он правда очень добрый и порядочный человек, он бы и вас взял с собой, но ему не разрешили. Сказали, он может выбрать только одного пустого. И то его теперь не впустят в главный город клана. Но Лев Семенович сказал, что нельзя просто так бросать людей. Он выбрал...

Она почему-то покраснела и опустила глаза.

— ... он выбрал меня. Сказал, вы — мужчина, вы справитесь.

Вот, значит, как?

Значит, им можно забрать с собой одного пустого?.. Ну, к примеру, если он — твой друг. Или любовник, например.

Правда, за это придется распрощаться с главным городом...

Огненный клан, между тем, развернулся и шагом направился куда-то в сторону моря. И вместе с ним уезжал Валера, мой приятель еще со школы.

И Ленка.

На Олега я даже смотреть не стал.

На пьянках он не раз говорил, что на самом деле дружба — это торговые отношения. Ты продаешь свое время, чтобы получить взамен что-то полезное. Приятную беседу, полезные знакомства, чужой опыт или полезный совет.

Правда, я никогда не думал, что он это всерьез.

Но теперь, похоже, от меня ему взять нечего. И наши торговые отношения себя исчерпали.

На душе стало так погано, что я поспешил сделать беззаботное лицо и улыбнуться пошире.

— Конечно, — сказал я девушке. — Извини за дурацкую шутку...

Как ее зовут, я честно забыл. Пиджачок она сняла, и теперь я не мог прочесть ее имя на бейдже. А переспрашивать было как-то неудобно.

— ... Это я так, просто брякнул с досады. А что он тебя выбрал — это правильно, — улыбнулся я еще шире. — Я бы тоже тебя выбрал...

Она многозначительно приподняла строгую тонкую бровь, и я спешно добавил:

— Ну, в том смысле, что девушке нужнее защита и покровительство. А я что — я сам...

— Тебе нужно срочно уходить отсюда, — взволнованно проговорила она. — Местные только и говорят, что нужно поторопиться, потому что скоро защитное поле от проведенного ритуала упадет, и сюда вернется зверь...

— Зверь? Какой еще зверь?..

У меня похолодело все. Картинка с ожившими горгульями и беспомощным трупом на дне котлована вновь ожила перед моими глазами.

А между тем еще два клана тронулись в путь в сторону, противоположную той, куда уехал королевский клан.

— Я не знаю, но ты должен... — девушка обернулась на своего Льва Семеновича, чтобы убедиться, что у нее еще есть время. — ты должен поторопиться. У них здесь есть что-то

вроде системы порталов. Иди на восток, пока не увидишь переходные врата. Ступай туда, и окажешься на окраине какого-то пригорода... — она нахмурилась. — Название не помню. Неважно. В общем, там ты сможешь подыскать себе работу...

Да без проблем.

Воображение живо нарисовало мне деревянную доску объявлений, где стрелами и окровавленными ножами припилены бумажки с вакансиями. «Срочно требуется истребитель багов! Оплата сдельная!» или «Разыскивается архитектор огненных стен!» А еще лучше — «Требуется человек для поддержки средневекового фейсбука». В моем сознании протянулась целая китайская стена грубой кладки, где рядом висят портреты модных принцесс и клевых тусовых магов с охотничьими трофеями в руках и бошками побежденных врагов на заднем плане. И толпа техподдержки, которая верхом на лошадях носится вдоль этой стены, заменяя портреты на более свежие версии и прибывая огромными молотами новые свитки постов поверх старых.

Бам, бам, бам! Все, мужики, я запостил!

Огонь работенка...

Стюардесса снова опасливо оглянулась, а я хмуро спросил:

— А вернуться обратно мне никак нельзя?..

Она грустно покачала головой.

— Нельзя. К сожалению. На, держи.

Девушка протянула мне маленький кожаный мешочек, печально звякнувший у меня на ладони.

— Лев Семенович сказал, что ты хороший человек, и бог тебя не оставит. Береги себя.

Она кивнула мне на прощанье и поспешила обратно, к своему покровителю.

Последние всадники спешно разъезжались в разные стороны, а я все стоял, на том же месте, как придурок.

Стыдно признаться, но я до последнего надеялся, что Валерка или Лена вернуться.

Но, конечно же, обо мне никто так и не вспомнил.

От досады и обиды у меня пересохло во рту, кулаки невольно сжались.

Ну и ладно. Пошли все в жопу!

Я — справлюсь!

Потому что всегда и со всем справлялся. И помощи ни от кого не ждал и не просил.

Подумаешь, магия...

Я осмотрелся, соображая, где находится восток и куда мне бежать.

И только теперь я заметил, что, оказывается, не я один остался не у дел.

Коротко стриженный парень, на которого я обратил внимание еще на берегу, тоже никуда не уехал. Он сидел на земле, глядя на то, как закатное солнце превращает море в кровь. На белом песчаном берегу черными точками виднелись наши кресла — странные и нелепые, но при этом абсолютно реальные.

Я поспешил к своему земляку.

— А я уж решил, что совсем один остался, — сказал я парню, приблизившись. — Меня Даниил зовут.

Тот нехотя взглянул на меня.

— Кир, — коротко представился он.

— Тебя-то почему не взяли? От тебя же тут все серым дымом завалило, я помню!

Кир усмехнулся.

— Ну да. И за это мне выдали плащ, — сказал он, кивнув на валявшуюся неподалеку шмотку.

Плащ был темно-серый, расписанный каким-то белыми символами.

Я хотел расспросить своего нового знакомого, что же за тип магии у него открылся, и почему ни один из кланов не позвал его с собой. Но солнце так стремительно клонилось к горизонту, что на разговоры времени уже не осталось.

— Слышь, мне тут сказали, что бежать отсюда надо, — сказал я Киру. — К переходным вратам.

Тот пожал плечами.

— Так беги.

— А ты?.. — удивился я. — Ты не понял, здесь скоро какой-то их «зверь» будет. Бежать нужно!..

— Странный ты человек, — сказал парень, уставившись на меня своими полупрозрачными зелеными глазами. — Если бы мне было нужно бежать, я бы побежал. Но мне нужно остаться здесь, и я терпеливо жду, когда, наконец, ты куда-нибудь свалишь и оставишь меня в покое.

Я фыркнул.

— Ну и пошел ты!..

— Будь так добр, сам пойдешь, — невозмутимо возразил Кир. — А мне, как я уже сказал, нужно остаться.

Я раздраженно сплюнул в сторону, развернулся в противоположную солнцу сторону и побежал.

Справа и слева от меня тянулась рыжая выжженная степь, бешено трещали кузнечики — они здесь были огромные, как саранча, и больно кусались.

Потом я наткнулся на мохнатого паука размером с мой кулак. Зверь, похоже, вышел на охоту, и стоило только ему меня заметить, как он бесстрашно ринулся мне прямо под ноги, хищно приподнимая верхнюю часть туловища.

Я отскочил от него в сторону и попытался раздавить ботинком, но эта тварь вдруг вцепилась мне в брючину и молниеносно вскарабкалась по бедру...

Да чтоб ты сдохла!!! Тоже мне, муху нашла!

Я рванул паука с себя прямо рукой, чувствуя, какие сильные и жесткие у него лапы. А потом швырнул вниз и с хрустом вдавил ногой в землю.

Стоило мне поднять ботинок, как на смятый лапчатый труп со всех сторон набросились кузнечики. У меня на глазах они растаскивали паука по частям в разные стороны...

Я попятился.

— Нихрена себе тут Австралия...

Не оборачиваясь, я побежал дальше.

Сумерки надвигались стремительно. Равнина перестала быть ровной. Я бежал в гору, хватая воздух ртом. Становилось все темнее, а никаких врат поблизости так и не появилось.

Но бежать еще быстрее я не мог. Подъем забирал все круче, и мои легкие уже горели от такого кросса, а колени подкашивались.

Похеру.

Я перешел на шаг, стараясь восстановить дыхание. Адски хотелось пить. А еще — выпить.

Но ни того, ни другого у меня при себе не было. Зато имелась пачка сигарет и

зажигалка.

Остановившись, я достал сигарету и прикурил, рискуя выплюнуть легкие.

А вокруг начиналась ночь.

Идти куда-то дальше на ощупь не имело смысла. Или, по крайней мере, я его не видел.

Теперь уже что будет, то будет.

Я сел на землю, устало разложив ноги поудобней. Давно я так не бегал. Завтра ходить буду, как на ходулях, кряхтя и матерясь.

Если, конечно, останусь достаточно живым для этого.

На черном небе начали зажигаться звезды. Яркие, здоровые, как блюда. Я, наверное, так устал бояться и нервничать, что эти чувства у меня временно пришли в негодность, и кроме эмоционального оупения и физической усталости я не испытывал абсолютно ничего.

Прикурив вторую сигарету, я слушал, как ночь вокруг меня начинает оживать. Что-то живое и наверняка членистоногое защелкало в траве, откуда-то издалека ветер принес уханье ночной птицы.

А потом колючий беспричинный озноб обжег мне спину.

Я понял, что больше здесь не один. А у меня ни копыа, ни палки, ни говна, ни ложки. Только выстегивающиеся из своих естественных гнезд ноги, пара рук и квадратная голова.

Ну и хрен с ним.

Что бы там ни было, я встречу его с каменным спокойствием, как подобает мужику. Затянувшись напоследок поглубже, я щелчком сбил заискрившийся пепел в темноту и обернулся.

Твою ж мать!..

В паре десятков шагов, чуть покачиваясь из стороны в сторону, на меня ярко-зелеными глазами смотрела гигантская кобра толщиной с фонарный столб. Ее чешуя светилась золотисто-оранжевым, на морде и по бокам тянулись неоновозеленые разводы какого-то орнамента. В разинутой пасти блестели белоснежные зубы.

А рядом с ней поднимала голову еще одна змея, и еще...

Я непроизвольно шархнул в сторону, и сигарета вывалилась из раскрытого рта мне на штаны, мгновенно прожигая дыру. С матерным воплем я вскочил на ноги, сбрасывая с себя окурок.

Вот тебе и встретил, как подобает...

И тут с другой стороны донеслось противное похрустывание. Обернувшись, я застыл на месте, как вкопанный.

Потому что в метре от меня стояло нечто.

И у этого «нечта» были длинные спутанные женские волосы, зеленоватосинюшная кожа, красные глаза, тонкие руки с длинными когтями, грудь первого размера и паучьи лапы в размахе занимавшие площадь хорошего внедорожника. И все это испускало призрачнозеленоватое свечение, как призрак в фильме ужасов.

— Какой милый сладкий мальчик! — тоненьким голоском сказала тварь, резко склонив голову в сторону и немигающим взглядом глядя мне в лицо. — Детку мою убил, слуг моих испугался... Бедненький мальчик. Тебя оставили мне на ужин? Дай-ка разглядеть тебя поближе...

И тут я понял, что сдохнуть по-мужски — это не каменную морду сохранить. А суметь не обосраться.

Глава 3. Паучья правда

Я смотрел на паучиху, смутно понимая, что даже без косы в руках она — сущая смерть.

Тварь потянулась ко мне всей своей человеческой половиной, и ее зеленоватое лицо оказалось прямо напротив моего.

Я инстинктивно отпрянул, и услышал предупреждающее шипение за спиной.

Ах да, змеи.

Я был настолько впечатлен неземной красотой паукодевы, что напрочь забыл о них.

Чудовище тоненько рассмеялось. Шевельнув паучьими лапками, двинулось чуть ближе и вновь потянулась к моему лицу.

Я зажмурился, стараясь дышать не так громко. Холодок ее дыхания коснулся моей щеки и спустился по шее вниз, к ключицам...

— Вот незадача, — услышал я разочарованный вздох. — Мальчик-то пустой. Ну и что мне с тобой теперь делать?

Я нервно сглотнул и приоткрыл один глаз.

— А что собиралась?.. — не своим голосом спросил я.

Паучиха отбросила рукой свою спуганную гриву на спину и, уперев руки в боки, озадаченно смотрела на меня, выпятив нижнюю губу. Она все так же призрачно светилась, но глаза теперь смотрели как человеческие.

— Обернуть в кокон, подождать, пока пригодишься и выпить твою наполненную магией кровь. А ты оказался как пиво без хмеля. Ну и проку от тебя?.. — с грустью проговорила она.

И тут я понял, что это мой шанс.

Раз она не горит желанием употреблять безалкогольное, есть вероятность того, что я смогу остаться живым. Нужно только побороть тошноту, выпрямить подкашивающиеся ноги и представить себе, что говорю с обычной женщиной. Ну, немножко страшненькой. Или, выражаясь толерантно, женщиной с физическими и психическими особенностями.

В конце концов, бабам я нравился.

Правда, до сих пор опыт у меня был только с двуногими особями.

— Ну... — проговорил я, и голос мой, сука, предательски дрогнул. — Например, со мной можно поговорить. Не думаю, что прежние парни в коконах были разговорчивыми.

— Поговорить?.. — удивленно приподняла она брови.

— Эмм... Ну да. Я, к слову, из другого мира. И даже понятия не имею, кто ты. Так что, может... Поговорим? Жаль только, что выпить при этом нечего — ну, такого, чтобы с хмелем. Обычно так беседа проще завязывается.

Паучиха игриво откинула волосы назад и пискляво хихикнула.

— А ты смешной. Девочки, может, нам его жрецом нашим сделать?..

— Опять хочешь в наш дом похотливые штаны впустить?.. — услышал я за спиной высокий и звучный женский голос.

И с трудом удержался от того, чтобы не потерять челюсть.

Змей больше не было. К нам, покачивая бедрами, шли шесть очень высоких, стройных и абсолютно обнаженных женщин. Их кожа была золотистой и словно светилась изнутри. Длинные золотые волосы, собранные в две слабые косы, были украшены массивными украшениями с драгоценными камнями. Только глаза все еще выдавали змеиное естество — крупные, желто-зеленые, с острым вертикальным зрачком.

— Здрасьте, — глуповато выдохнул я.

Они смерили меня презрительным взглядом. Самая высокая вышла вперед и остановилась совсем рядом со мной. И мое лицо оказалось аккурат напротив ее сердито качнувшейся груди.

Очень аппетитной и туго налитой, надо сказать.

— Вы бы сиськами своими поменьше перед теми «штанами» трясли — и, глядишь, все нормально бы было, — недовольно проговорила паучиха.

Я перевел на нее глаза. Мохнатые лапки вокруг ее человеческого тела быстро съеживались, открывая угловатую худую фигурку. Да и цвет кожи из зеленоватого стал просто мертвенно-бледным.

— Пошли прочь отсюда, — нахмурилась бывшая паучиха.

Девушки, поджав губы, отвесили своей госпоже поклон и двинулись вперед, энергично ступая.

Вид сзади был охренный!..

Но оказавшись в гостях у властной женщины на ее горничных лучше не облизываться.

Я с усилием отвел глаза и повернулся к паучихе.

— Что, непросто оторваться? — насмешливо проговорила она, злобно прищурившись.

И я понял, что еще немного — и меня все-таки сожрут, но уже по другой причине.

— Просто еще никогда не видел жопу у змеи, — брякнул я.

Паучиха сначала непонимающе вздернула брови, а потом расхохоталась.

— Ой, а ты и правда смешной! — сказала она, вытирая выступившие от смеха слезы с глаз. — Мое имя — Арахна Кровавая, и я — богиня этого места. Не хочешь ко мне в жрецы?..

Несмотря на всю свою жутковатость, паучиха почему-то сейчас походила на хулиганистую девочку-подростка. И я улыбнулся.

— Нет, не хочу. Конечно, если у меня есть выбор. Меня Даниил зовут.

Я протянул ей руку.

Арахна недоумевающе взглянула на мою ладонь, слегка нагнула голову и понюхала воздух.

— У нас пожимают друг другу руки, когда знакомятся, — пояснил я.

Она улыбнулась и с каким-то смущением вложила ладошку мне в руку. Я бережно пожал ее.

— У наших людей, кажется, тоже есть такой ритуал, — неуверенно проговорила она.

— Ты правда богиня?.. — осторожно переспросил я.

Арахна опять расхохоталась.

— Ой, какой же ты смешной! Хорошо, что тебя не съела, — блеснула она клыками в улыбке. — Само собой, я богиня.

— И... у вас в мире много таких богов?.. — вкрадчиво поинтересовался я.

— Ну, таких, как я, больше нет, — сказала Арахна. — Но всяких разных других — предостаточно. Так что поосторожней броди в незнакомых местах по ночам.

Я усмехнулся.

— Вот это я хорошо запомню, не сомневайся.

— А что ты здесь делал-то в такой час?..

— Пытался врата найти. Ну, чтобы перейти.

— А, врата!.. Так это же совсем близко. Если хочешь, — оскалила она свои острые зубки. — я могу тебя даже проводить туда, Даниил-не-жрец. Но за это я потребую от тебя

небольшую услугу.

Я не ответил ни да, ни нет. Просто изобразил на своем лице подчеркнутое внимание. И Арахна с видимым удовольствием продолжила:

— Я хочу, чтобы ты сделал мне подношение.

— Вместо себя какого-нибудь мага на съедение приволок?..

Она рассмеялась.

— Ой нет, ну что ты. Кого ты сюда приволочь-то сможешь, без магии? Ой насмешил! Нет, еду мне принесут другие люди. А ты просто сделаешь маленькое подношение в любое мое святилище.

Я понятия не имел, какие тут есть святилища, где они и как чего там подносят, но в любом случае сделка выглядела заманчиво.

— И что же ты хочешь?..

— Да ничего такого... — хитро прищурилась она. — Я хочу хорошего крепкого пива вместо этой приторно-сладкой гадости, которую они называют вином. И еще кое-что...

Она потянулась к моему уху и таинственно прошептала:

— Я хочу шесть дохлых кобр!

И уже громко добавила со смехом:

— Но если тебя застанут с этим делом в храме, тебе не поздоровится. Мои поклонники в последнее время почитают этих сисястых не меньше меня. Стоило им только пару раз мелькнуть при свете луны — и все, теперь рядом с моими подношениями люди ставят подношения им. И, как обычно — мне ерунду всякую, а им вон какие уборы...

Арахна вдруг вспыхнула румянцем, отчего ее лицо стало почти как живое.

— Ну ты не подумай, мне не то чтобы всякое золото хотелось!.. Просто подношения, как и молитвы всякие — это же энергия. И вот они силы набираются, а я... Я не самая популярная богиня среди ныне живущих.

Она попыталась придать лицу беззаботное выражение, но получилось не очень.

— Некоторые вон вообще страшилищем и людоедкой называют... Повезло им, что живут далеко, — скривила Арахна губы.

— Хорошо, я обещаю, — сказал я.

— Тогда пойдем, — улыбнулась древняя богиня, игриво цепляя меня пальчиками за локоть.

— Быть богиней здесь у вас, как я погляжу, непросто, — сказал я, неуверенно двинувшись по темной тропе.

— Не то слово, — со вздохом кивнула Арахна. — Ой, а ты куда? Ты прямо так, что ли, собрался?..

— Как так? — не понял я.

Арахна громко и заливисто рассмеялась.

— Ой, ну ты смешной-смешной, Даниил-не-жрец! Лучше обними меня покрепче...

Я услышал противное похрустывание, точно кто-то ботинком давил майских жуков на асфальте.

— Крепче, говорю, обними!..

Ее угрожающий голос прозвенел у меня в ушах, и по спине прошел озноб.

Я подчинился приказу, и через мгновение понял, что приподнимаюсь вверх...

Мать честная.

Она росла у меня под руками, тощие руки и ребра превращались в гору железных

мускулов. Я будто обнимал терминатора!

Арахна придерживала меня одной рукой, увеличиваясь в размерах, а прямо под нами росли ее мохнатые паучьи лапы.

— Держись покрепче, и лучше не смотри мне в лицо — а то ненароком свалиться можешь, — жутким, потусторонним голосом проговорила она, и мои руки судорожно сжались, хватаясь за мускулистый торс.

В черной мгле блеснула тонкая нить. Паучиха схватилась за нее свободной рукой, и мы взмыли вверх.

Ветер ударил мне в лицо, ощущение стремительного полета уронило мой желудок почти в задницу, а потом от свободного падения вытолкнуло к самому горлу.

Под нами угрожающе быстро вырастали очертания большой открытой площадки, обнесенной белыми колоннами с огромными факелами. А вокруг этой площадки виднелись белые мотки, похожие на веретена. По высоким ступеням поднимались шесть обнаженных барышень с копьями — прислужницы Арахны...

И все это с чудовищной скоростью несло прямо на нас. Вернее, мы неслись прямо в эти колонны...

Я невольно зажмурился, готовясь к удару.

Но удара не последовало.

Арахна вдруг замедлилась в воздухе и мягко приземлилась на ступени, заставив своих змеюк броситься врассыпную.

Я успел увидеть ее обиталище лишь на мгновение. Белые человеческие кости на белом мраморе, шевеление в одном из коконов, позолоченное кресло в центре и человеческий стон, смешанный с позвякиванием бубенцов, висевших на спутанных нитях между колоннами.

Арахна рывком швырнула во тьму золотистый клубок, и, снова ухватившись за нить, прыгнула вверх.

И все повторилось. Снова ветер в лицо, рывок ввысь — и выворачивающее наизнанку падение.

Врата перехода я увидел издалека. Они выглядели как арка, залитая мутным лиловым свечением. Мягко приземлившись возле них, Арахна спустила меня на землю.

Я старался не смотреть ей в лицо. Что-то внутри меня совершенно определенно знало — моя реакция может все испортить.

— Не забудь про свое обещание, — проговорило чудовище.

— Я все сделаю, — пробормотал я. — Спасибо...

Я запнулся, вспомнив чьи-то ребра на белом мраморе. И человеческие крики, доносившиеся из кокона...

Но что бы она не делала со своими жертвами, ко мне она была добра. И я должен был поблагодарить ее за это, а не быть неблагодарной скотиной.

Все-таки, она богиня. И к тому же женщина.

— ... Спасибо что помогла мне, — сказал я, решительно поднимая голову.

Я был готов увидеть ее лицо. Каким бы оно ни было!

Но Арахна уже успела принять человеческий облик.

Она смотрела на меня и улыбалась, обнажая два ряда острых зубов. И мне показалось, что она знала, о чем только что я подумал.

— Прощай, Даниил-не-жрец, — сказала она с каким-то плотоядным удовольствием

выговаривая данное мне прозвище. — Навести меня как-нибудь. С тобой было весело.

Я сомневался, что когда-нибудь захочу ее навестить. Но кивнул. И вошел в лиловое свечение...

Как же хорошо и просто это выглядело в играх.

И какая же херня эти порталы на самом деле!

Мое тело мгновенно онемело, мысли спутались, в голове закружили вертолеты и позорный ком подкатил к горлу. И при этом я словно падал в бесконечную лиловую дыру. Все падал, и падал, и падал...

Когда, наконец, меня вышвырнуло из светящегося марева на твердую землю, я согнулся в три погибели и прикинулся водопадом.

Слишком много испытаний выпало на долю моего несчастного желудка, и он в конце концов не выдержал.

Когда я смог, наконец, выпрямиться, то очутился лицом к лицу с очень крепкой дамой недружелюбного вида и с лопатой в руках.

От неожиданности я дернулся всем телом, готовый уже ко всему, в том числе и удару этой самой лопатой.

— Ты че дёргаешься?.. — угрожающе спросила она, наступая.

Из ее рта пахло гнилыми зубами и ядреным луком.

— ... А? Чё дёргаешься? Убёгнуть собрался? Я те убёгну! Ну че моргаешь? Бери лопату-то, сгребай чего порасплескал! Мало вам тут ведер понаставлено, каждый второй ужином хвастает...

Она в сердцах сунула мне лопату в руки.

А я, как безумный, вытаращился на открывавшийся за ее спиной вид.

Там шумел настоящий средневековый город. Вывески, факелы, масляные подвесные фонари, тонкие светящиеся домики, будто сделанные из бумаги, и приземистые каменные строения с светящимися окнами. Возле одного такого стояла толпа бородатых мужиков, гогоча и весело поругиваясь, на крыльчке дома напротив сидела миловидная девушка и препохабно фальшивила на лютне. Всадники и пешие горожане сновали туда-сюда по улице.

А я стоял перед всей этой красотой на песчаном пяточке с лопатой в руках, в окружении ведер с чужими излияниями и напротив лужи с собственными — и счастливо улыбался.

Я добрался. Добрался!

Теперь меня точно уже не съедят по пути, и какие-нибудь клановцы не убьют просто так, потому что магией не вышел!

Я спасен.

В городе я точно смогу придумать, как жить и чем заработать, тем более благодаря доктору у меня имелись кое-какие деньги.

— Ты фонарем-то придорожным не прикидывайся, гребни давай! — гаркнула на меня хозяйка зазеркалья.

— Слышь, бабка, — прохрипел я, разозлившись. — Я вообще обычно добрый, но вот сейчас ты бы лучше молча в сторону отошла!..

Видимо, что-то в моем облике или интонации убедили старушку сложить оружие, потому что она вдруг охнула и отступила. Справившись с заданием, я молча вручил ей лопату обратно и побрел прочь от врат вдоль улицы, вращая головой во все стороны.

Адски хотелось поесть и чего-нибудь выпить.

Я двинулся в сторону гогочущей компании, и не ошибся — в раскрытую дверь, возле

которой они толкались, виднелось нутро местного бистро. Из заведения вкусно пахло чем-то жареным и мясным. Длинный грубый стол тянулся от самых дверей до стойки, за которой хлопотала тучная хозяйка заведения. Справа и слева от стола в ряд стояли скамейки. Хмельные мужчины и женщины пили что-то из больших глиняных кружек, на тарелках виднелись не очень-то аппетитные куски вареного мяса и жареная капуста. Неподалеку от входа за столом расположились игроки в карты. У одного из них на коленях сидела пышногрудая девица с изношенным лицом. Рядом с ним на скамейке лежала куча одежды — судя по всему, когда-то она принадлежала его противнику, потому что тот сидел голый до пояса, в одних штанах с широким ремнем и в сапогах. На вид ему было лет тридцать пять. Высокий, темноволосый, с серой порослью на щеках и хорошим крепким телом.

И, судя по тому, как хмуро он изучал свои карты, бедняге опять не повезло.

Я опасливо покосился на толпившихся у входа местных, но тем не было до меня никакого дела.

И все равно входить внутрь было как-то стремно. Шут их знает, еще сделаешь что-нибудь не так. На тень портрета императора, блин, наступишь — и прикончат тебя согласно местным законам. Или еще чего-нибудь...

Между тем игра закончилась.

Полуголый, выругавшись, швырнул карты на стол. Его противник, задрав голову, захохотал.

— Ну давай, расплачивайся!..

Проигравшийся фыркнул.

— Записывай в долг — отдавать мне тебе больше нечего.

— Что значит нечего?..

— Штаны не отдам, ясно?! — гаркнул проигравший, угрожающе нависая над победителем.

Тот втянул голову в плечи. Девица на его коленях застыла с глупой улыбкой, превратившейся вмиг в испуганный оскал.

— Записывать тебе в долг — это ж как море пытаться обоссать, — проговорил победитель, невольно пригибая голову еще ниже. — Так что расплачивайся, как хочешь, а то я стражу позову...

Лицо полуголого исказила злобная гримаса. Он с грохотом впечатал кулак в стол, так что в едальне все умолкли и обернулись.

— Я сказал, что отдам!..

Победитель дернулся всем телом и слабым голосом протянул.

— Стража!..

— Что?! Ты на меня стражников зовешь??? Ты? На меня?

К спорщикам с улицы в развалочку двинулись только что балагурившие мужики, закатывая рукава рубахи. Заметив их, полуголый выругался. Усевшись на скамью, он стащил с себя сапоги и швырнул их своему противнику в голову.

— На, подавись!..

Поднявшись из-за стола, проигравшийся сунул руки в карманы и без малейшего смущения босиком направился к выходу. Вслед ему раздался приглушенный смех.

Очувтившись снаружи, мужик сначала глубоко вздохнул, подняв глаза к небу, а потом обернулся на меня.

— А ты чего вытаращился? Или на мне картина написана, а ты ее сослепу разглядеть не

можешь?.. — проговорил он, смерив меня взглядом с головы до ног. — Не местный, что ли? Одет, как придурок...

И это он, стоя посреди города в одних штанах, говорит мне, что я как-то не так выгляжу?..

— Зато хоть обутый, — парировал я.

Игрок развернулся ко мне, явно собираясь сказать что-то неласковое, но внезапно изменился в лице.

— Погоди-ка, а какой сегодня день...

Меня вдруг пробило на истерический смех.

— Не знаю, для кого как, а для меня — хреновый.

И тут мой собеседник просиял.

— Я понял!.. Ты — из этих!

У меня внутри все опустилось.

— Каких еще «этих»? — нахмурился я.

— Ну, один из призванных из другого мира?

— А, из этих этих, — с облегчением выдохнул я. — Да, я из другого мира. И жопа истины не дымнула на меня, так что я оказался никому не нужен.

Мой собеседник разоржался так задорно и весело, как будто только что не проигрался до нитки, а сундук золота выиграл.

— А что, у вас тут все про нас знают?.. — спросил я.

— Нет, не все. Но я из числа тех, кто знает...

Он огляделся по сторонам и добавил.

— А ну-ка, иномирец, пойдём-ка выпьем и поговорим в каком-нибудь местечке поприличней...

Это предложение меня более чем устраивало. Нужно было понять, в каком мире я вообще очутился, как тут у них живут и тому подобное. Чтобы хотя бы в следующий раз не опасаться в пивную зайти.

Вот только один вопрос меня смущал.

Я потянулся за своим кошельком.

— У меня тут кое-что имеется, но вот хватит ли на место поприличней — я сомневаюсь...

— Спрячь, — с какой-то неоднозначной усмешкой заявил вдруг мой новый знакомец, хлопнув меня по плечу. — Я угощаю.

И, широко расправив плечи, он гордой походкой двинулся по вымощенной дороге вперед, шлепая босыми ногами по булыжникам и не обращая внимания на озадаченные взгляды прохожих.

Глава 4. Ты — то, что ты пьешь

Местечко, на пороге которого мы оказались, выглядело действительно очень приятно.

Оно было, просторное, с множеством отдельных столов и прехорошенькими девушками с подносами в руках.

Впрочем, после Арахны любая двуногая особь женского пола могла показаться красавицей.

В глубине средневековой кафешки за широкой деревянной стойкой здоровый мужик в кожаном переднике нарезал здоровенным тесаком горячий окорок. Густой пряный запах

мяса зашекетал мне ноздри. Я уставился на щедро засыпанную пестрыми приправами румяную корочку, в которую так мягко и вкусно погружался тесак, на сочные розовые куски, опадающие на разделочную доску, и мучительный голодный спазм сдавил мне горло.

Народу внутри оказалось немного. По внешнему виду посетителей я даже без знания местных цен и котировок сразу сообразил, что тусовка здесь не середнячковая. Мужчины были одеты в основном в короткие узкие куртки из какого-то плотного сукна, у некоторых виднелись пышные метросексуальные воротники, заколотые массивными булавками. Неподалеку от входа в гордом одиночестве доедал свой ужин немолодой бородач в кожаной куртке с металлическими нашивками и темно-коричневых штанах с кожаными наколенниками. На его поясе я увидел топорщившиеся короткие ножны и украшенную серебром рукоять меча.

А в глубине заведения шумно болтала компания из трех парней и двух девиц, одетых по походному, но при этом с бриллиантовыми кольцами на руках и в ушах. Никто из них явно не зарабатывал себе на жизнь чисткой сапог или уходом за свиньями.

И тут мой полуголый приятель двинулся внутрь, шлепая черными пятками по чистым светлым половицам.

Я аж обмер.

Да куда ж ты попер-то, идиотина!

— Эй, ты что творишь? — только и успел я буркнуть ему сквозь зубы, пытаюсь ухватить за локоть и отчаянно улыбаясь с видом дебила всем присутствующим.

Провалиться бы сквозь землю и забыть все это нахрен!..

Испанский стыд.

Мать честная, люди, честное слово, я не с ним! Я вообще просто шел мимо!.. Краем глаза я видел пару местных вышибал — они дремали на скамье неподалеку от входа, скрестив руки на груди. И кулаки, приделанные к этим рукам, вполне могли бы сойти за голову...

— Эй, ты куда прешь? — рявкнул на всю контору мужик в переднике. Тесак в его руке угрожающе блеснул. — Здесь приличное место!

Я встревоженно повернул голову к своему новому знакомцу, но того уже и след простыл. У двери стоял я один, а босоногий картежник тем временем устраивался за столом, и вокруг него хлопотали аж две красотули с подносами в руках.

И только тут до меня дошло.

Глаза всех посетителей были устремлены на меня. На меня! А не на босого чудака, вломившегося в их звездатый ресторан!..

Я рванул было за дверь от греха подальше, но меня будто столбняком накрыло.

Ноги похолодели, колени одеревенели, ступни сквозь подошву вросли в пол... Прямо как в кошмарном сне.

— Че встал-то, как запор в заднице?! — снова крикнул здоровяк, выдвинувшись из-за стойки. — Тебя за дверь насильно, чтоль, протолкнуть?..

Вышибалы недовольно зашевелились переключаясь из режима спокойного ожидания в режим атаки.

И тут в происходящее вмешался мой прыткий приятель.

— Мигель, пропусти! — с деловитой небрежностью крикнул он. И, широко улыбнувшись, добавил: — Этот доходяга со мной.

Мужик с тесаком, что-то пробормотав, вернулся на свое место. Здоровяки, так и не

оторвав задницы от лавки, с облегченным вздохом снова расслабились, скрестив руки на груди. Посетители со снисходительными улыбочками поглядывали на меня, переговариваясь между собой.

Мысленно проклиная все на свете, я как на ходулях подошел к столу и сел.

— Че, паскудно на душе? — злорадно ухмыльнулся босоногий, развалившись на покрытой мягкими подушками лавке.

Я промолчал.

А мой странный компаньон вдруг изменился в лице и уставился мне в глаза, как препод на экзамене.

— Вот тебе сразу три главных правила нашего мира, — неожиданно мрачно проговорил он.

И, загибая пальцы по одному перед моим носом, начал перечислять:

— Не отставай. Наплюй на мнение тех, кто тебе не важен. И запомни, что в этом мире абсолютно все жизненные перспективы зависят от магической силы, которой ты обладаешь. А, и четвертое. Не суди о людях по обуви.

Я начинал кое-что понимать. И это «кое-что» мне до жути не нравилось...

— Ты хочешь сказать, что тебя полуголого сюда впустили, потому что ты — великий маг, а меня чуть не развернули, потому что я — пустышка? Так что ли? — спросил я.

— Ну... В общих чертах. На самом деле, большинство присутствующих здесь не знают, что ты — пустышка. Они думают, что кое-какая магия в тебе все-таки есть, — издевательски хохотнул мой собеседник. — Но предполагают, что ты — «обрезок». У нас так называют магически неполноценных. Уродов, одним словом.

У меня даже руки невольно сжались в кулаки. Вот, значит, как. Я для них — неполноценный. Урод. Выродок. Хотя нет, погодите. Я — хуже уroda, потому что я — даже не «обрезок», а вообще пустой!

И как теперь с таким клеймом здесь выживать?..

— Слово-то какое... дурр-рацкое придумали, — со злом проговорил я. — «Обрезок». Будто про колбасу речь идет, а не про человека.

— Отчего ж дурацкое? — возразил босоногий, пожимая могучими плечами. — Нормальное слово. «Обрезки» — потому что на них обрывается род. Им официально запрещено заводить семью и рожать детей, чтобы не множили себе подобных.

Он говорил об этом так, будто это что-то само собой разумеющееся. Ничего особенного. Просто люди, которым запрещено размножаться. Не, ну а что. Всегда так было.

Но хуже всего было то, что он ведь, сука, косвенно обзывал этим меня, и делал это нарочно, с насмешливым прищуром.

— Да пошел ты!.. — взорвался я, чувствуя мучительно желание схватить его за глотку — так, будто это он придумал скотские нормы и правила...

Я подхватился из-за стола, и тут будто глыба рухнула мне на плечи. В глазах потемнело, голова закружилась, перед глазами заплясали пьяные саданутые звездочки. Ноги подкосились, и я рухнул обратно на лавку.

— Ну, самолюбие у тебя есть. Это хорошо, — услышал я приглушенный голос босоногого. — Тогда назову еще одно правило, пятое. Нет такого дерьма, из которого не было бы шанса выбраться. Ясно?

Охнув, я потер виски руками.

— Твою мать... Это что такое было? Магия твоя, что ли, хваленая?.. — и, взглянув на

него исподлобья, добавил в отместку. — Что-то не тянет она на умение «великого мага», открывающее все двери...

Босоногий вдруг расхохотался и шлепнул меня пятерней по плечу.

— Соображаешь!.. Нет конечно, сюда впустили вовсе не из-за силы. Да и вообще, если честно, наверное хрен найдешь на этом свете место, куда можно войти в таком виде... Просто я — владелец этого заведения. Так что могу себе позволить прийти сюда хоть без зубов, хоть без штанов...

Приподняв одну бровь, я окинул взглядом собеседника, точно увидел его в первый раз. И этот парень — хозяин кабака? Серьезно?.. С такой бычьей шеей, плечами качка и здоровенными руками?

Я был готов узнать, что он — бандит с большой дороги, или пират разбитого у дальних берегов судна, или шулер, наконец. С такой-то ехидной ухмылкой на наглой физиономии.

Но не трактирщик.

В этот момент к нашему столику подлетела девушка с тяжелым подносом в руках, и передо мной появилось большое блюдо с ломтями жирного и постного мяса, сыр, жареные колбаски, белые булочки и тарелочка с какими-то соленьями, аппетитно пахнувшая крепким укропистым рассолом. А босоногий уже разливал нам в кружки густое золотистое пиво.

— Тебя как зовут-то? — спросил я у своего неожиданного собутыльника.

— Можешь звать меня Яном, — отозвался босоногий. — Ешь давай, не стесняйся. Я угощаю. И пиво пей — такого больше нигде в городе не наливают. Лучшее пиво! Я сам усовершенствовал рецепт.

Дважды предлагать мне не пришлось.

Господи, каким же вкусным мне показалось мясо!

Крошечные зеленые помидорки весело хрустели на зубах. Пиво оказалось густым и крепким, с приятной горчинкой — я не особенно разбираюсь в пиве, но вкус мне понравился.

Ян косился на меня с коварной ухмылкой, подливал в кружку и нахваливал свое творение.

Но меня-то сейчас тревожило вовсе не качество солода.

— Ладно, допустим, я понял, что встрял в говно, — захмелевшим голосом заговорил я, когда желудок оказался достаточно набит, чтобы не подавлять своими жалобами мозговую активность. — И как из него можно выбраться? И вообще, как тут все у вас? Король там правит, президент, или червь-император...

Ян расхохотался.

— Ну, император у нас и правда какой-то червяк, но называть его так при других не советую. А то, знаешь, тебе не только род обрежут, но и все остальное, что выросло. А так...

Ян вздохнул, бросив кусок мяса себе на тарелку.

— Да гнилое тут все. В хреновый ты мир попал, парень.

Я невольно усмехнулся.

— Слушаю тебя — и прям будто никуда из своего мира и не попадал.

— Ну, это я не знаю, — отмахнулся мой собеседник.

— Структура-то какая у государства? Религия там?

Ян поперхнулся вином.

— Какая к хренам религия? Тут у нас, брат, не религия, а второе налогообложение! Платим всем: императору, князю, градоначальнику, да еще и богов целый пучок. Не

поднесешь, что требуется — как заявится к тебе какая-нибудь дамочка с восемью ногами, или мужик голый с топором — мало не покажется. Пока всем отсыпаеть — самому остается доходу с рыбий хер.

Он снова налил нам выпить и крикнул девушкам, чтобы те забрали пустые бутылки и принесли нам еще пива.

Приятная ватность окутывала, как мягкое одеяло. Все вокруг начинало казаться уже не таким враждебным и гнусным.

— А так — в империи восемнадцать княжеств, каждое кичится каким-то особым типом магии. Самые жирные маги обитают в столичных городах, где сношаются, как племенные быки, и соревнуются в собственной крутости с другими магами из других княжеств. Жирные из жирных получают право поселиться в имперском панегирике, городе славы. А держится все, как обычно, на крестьянах и ремесленниках, такие вот дела.

— А закон? Законы тут какие?.. — продолжал спрашивать я, хотя пол вдруг начал приятно раскачиваться, отчего становилось пьяно и весело.

Вот уж не знаю, на каких секретных ингредиентах Ян настаивал это свое пиво, на яйцах дракона там или зубах китоврасов, но голову мне от него унесло конкретно.

Ян уже воспринимался как закадычный друг, а этот сукин сын все подливал мне пенного в кружку и скалил зубы в улыбке. А я охотно пил, как придурок, хотя обычно всегда знаю свою меру и никогда не имел неконтролируемой тяге к бухалову.

Но от этого пива мне будто извилины в голове утюгом разгладили. Как мы очутились в отдельной комнате, я уже не помню. Помню, что говорили про баб. Помню, что на стене висели два больших кинжала с изогнутым клинком, и я порезал себе палец, разглядывая их.

А потом сквозь дурман я с какой-то искаженной ясностью увидел маленький столик, чисто выбеленную стену с кинжалами и щитами. И улыбающуюся физиономию Яна.

— А ты думал, я только мяском приторговываю? Нет, парень. В наше время на легальном заработке далеко не уедешь...

Он вытащил из кармана плоскую прозрачную бутылку, будто из-под недорогого карманного коньячка. А внутри маняще поблескивала зеленая жидкость, похожая на абсент. На дне в качестве осадка покачивались нарезанные небольшими брусочками стебли чего-то неведомого.

Я не помнил, о чем мы говорили только что, но на душе почему-то было спокойно и почти весело.

Я икнул.

— Эт че такое?..

Мой голос прозвучал так чуждо и пьяно, что я заржал.

— Твоя новая жизнь, — хитро прищурившись, сказал Ян. — Правда, гарантировать результат я не могу, сам понимаешь. Но тот «пустышка», о котором я тебе рассказывал, теперь штаны на золоченом седле протирает, в столице одного княжества. Вот какой источник магии у него открылся от снадобья!..

О каком таком «пустышке» идет речь, я понятия не имел. Видимо, расслабленный мозг просто выронил эту информацию. Но сам рассказ меня несколько не смущал.

— Он потом даже вторую бутылку просил! — продолжал Ян. — Сказал, вдруг еще сильнее стану? А я ему говорю: дурак, снадобье не усиливает, оно или пробуждает магию, или нет. Тебе, говорю, повезло...

— И сколько стоит? — глядя косыми глазами на бутылку, икнул я.

— Дорого стоит, — ответил Ян. — Но ты-то у нас не абы кто. Ты — «новая кровь» из другого мира. Хочу помочь тебе, как другу, так что бесплатно отдам...

— Давай! — без колебаний ответил я, как последний придурок.

Не, ну а что. Пьяному мне всегда море по колено. Старый добрый друг решает бутылкой все проблемы! Просто рраз — и все! Круто!

Ни одна нервная клетка серого вещества не воспротивилась моему гусарскому удалству.

Ян рассмеялся. И наверняка, будь я хоть чуточку трезвее, этот смех показался бы мне зловещим. Черт подери, да даже пьяным я должен был понимать, что здесь что-то не то. Бутылка с уговаривающей надписью «выпей меня!» ни к чему хорошему не привела даже в детской сказке!

Я должен был понимать.

Но не понимал.

Ян многозначительно подвинул мне бутылку.

И я взял ее со стола, вытащил туго забитую пробку и, шумно выдохнув, выхлебал сладкое густое пойло, вкусом похожее на сироп шиповника.

Мир вокруг закрутился, завертелся, загудел и рассыпался сотнями ярких огней.

А потом все внезапно исчезло, и я начисто отрубился.

Черная вязкая мгла расступалась неохотно. Мое пробудившееся сознание нехотя ощущало свежий запах деревенского, наполненного кислородом утра, под щекой ощущалось что-то жесткое и шершавое, но мне было плевать. Тело гудело, но как после хорошей тренировки, а не пьяной ночи.

Я с усилием приоткрыл глаза и увидел серую каменную стену, возле которой в одной набедренной повязке сидел тощий желтокожий старик, похожий на мумию. Сверху на него падал солнечный луч, и старик улыбался мне беззубым ртом, будто явившийся на минутку прямиком из нирваны здорово постаревший будда.

На мгновенье я зажмурился, прогоняя наваждение, и сел.

Когда я снова осмотрелся, то увидел каморку два на два метра с решетчатым потолком, сквозь который светило солнце, и самого обычного беззубого старикашку, у которого по лбу ползали вши.

А еще я был почти голый, если не считать чужих порток чуть ниже колена, завязанных на поясе тесьмой.

Твою ж революцию, где я вообще?..

Старик, не меняя позы и выражения лица, вдруг принялся безумно смеяться — на одной ноте, без эмоций.

— Где мы? Что это за место? — спросил я у старика.

Старик резко перестал смеяться.

— Мы в городской тюрьме, — охотно ответил он, с любопытством глядя на меня.

Я тихо выругался, схватившись за голову.

Вот и доигрался.

Неужели Ян меня сдал властям? Но за что?

Я мучительно пытался вспомнить минувший вечер, но с трудом разбирал, что из этого могло быть на самом деле, а что породила пьяная фантазия.

Но последним, что я мог припомнить, был мой разговор за маленьким столом под стенкой с кинжалами.

Между тем старик продолжал с детским любопытством меня разглядывать, будто белого тигра в зоопарке.

— А сам-то ты кто? — поморщился я, потирая задницу с левой стороны.

Кажется, у меня там был синяк.

— Отравитель я, — с готовностью ответил столетний скелет, расцветая в жизнерадостной улыбке.

— Ох ты ж... — невольно сорвалось у меня с языка, который я тут же крепко прикусил.

А сам-то ты кто, отпрыск графьев Шереметьевых? В той же яме сидишь. И, в отличие от деда, даже не знаешь, за что.

Кашлянув, я осторожно спросил:

— Слышь, а... давно я здесь?..

Сморщенное, как сушеное яблоко, лицо старика удивленно вытянулось.

— Так на рассвете ж тебя привели. Пару часов назад. Аль не помнишь?

— Не помню... — признался я неожиданно для себя самого. — Перебрал я вчера. Сильно перебрал... Ни ночи, ни рассвета не помню.

Старик озадаченно хлопал глазами.

— А как городскую ратушу ты на людях природным соком поливал, тож не помнишь?..

Тут уже у меня глаза вылезли на лоб.

— Чего я ратушу?..

Старик снова заржал, а я со стоном схватился за голову.

Просто супер.

Прийти в новый, незнакомый магический мир и в первый же день обоссать местную администрацию — это, конечно, грандиозное достижение.

Ян, паскуда ты распаскудная, чем же ты меня таким напоил? И что мне теперь светит по местному уголовному кодексу? Хорошо, если это по их меркам — мелкое хулиганство. А если личное оскорбление императору?

И самое досадное — я ведь даже не помнил своего подвига! Помнил бы — хоть не так обидно бы было...

Поднявшись на ноги, я принялся бродить по каменному мешку из угла в угол, шлепая босыми ногами по гладким прохладным бульжникам. Надо сказать, мои предшественники их чудесным образом отполировали. Сколько, интересно, их тут было? И что потом с ними стало?..

Шаги наверху заставили меня вздрогнуть.

Я задрал голову вверх, и через решетку увидел склонившегося над ямой мужчину в черном полубайкерском прикиде и двумя викингскими косами в рыжей бороде. Подхватив ручищами решетку, он с кряхтением поднял ее и бросил вниз веревочную лестницу.

— Эй, обоссатель! — с широкой улыбкой крикнул викинг. — Вылезай, за тобой пришли...

Глава 5. Даня из Ривии

Выбираясь на поверхность, я был готов ко всему.

Мое сердце бумкало в груди, как хорошие басы. Мысленно я на всякий случай попрощался со своей головой. А потом вспомнил, что в средневековье виновных зачастую наказывали отрубанием той части тела, которой те согрешили, и попрощался еще кое с чем.

Но рядом с ямой никакого палача я не увидел. Только викинга, тюремный двор с

окровавленной плахой — и маленькую изящную карету в отдалении, запряженную парой серых коней в яблоках.

— Ну че стоишь? Лети, птичка! — со смешком сказал викинг, указывая на карету. — Выкупили тебя, штраф погашен полностью. Теперь... — он как-то странно кашлянул, будто подавился. — иди благодари!..

Оххх!

Тело разом обмякло, ноги и руки стали невесомыми и ватными.

Пронесло! Все мое останется со мной!

Хорошо-то как, люди! И утро какое славное, небо — синее, трава — мокрая, а я — живой и здоровый!

Неужели у Яна все-таки совесть проснулась?..

Я повернулся к карете. На ее окошках висели шелковые занавески, мешая разглядеть находившегося внутри пассажира. Хмурый возница в черном плаще косился на меня недобрый взглядом.

Стараясь не морщиться от колючих камешков под босыми ногами и придерживая руками слишком здоровые тюремные штаны, я направился к своему спасителю.

И стоило мне оказаться в паре шагов от кареты, как дверь приоткрылась, и изнутри раздался игривый женский голосок:

— Ну что ж, пари ты выиграл, так что награда не заставит себя ждать!..

Пари?.. Награда?

Похоже, ночью мне удалось не только ратушу обгадить, но и подружку завести?

Я с любопытством сунулся за занавеску, и чьи-то крепкие руки тут же порывисто втащили меня внутрь.

Я даже ничего сообразить не успел. Просто вздох занавески, приторный запах чего-то сладкого и мокрый рот на моих губах. Дверца кареты захлопнулась, копыта застучали по дороге.

Через пару минут я, наконец, смог отлепить от себя незнакомку.

И...

Ааааа!

Лучше бы я этого не делал!

Боги. Конечно, всем известна вечная истина, что не бывает некрасивых женщин, а бывает мало выпивки.

Но я даже не подозревал, что способен выпить столько!

Утиный нос, крошечные свинячьи глазки, розовый язык недвусмысленно облизывает похотливый рот...

Я вжался спиной в спинку сиденья, понимая, что из кареты, как из подводной лодки, мне никуда не деться.

Ну, только если выпрыгнуть на скаку. Но это, черт подери, больно.

Хотя...

— До сих пор не могу забыть! — вещало создание напротив, хватаясь за мое колено довольно изящной для такой образины ручкой. — Таких безумных мужчин, как ты, я еще не встречала!..

Мать божья, пожалуйста, избавь меня от подробностей вчерашних безумств, Мой желудок этого не выдержит!

Я неловко кашлянул.

— Ну э-эээ... — протянул я, совершенно не понимая, что говорить и что делать.

Мне хотелось спросить, что еще мы с ней пили и где вообще умудрились встретиться? Но такой вопрос совершенно очевидно удовольствия бы ей не доставил. Ведь каждая женщина считает, что она незабываема и неотразима.

Рука незнакомки поднималась по моему колену все выше. От ее пальцев исходил легкий зеленоватый свет — он пульсировал, то набирая яркость, то бледнея и становясь почти невидимым.

Стало быть, прямо сейчас я рисковал обидеть не просто женщину, заплатившую из своего кармана мой штраф, а чародейку!

— Погоди-погоди, я ж только что из вонючей тюремной ямы! — придумал я, наконец, ловкую отговорку. — И одет непоймя во что...

Женщина вздохнула.

— Да, ободрали тебя под чистую. Это у них называется «в счет уплаты штрафа». Правда, судя по размеру штрафа, твое барахло они оценили не больно-то высоко. Но ты — ты, конечно, очень забавный, хоть и «обрезок», — со смехом сказала она.

— Если честно, я помню прошедшую ночь довольно смутно и в общих чертах, — рискнул я признаться.

— Меня-то хоть помнишь? — хищно прищурились крошечные свинячьи глазки.

— Да!! — поспешно соврал я. — Конечно, помню!..

— И где же мы познакомились?.. — ее вопрос ударил меня, как предательское колено бьет под дых.

— Ну эээ... На улице, — попытался я импровизировать.

И в то же мгновение окутанная угрожающим зеленым свечением рука сжала меня за живое.

Я охнул, а свинская чародейка проговорила сквозь зубы:

— Ответ неверный. Как и название твоего родного города, упомянутом тобой вчера. Видишь ли, Геральт, я кое-где навела справки и теперь точно знаю: у нас в империи нет никакой Ривии...

У меня на глазах выступили слезы. Даже в том положении, в котором я оказался, сдержаться я не смог.

И заржал так, как давно не смеялся.

Причем вовсе не потому, что она искала через какие-то источники Ривию. А потому что вдруг кое-что вспомнил из событий минувшей ночи.

Было темно, в глазах танцевали отблески факелов, а под ногами качалась земля. Я чувствовал, как у меня за плечами вырастают крылья зеленого змия, в то время как какой-то мужик в доспехах пытался ухватить меня за руку, и самозабвенно орал:

— Да я вообще Геральт из Ривии! Ясно? А ну прочь руки! Я феникс, понял? Смари, какая магия щас из меня полетится!..

Лицо мужика в доспехах вытянулось, а я победоносно атаковал стену сверкающим лучом...

— Сан рэай! — вопил я. — Все в сторону!

Потом меня стукнули в живот и хорошим пинком огрели по заднице...

И в моей голове наступила победа сил тьмы.

В общем, пьянка явно удалась на славу.

Между тем копыта размеренно цокали, карета тряслась, а бедная моя гадкая утенка

растерянно хлопала глазами, глядя на мои нестандартные реакции.

— Слушай, ты это, не жми так сильно, — сказал я своей незнакомке. — Мне бы, вообще-то, по нужде...

Она убрала руку и обиженно отвернулась в занавешенное окно.

— Что, сказать кучеру, чтобы к ратуше повернул? — едко заметила она.

— Не обязательно, — хмыкнул я, оценив шутку. — Я в любой плотной растительной посадке могу решить свой вопрос.

Утенка погромче выкрикнула приказ своему вознице, не высовываясь в окно, и через пять минут карета остановилась.

Выглянув наружу, я увидел залитый ярким утренним солнцем парк или сад. Листочки шелестели, трава шуршала, невидимые птицы перекликались в кронах.

Краем глаза я взглянул на свою спутницу. Ее руки сейчас не испускали никакого света, и повернутый в сторону профиль вдруг показался мне тоньше и чище, подбородок острее. Возникло странное ощущение, что если сейчас она обернется, я увижу миловидное девичье личико, а не физиономию с утиным носом.

— Выходи и прощай, — сказала девушка, не поворачиваясь.

— Прости меня, — искренне попросил я. — Но я правда не помню, где мы встретились, и что вообще делали вчера.

— Вообще-то, так даже лучше, — вздохнула незнакомка.

— Да это все Ян... — вырвалось у меня вдруг.

— Да, Янус — та еще сволочь, — с чувством произнесла девушка. — Но его кабачок — редкое место, где порой бывает по-настоящему беззаботно и весело. Прощай, Геральт.

— Как мне найти тебя потом? Я хочу вернуть долг, как только смогу.

— Оставь, — сердито возразила она. — Ты не помнишь, но вообще-то на эту ратушу ты полез с моей подачи. Так что это я тебе долг вернула. Давай, иди уже.

Она оказалась вовсе не так глупа, как пыталась показаться в самом начале. Передо мной словно был другой человек.

И этот «другой человек» хотел распрощаться со мной как можно скорее.

Чуть только я выбрался из кареты, кони тут же рванули вперед.

А я остался стоять на наезженной тропе — полуголый, босой и без гроша в кармане.

Недавние события научили меня, что если остался в живых — то, значит, уже в выигрыше. А значит, Даня из Ривии все еще на плаву!

Но привычные к обуви ноги чесались и страдали, а в желудке образовалась ощутимая пустота, в которую срочно нужно было закинуть что-нибудь съестное.

Из парка я по тропе, ойкая и матерясь, выбрался к мощеной улице.

Солнце поднималось все выше, и булыжники под босыми ногами стали теплыми, и шлепать по ним было приятно.

Но, пожалуй, часа через два я смогу передвигаться по ним только короткими перебежками.

Мимо меня по своим делам проходили люди, проезжали всадники и даже иногда погромыхивали кареты. Сначала я невольно съёживался от насмешливых или недовольных взглядов в свою сторону, а потом просто постиг дзен босого пути.

Мне просто стало насрать.

Сунув руки в карманы и высоко подняв голову, я шел по дороге, не обращая ни на кого внимания. И, наблюдая за меняющимися лицами прохожих, я начал даже получать какое-то

удовольствие.

Я шел, как отпетый столичный неформал среди деревеньки где-нибудь в Рязанской губернии. И чувствовал себя свободным, умным, дерзким, многое перенесшим чуваком привлекательной внешности из другого мира, с богатым внутренним миром и сложной, интересной судьбой.

Это было забавно!

Но все окружающие ехали и шли куда-то по настоящим делам, а я топал не пойми куда и зачем.

А в животе между тем начинал рычать и урчать поджелудочный монстр. Вот только пожрать было совсем нечего и не на что.

И как теперь быть?..

Можно, к примеру, найти рынок и попытаться там утащить булку или яблоко, попасться на краже из-за полного отсутствия соответствующего навыка и отправиться снова в яму. Ну, или расстаться с рукой, которую можно потом подобрать с плахи, зажарить и съесть. Так себе выход, если честно.

Можно попытаться найти какую-нибудь черную работу. Но я был не просто «обрезком», я еще и выглядел как отпетый босяк. И горожанам явно не нравился. Так что я вынужденно признал, что шансы мои крайне невелики.

Единственным человеком, с которым меня здесь связывали хоть какие-то отношения, был Ян. Чисто теоретически я бы мог на пунктирных правах бывшего собутыльника попытаться чего-нибудь выпросить или стребовать. Но от одной этой мысли меня начинало тошнить. Как же я приду к нему?... Руки на месте, ноги целы, голова на плечах — здоровый, взрослый мужик, а пойду попрошайничать? Или, еще хуже, скандалить, как истеричная баба?

Я же сам напился, в конце концов. И сам в тюрьму загремел. Он-то здесь при чем?

Короче, думал я, думал...

И решил спросить дорогу обратно в тюрьму.

Добраться до места оказалось не так уж просто: я блуждал по узким улочкам, вдыхая постепенно раскалявшийся воздух и поджаривая пятки.

Но в итоге наконец-то вышел к высоким серым стенам и черным воротам, возле которых лениво щурились на солнце двое стражников.

Я остановился на другой стороне улицы, чтобы подобрать подходящие слова.

— Эй, тебе чего здесь надо? — раздраженно окликнул меня один из стражей, тот, что был помоложе.

— Да я это... В общем, спросить хотел...

Вот как сказать в двух словах, чего мне надо? Хочу к вам в тюрьму, но не в тюрьму?

— Слышь, а тебя разве вчера в яму не посадили?.. — озадаченно спросил второй стражник, вглядываясь в мое лицо.

— Было такое, — усмехнулся я. — Только за меня утром штраф заплатили, и вот я...

— Уже соскучиться, что ли, успел? — рассмеялся первый.

Я решил не юлить, а сказать сразу, как есть.

— Ну, можно и так сказать... Слушайте, мужики, а в тюрьме случайно нет никакой черной работы?.. А то ведь ни гроша за душой, даже вон ботинок теперь нет...

Стражники переглянулись, негромко перекинулись парой фраз между собой.

— Ну, если ты не особо брезгливый... — протянул молодой.

— Я брезгливый, но жрать хочу, а воровать не умею, — выпалил я.

Стражники заулыбались.

— Хороший ответ, парень. Честный, — сказал мне тот, что постарше и указал на узкую маленькую дверь, ловко спрятанную в стене справа от ворот. — Зайди, спроси Хельда. Если ему еще нужен человек, может тебя и возьмет. Не больно-то много желающих плошки за местными «червями» чистить или пыточную мыть...

Я вдруг на мгновение со всей ясностью представил, на что подписываюсь. Тугой комок подступил мне к горлу.

Ну да ничего, перебыюсь как-нибудь.

Нужно учиться как-то выживать в этом новом мире. И тюрьма — не самое худшее место для этого.

Я искренне поблагодарил мужиков и, с усилием приоткрыв маленькую узкую дверь в стене, осторожно вошел внутрь.

В комнате, спрятанной внутри стены, несмотря на теплый день снаружи, пахло поздней осенью и подземельем. Ноги с наслаждением коснулись прохладного шершавого пола. Пара окошек под потолком со стороны внутреннего двора пропускали немного света, и поначалу она вообще показалась мне очень темной.

Но через минуту я проморгался и разглядел две двери. Одна из них вела, по всей видимости, в какие-то другие административные помещения, находившиеся в стене. Другая, прямо напротив меня, должна была вести в тюремный двор.

Вот ее я и выбрал.

Удивительное дело, как сильно может измениться восприятие того или иного места в зависимости от эмоционального состояния. Теперь, в статусе прометея освобожденного, тюремный двор мне виделся очень опрятным, почти уютным. Здесь росли липы и клены. В центре двора вид здорово портила плаха с топором, на которой сейчас валялся еще и окровавленный нож, которого с самого утра тут не было. Справа и слева от плахи располагались два одинаковых приземистых здания с крошечными окошками под крышей. Только у одного здания на окнах были решетки, а у дверей караулила стража, в то время как второй явно предназначался для свободных людей. Свободных — и очень непритязательных, потому что даже по сравнению с тюрьмой этот домик выглядел каким-то запущенным, ободраным и несчастным.

Вдоль тюрьмы тянулся целый ряд ям с решетками наверху. Вдоль них, задумчиво раскачиваясь из стороны в сторону, прогуливались дозорные или часовые.

А неподалеку от входа в тюрьму, вытянув длинные ноги сидел на деревянном чурбане крепкий парень примерно моего возраста, в черной кожаной одежде. Он был гладко выбрит и очень коротко пострижен.

И, самое главное! Он. Сука. Курил. Мои. Сигареты!

От досады мне аж скулы свело.

Эхх... Вот бы сейчас сигаретку...

— А ты-то каким ветром снова здесь, Геральт? — услышал я откуда-то из-за плеча знакомый голос викинга.

— Мне бы Хельда найти, — отозвался я. — И я не Геральт, если что. Меня Даниил зовут. Можно Даня.

— Дани-ил, — задумчиво протянул викинг. — Да ну, нет. Геральт — оно как-то звучнее было.

Я улыбнулся.

— Бери себе, если хочешь. Я дешево отдам.

Викинг рассмеялся.

— Экий ты прыткий! Ладно, Хельда ты нашел — дальше-то что?

— Работа мне нужна. Согласен на любую.

Хельд оценивающе осмотрел меня, и его взгляд остановился на моих руках.

— Работу, говоришь?.. А что ты вообще можешь-то? Вон, ни одной ссадины у тебя, ни одной мозолины. Не знаю уж, чем ты там раньше промышлял и как кормился, но явно не ручным трудом. А мне здесь человек крепкий нужен, причем не только телом, сам понимаешь...

Я хмыкнул.

Мне тут вспомнились Ленкины упреки в том, что я отказываюсь ходить на мужской маникюр. Потому что, видите ли, «любой уважающий себя современный мужчина просто обязан следить за руками!» А я отщучивался, что я и так слежу, причем самым тщательным образом и изо всех сил — ведь она ни разу не заставляла их под чужими юбками.

В итоге она даже подарочный сертификат мне купила на день рождения: ежемесячный маникюр и педикюр в течении полугода. Шикарный подарок, чё. Главное, мужикам ненароком не сболтнуть. А то обзавидуются.

— Ну ладно, — сказал я, с прищуром глядя на Хельда. — Пойду, раз так. Очереди у ворот сказать, чтобы следующий претендент заходил?..

Лицо Херальда напряглось. Казалось, еще немного, и он ломанет мне по башне, чтоб мало не показалось.

Но тут бритоголовый парень с моими сигаретами расхохотался.

— Да будет тебе! — неожиданно низким голосом пробасил парень. — Пусть поработает немного — может, и вправду справится. Ты же не теряешь ничего.

Викинг тряхнул косами на своей бороде.

— Ну, попробовать-то можно, конечно, — недовольно проворчал он. — Вот только, мастер Гай, я не думаю, что из этого что-то путное получится...

— Время рассудит, — отозвался тот, шумно выдыхая дым. — Поди сюда, новичок! Как, говоришь, тебя звать?..

— Даниил, — сказал я, приблизившись к мастеру Гаю и пытаюсь сообразить, насколько уместно в этом мире и в моем положении предложить рукопожатие.

— А меня Гаем зовут, — представился парень. — Я здесь палачом работаю, — кивнул он на валяющуюся рядом в траве черную маску.

— Непростой, наверное, хлеб, — заметил я.

— Да нет, ничего такого, — махнул рукой Гай. — Человек ко всему привыкает, и к вонючей рыбе, и к скотобойне, и к плахе...

Он глубоко затянулся и снова выпустил струйку дыма.

— Это будет наглостью, если я у тебя покурить спрошу? — спросил я, покосившись на сигарету.

— Куришь? — удивился Гай.

— А это странно?

— Да я здесь как-то не видел, чтобы кто-нибудь дым пускал, — ответил тот. — Все носы воротят и ворчат, стоит только прикурить. Не то что у меня на родине...

Он вытащил из кармана плоскую деревянную коробочку, выкрашенную в зеленый цвет,

и выдвинул крышку. Внутри ровным рядочком лежали белые, туго набитые папиросы.

— На, держи, — с гордостью за свой национальный продукт сказал Гай. — Это лучшее, что я смог купить на местном рынке.

Я покосился на привычный лейбл на сигарете у него во рту.

— Если ты не возражаешь, я бы предпочел свои.

Гай сначала непонимающе приподнял мохнатые темные брови, а потом понимающе кивнул.

— А, вот оно что! — Он вытащил из кармана помятую пачку. — На, держи. Всю забирай, не стесняйся. И спички держи.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я его, принимая коробок размером с пол-ладони.

— Вкус родины, да?

Возражать я не стал.

— Вроде того.

Прикурив от здоровенной спички, похожей на каминную, я с наслаждением втянул в себя густой горький дым. Голова слегка закружилась, будто от первой сигареты после очередной попытки бросить.

Я стоял посреди тюремного двора босой, в одних штанах, с пустым желудком, но зато с папиросой в зубах и местным палачом под боком.

Не, ну а что. Жизнь-то налаживается!..

— Да... — глубокомысленно проговорил тут палач, глядя в небо. — Вкус родины — это великая магия! С ним преобразается даже такое безвкусное дерьмо, как твои папиросы...

И, бросив себе под ноги недокуренную сигарету, потянулся за своим вкусом родины и портсигаром.

Глава 6. То яма то канава

Мое новое место работы носило говорящее название — «Ямы».

В Ямах содержалось сто пятьдесят восемь постоянных заключенных, и к ним то добавлялись, то убавлялись два — три хулигана-«штрафника». Обычно это были жертвы дружеских попок, переросших в драку, любители пощупать чужих женщин и осквернители склепов, которые неудачно одолжили у покойников оставленные на надгробиях вино и хлеб.

И всех этих людей полагалось кормить два раза в сутки: жидким супом и кашей, будь она неладна. Так что когда Хельд, презрительно усмехаясь, показал мне огромную лохань с их мисками, я даже обрадовался, что с утра так и не поел.

Это была жесьть.

Похоже, плошки заключенных никто никогда не мыл. Их просто сбрасывали в лохань с водой, как сейчас, а потом из нее же доставали и накладывали новую порцию. Короста из потемневшей каши на мутных ржавых стенках выглядела, как неизлечимая болезнь. По сравнению с ними ложки и кружки смотрелись почти стерильными, хотя их желтоватый налет был липким даже на вид.

— Ну что, приступай! — хмыкнул Хельд. — А я скажу на кухне, чтобы на тебя обед сделали.

Насвистывая, он отправился прочь.

— Эй, а где можно взять кипяток? — крикнул я ему вдогонку.

— Что есть, тем и помоешь! Кипяток ему еще, — буркнул Хельд.

Вот ведь скотина.

Я окинул взглядом фронт работы.

Две бочки с холодной водой, ведро и гора грязной посуды.

Прямо как после вечеринки на даче у родителей в пору моего студенчества. И ничего, пережил ведь!

Главное — подготовиться к мытью с умом.

Я натаскал себе песка, навязал из травы мочалок и, стараясь не внюхиваться в кислотоватую вонь прокисшей еды, занялся делом.

Один из проходивших мимо стражников, хмыкнув, оценил мои старания. Сунув руку в одну из бочек, он попыхтел, напрягся до красноты в лице и, подмигнув мне, отправился дальше по своим делам, оставив мне горячей воды.

И вот тут дело пошло куда веселее!

Чистые и блестящие жестянки я собирал ровными аккуратными стопками по десять штук и раскладывал на траве.

Но, несмотря на все мои старания, к вечеру я справился только с плоскими и половиной кружек, остальные все так же мутнели своими противными желтоватыми боками.

После кормежки заключенных я не поленился и хорошенько перемыл все сразу, пока снова не засохло намертво.

А потом из кухни принесли котлы, и я почувствовал себя Золушкой.

На душе стало тоскливо.

Мать вашу, да я закончил физтех!..

Но потом из пыточной раздался такой душераздирающий вопль, что я поспешил заняться чисткой котлов. Песок весело скрипел по боковинам, и этот звук хоть немного, но заглушал пронзительные крики.

Я не хотел думать о том, что сейчас происходило в пыточной, и чем занят мастер Гай. Как бы там ни было, помочь хоть чем-нибудь несчастному приговоренному я не мог. Так что оставалось только сконцентрироваться на нашем пылком любовном треугольнике: я, котлы и пригоревшая каша.

Вонючая липкая хрень постепенно отдиралась от стенок и дна, и в конце концов я так увлекся своим квестом, что даже не заметил, как кто-то подошел ко мне.

— Гляжу, ты справляешься, — услышал донесся до меня из-за плеча знакомый низкий голос.

Это Гай зашел навестить меня перед уходом домой.

— Да я тоже так думал, пока вот эту хренотень не принесли! — мрачно отозвался я.

— Ничего, — подбадривающе отозвался тот. — Глаза боятся, а руки — рубят. Покурим?

— Давай.

Мы уселись на траву и дружно затаились сладковатым дымком — каждый своим.

— А я, знаешь, сегодня порол одного... Десять ударов плетью всего, понимаешь? Дел-то на пять минут. Казалось бы — будь вежлив к окружающим, просто постой себе тихо, и топай с миром... Так нет же. Как он орал!..

Я шумно выдохнул.

— Да уж, я слышал...

— Еще бы ты не слышал. Мне кажется, его и покойники в склепах слышали и проснулись. До сих пор у меня все в ушах звенит.

— Мне даже подумалось, ты там кожу с кого-то живьем снимаешь, — признался я. — Мне надо там прибраться после тебя?

— Нет. К счастью, слюни и сопля цвета не имеют, — сказал Гай, вдавливая окурок в землю. — Ну, бывай.

Кивнув ему на прощанье, я снова взглянул на котлы, и теперь они уже не казались такими страшными.

По крайней мере, они не орут.

К полуночи дело наконец-то было сделано.

Спать меня отвели в хозяйственный корпус. И пусть набитые соломой мешки — это не ортопедический матрас, спал я на них, как убитый.

А с утра пораньше пришла новая смена охраны и меня повязали прямо перед уединенным домиком клозета, куда мне приспичило после сна.

Напрасно я пытался докричаться до парней, что, мол, я один из вас и тоже здесь работаю. Мои казенные портки и черные пятки говорили им куда больше. На шум сбежался весь свободный «ямской» народ. Хельд нагло ржал, а мастер Гай нахмурился и заявил, что работник тюрьмы, которого принимают за ее жителя, это стыд и позор для всех.

— Ну, из казенного-то я ему могу выдать только твою амуницию — как раз новый комплект привезли, — ухмыльнулся Хельд, явно рассчитывая уколоть этим Гая.

— Так выдай, — меланхолично отозвался тот, вскидывая на плечо топор. — Мне не жалко. Ладно, я работать пошел...

Так мне достался brutальный сет палача.

Черные кожаные штаны, перчатки, квадратная майка из льна и кожаная куртка подошли мне отлично, только черные сапоги с высокими голенищами и отворотами оказались на пару размеров больше, чем нужно. Тогда я намотал себе на ноги в два слоя тряпок по типу армейских портянок, и проблема оказалась решена.

Жалко, что зеркала нигде не было, чтобы в полной мере оценить всю крутость моего внешнего вида. Вот бы еще в руки меч плюс сто к мытью посуды и шлемак удачи на голову — и я самый прокачанный в рейде перс!

Но в реальности меня ожидал куда менее эпичный подвиг, так что перчатки и куртку пришлось тут же снять, потому что на жаре в такой броне можно умереть от теплового урона.

К полудню я перемыл после завтрака и дочистил оставшуюся посуду заключенных.

А вечером меня позвали прибраться в пыточную...

И вот как-то примерно так все и закрутилось.

Я чистил, мыл, драил — кашу, кровавые разводы на полу, деревянную плаху во дворе. К вечеру оставались силы только разве что побродить по тюремному двору, глядя на полыхающие факелы, или навестить старика, с которым довелось ненадолго разделить одну яму.

Время от времени я оставлял для него то лишний кусок хлеба, то сахар. Не знаю, почему. Охранники посмеивались надо мной, но сбросить бедолаге через решетку какую-нибудь мелочь никогда не запрещали.

Перед уходом домой мастер Гай всегда приходил ко мне — поболтать пять минут и покурить. Когда сигареты кончились, он стал угощать меня своими запасами, и вскоре я уже сам бегал в город к лавке с пряностями, где среди прочих товаров имелись и папиросы.

Сначала курить их было неудобно и странно: они были толстые, тугие и на губах от них надолго оставался горький полынный привкус.

Но потом привык.

В этом мастер Гай был прав — человек действительно привыкает ко всему.

Даже к такой работе, какая досталась мне.

Сначала я приходил убираться в пыточную с двумя ведрами сразу — одно ставил в угол для себя, чтобы пол лишней раз не пачкать, а в другом полоскал тряпку.

Через пару недель уже хватало просто выйти на пару минут на воздух подышать.

Научившись совмещать свою работу с полным желудком, я с изумлением обнаружил, что набитое брюхо и ощущение сытости — это далеко не всегда синонимы. В Ямах нас кормили кашей — конечно, не такой противной, как заключенных, но тем не менее пустой. Для навару повар добавлял мелко порубленное сало и мясные кости, которые уходили в тарелки более значимых в тюрьме персон, чем уборщик. Я жрал эту пустую кашу и мечтал о куске мяса, как о манне небесной. Убегая на час в город, чтобы купить папирос на честно заработанные медяки, я иногда заглядывал в лавку мясника. Тот, нахмурившись, пересчитывал отсыпанные ему в горсть монеты, и широким длинным ножом отрезал от мясного куса пару тонких, почти прозрачных лепестков. И я утаскивал с собой свое сокровище, завернутое в грубую коричневую бумагу, и потом на кухне жарил их над очагом, подцепив ножом за уголок. Мясные лепестки шипели и съезживались, испуская умопомрачительный запах сытой вкуснятины. Обливаясь слюной, я сжирал их прямо с ножа, торопливо посыпав крупной, хрустящей на зубах солью.

Иногда после такого «перекуса» мне так и хотелось забраться в свою нычку, выгрести все монеты до последней, закупить себе мяса и наесться им от пуза.

Но на деле позволить себе такую придурь я не мог. Мой скромный финансовый запас был гарантией того, что, в случае чего, добрую неделю я точно не помру с голодухи без ямской каши. Вот только увеличиваться запас не больно-то спешил, хотя я почти ничего не тратил.

Пару раз я пытался найти себе занятие поприличней и поденежней, но потерпел полный крах. Рудокопы подняли меня на смех — их здорово рассмешило, что обрезок готов наняться на такую работу. Они наперебой начали высчитывать полезность моего труда и давились хохотом минут двадцать, прежде чем отказать. Сторожа в городском саду тоже не пожелали нанимать человека без магии, вооруженного только естественными способностями глаз и ушей. Им нужен был супермен, видящий в темноте и способный на слух определить опасного человека на другом конце сада.

Но самое унижительное фиаско меня ожидало, когда я пришел предложить себя на вакансию счетовода в ювелирную лавку. Пока мужики надо мной ржали в голос, я взбесился и заявил, что вообще-то закончил приличный университет и уж чего-чего, а считать точно умею неплохо. На что мне сказали, что раз я такой ученый, то конечно же знаю теорию криптографического переноса инспирационных всплесков магической энергии на металл разной плотности.

Если бы у нас в физтехе была кафедра инспирационных магических всплесков, я бы, само собой, ответил. Но увы. И дальше ювелирам уже было совсем не важно, насколько здорово я умею считать: они получили свой заряд бодрости и веселья и не собирались униматься, ухахатываясь мне в лицо.

После своих поражений я несколько сник, и, чтобы не впасть в безысходную кручину, решил придумать новую систему хранения инструментов палача. На это ушло несколько дней. И когда я, наконец, осуществил оптимизацию, мастер Гай пришел в полный восторг и внезапно предложил мне стать своим учеником.

От такого счастья у меня аж у зобу дыханье сперло.

— Спасибо, но я, пожалуй, откажусь, — не своим голосом ответил я, стараясь удержать внутри более экспрессивный вариант отказа, так и рвущийся мне на язык. Но не хотелось ненароком обидеть хорошего человека.

Даже если этот хороший человек еще и палач хороший.

— А ты подумай, не отказывайся сразу-то, — начал меня убеждать Гай. — Императоры меняются, и градоначальников то снимают, то назначают, а хороший палач никогда не останется без работы. А что? Станешь мастером Даниилом...

Я невольно рассмеялся. Данила-мастер, блин. Так вот о чем нам всегда недоговаривали в детских сказках!

А что, с моим опытом дистанционной работы очень удачная может быть вакансия!

Особенно если вспомнить студенческую подработку в техподдержке.

Не, ну а что.

«Теперь подойдите, пожалуйста, к плахе. Нет, плаха — это такая кругленькая штука, залитая кровью. Встаньте перед ней на колени... Справа от себя вы увидите топор. Что значит там нет никакого топора? Вы точно к плахе подошли?.. Ну хорошо, давайте заново повторим маршрут...»

— Не, друг, это точно не мое, — признался я. — Еще башку рубануть убийце детей там, или насильнику какому-нибудь — куда ни шло. А так... Вчера вот тебе девку из суда привезли. Что она там украла?

— Серьги у госпожи.

— Ну вот. И за краденые побрякушки такую жопу исполосовать? Нет, я не смог бы.

Гай прищурился.

— А ты-то откуда знаешь? Ты ж ее только в одежде видел.

— Опыт и воображение. Такое богатство тряпочкой не скроешь.

Гай вздохнул.

— Да... Жопа у нее и правда была знатная. Упругая, гладкая, выпуклая, — мечтательно проговорил он, глядя куда-то вдаль, точно где-то там, на горизонте, он снова видел соблазнительные женские округлости. — Слушай, а ты не хочешь в соседний город на ярмарку съездить? — неожиданно спросил он. — Тут дороги-то всего часа два. Выпить, баб пощупать...

Я задумчиво потер заросший щетиной подбородок.

Мысленно я представил себе вкусное густое вино, полураздетых танцовщиц на улицах, улыбающуюся полупьяную толпу, среди которой немало хорошеньких девушек с упругими, гладкими и выпуклыми ягодицами.

От такой красоты мне даже жарко стало в разных местах.

— Ярмарка — это, наверное, очень даже хорошо... Только сколько на это денег надо? Я, конечно, тут на казенных харчах скопил кое-что, но вряд ли этого хватит.

— Ну, для начала, ярмарка не была бы ярмаркой, если бы на ней не наливали бесплатный сидр, — глубокомысленно заметил Гай. — Да и потом какой-то товар на любую монету найдется, было бы настроение и желание.

Мысль о бесплатном сидре меня оживила.

— Предложение, должен сказать, интересное. Попробую как-нибудь у рыжего начальства отпроситься. А когда там будет праздник?

— Через дня дня. А Хельду скажешь, что наемный рабочий имеет право на один

свободный день в неделю, а ты еще ни разу не покидал Ямы с тех пор, как поступил сюда. Так что пусть прожует и проглотит.

По-дружески хлопнув меня тяжелой рукой по плечу, Гай отправился домой, а я — к Хельду.

Выслушав богатый запас его ругательств, я все-таки получил официальное право на два выходных.

Вспомнив о выпивке, женщинах и личной свободе мое тело радостно взбунтовалось. Уснуть сейчас было невозможно, и я отправился бродить по территории тюрьмы, жадно вдыхая наполнявшийся ночной свежестью воздух.

Жаль, что чистить и скоблить было нечего.

Кровь кипела в жилах, воображение рисовало одну картинку за другой. Сначала — из воображаемого будущего, потом — из недавнего прошлого.

Ночная охрана негромко переговаривалась о чем-то своем, на заднем дворе опять устроили игру в кости на затрещину. Слышался смех, грязная ругань и шлепки оплеух. Сверчки трещали, как оглашенные. Дежурные разносили факелы. Те гудели пламенем на ветру, освещая теплым оранжевым светом тюремный двор.

А я вспоминал своих друзей, без сожалений бросивших меня. И женщину, которую содержал и опекал, как мог. И которая, возможно, прямо сейчас впивалась от удовольствия в чью-то спину ногтями.

Вот сука.

Не то чтобы я хотел ее вернуть. Но досада тугим комком застревала у меня в горле, стоило только вспомнить, насколько легко и даже с удовольствием она нырнула в открывшееся ей светлое будущее, как в чужую постель.

Тут дорожка свернула к земляным норам, и я вспомнил про старика.

Пошарив по карманам, я нашел несколько кусочков сахара, завернутых в бумажку, и подошел к стражнику.

— Слышь, а можно деду сахарку кинуть?.. — спросил я, показывая свою посылку. — У меня тут собралось немного...

Тот усмехнулся.

— Далеко бросать придется, парень, — ответил охранник. — Помер он, сегодня днем. Вместе с казненным разбойником вечером закопали. — Буднично пояснил он.

Помер?..

Я будто застыл. Смотрел в бородатое лицо стражника, на котором танцевали блики от факелов, и продолжал держать перед собой раскрытую ладонь с кусками сахара, завернутыми в коричневую бумажку.

Помер...

— Ты не знал? — спросил стражник.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет. Я весь день в пыточной провел...

Опустив глаза, я посмотрел на неровные куски сахара у себя в руке.

Сахар был тяжелый, плотный, и белый-белый. Не такой, как в моем мире.

Но люди здесь умирали точно так же.

— Эй, ты чего? Он тебе родной, чтоль, был?.. — озадаченно спросил стражник.

— Нет, — отозвался я. — Просто... как-то неожиданно вышло.

Я развернулся обратно к своей тропинке.

Да.

Это действительно вышло неожиданно.

До меня вдруг дошло, что до сих пор я не воспринимал окружающий мир до конца всерьез.

Впрочем, та же проблема у меня была и в предыдущем мире.

Там мне казалось, что у меня еще вагон времени, чтобы все успеть. А если вдруг не понравится то, что успелось, то я всегда успею переиграть все заново.

Но время — оно конечно.

И есть вещи, которые не переиграешь и не изменишь. А еще — люди внезапно смертны. И жизнь — это, по большому счету, лишь короткое «сейчас», которое ты держишь за хвост. Потому что прошлое — это уже история, а будущее может не наступить.

Добравшись до входа в хозяйственный корпус, я сел на ступени и сунул в рот кусок сахара, предназначавшийся человеку, который был уже мертв.

Да, Даня. Однажды и ты протянешь ноги. И как ты хочешь, чтобы это произошло? От натуги в котле с обедками? Или с человеческой головой в ведре?

— Вот ведь дерьмо, — проговорил я себе под нос.

Да, Даня, ты в дерьме. С голоду, конечно, не подышаешь, но разве этого достаточно? И что ты сделал за прошедший месяц для того, чтобы улучшить свое положение?

Вот то-то и оно.

Что, отказали тебе в паре мест, обсмеяли от макушки до пяток — и ты весь такой в лондонском сплине, как в жопе павлина!

Не девок тебе надо шупать, а денег накопить, одеться поприличней и работу найти человеческую. И думать, как подниматься из говна. Думать, Даня. Думать!

С хрустом раскусив сахар, я решительно поднялся и направился в свою каморку.

Усевшись на лавку, наощупь зажег свечку, стоящую на ящичке, как на прикроватной тумбе.

И осмотрелся.

Мне выделили эту каморку месяц назад, но я будто впервые увидел ее на трезвую голову.

Скорее всего, изначально здесь была какая-нибудь кладовка. В комнате не было ни одного окна, и в ней кисло пахло пылью. Возле входа стояли мои ведра и лохань, которую мне выделили для личных нужд. Несколько пустых ящичков отделяли «предбанник» с инвентарем от «жилой части», где располагалась лавка с набитыми соломой мешками, ящик-тумбочка и еще одна лавка, на которой лежал весь мой личный скарб, которым мне удалось постепенно разжиться за это время: гребень, коробочка с толченым мелом и миниатюрной щеточкой для чистки зубов, кусок дешевого мыла и пара трусов — квадратных, на шнурке. На эту же лавку я складывал свою одежду перед сном.

И тут такая тоска меня сдавила, что хоть волком вой.

Стянув с себя одежду, я в майке и трусах вытянулся на своих мешках, глядя в потолок.

А с другой стороны... Ну неужели я не заслужил после всех своих злоключений, стертых в мозоли рук и вечно онемевшей спины денек отдыха?

Всего один денек!

Это же как пива с приятелем попить.

Вот отдохну разок — и сразу начну всерьез собирать нужные сведения и работать над своим будущим. Не обязательно же спускать все свои сбережения.

Мысли начинали путаться, но их направление мне понравилось. На душе сразу стало как-то легче и теплей.

В конце концов, я взрослый серьезный человек и прекрасно все понимаю...

Приоткрыв глаза, я пальцами погасил свечу и отключился.

Ночью мне снились чьи-то прекрасные задницы и спелые упругие сиськи. Они маняще покачивались, ударяясь в мои ладони. Потом они почему-то покрылись тончайшими золотистыми нитями, похожими на паутину. Эти нити прилипали к моим рукам, а чей-то горячий язык страстно облизывал мне шею и плечи. Приглушенный смех звучал у меня в ушах...

В общем, это был хороший сон. Да.

И первая ночь, когда мне здесь вообще что-то приснилось.

Следующие два дня я жил ожиданием выходного.

Вечером перед поездкой я тщательно вычистил себе сапоги, одежду, хорошенько помылся и, переодевшись в свежестиранное белье, рухнул на лавку и еще долго ворочался, не в силах уснуть.

Потом забрался в свой мешочек с монетами и на всякий случай отсчитал половину, завернул в тряпицу и спрятал внутрь мешка с соломой.

Утром я ждал Гая у ворот.

И даже сначала его не узнал: мой приятель был одет в белую сорочку с кружевной манишкой, узенькую лиловую куртку и короткие коричневые штаны с блестящими пуговицами сбоку.

А еще на его коротко стриженной голове гордо возвышалась светлая шляпа.

Но то ли шляпа была слегка маловата, то ли в принципе такой наряд не вязался в моем сознании со сдержанным и немного хмурым характером мастера Гая, но вид был такой, как если бы Валуев оделся в балетный костюм Щелкунчика.

А еще он с такой грустью окинул взглядом мой брутальный прикид палача, что сразу стало ясно: ему мой внешний вид тоже не очень понравился. Видимо, с его точки зрения мне не хватало кружевной манишки.

Обижать человека мне не хотелось, и поэтому я, с трудом сдерживаясь от смеха, отвел в сторону враз заслезившиеся глаза.

Мы двинулись к стоянке экипажей, и я, чтобы чем-то нейтральным занять возникшую паузу, спросил:

— Слушай, а эта ярмарка — она к чему-то определенному приурочена? Праздник-то там в честь чего?

— Да вроде в честь одной из богинь-хранительниц, — отозвался своим басом Гай, цокая по мостовой подбитыми каблуками башмаков. — У них там их три: Дикая Волчица, мать природы Фауна и Арахна...

Арахна?..

Я остановился, как вкопанный.

Обрывки недавнего сна закружили у меня в голове. Липкая паутина на руках и страстное облизывание вдруг приобрели совсем иное значение, как и приглушенный смех.

Пока я отчаянно фантазировал про эротику, кажется, кто-то недвусмысленно приглашал меня на обед в качестве главного блюда.

Я ведь так и не принес паучихе обещанные подарки!..

Что я там ей должен? Выпивку и змей. К счастью, дохлых.

Мать моя женщина, кто-нибудь знает, сколько стоит дохлая кобра?

— Даниил? — окликнул меня Гай, заметив, что его спутник отстал.

— Прости, но мне вернуться нужно, — пробормотал я. — За деньгами. Я деньги забыл.

Подождешь минуту?..

Оставив Гая посреди улицы, я развернулся и погрохотал тяжелыми сапожищами обратно к тюрьме. Намек понят, восьминогая госпожа! Я все ловлю на лету.

Непроизвольно вытирая сухую шею на ходу, я вернулся в свою каморку. Развязал мешок, вытащил спрятанные в тряпице деньги и сунул поглубже в карман.

И глубоко вздохнул.

Интересно, насколько будет трудно протащить дохлых змей в храм, где их почитают живыми?.. Может, стоит сразу заказать себе одноместный номерок в «Ямах»?

Впрочем, «номерок» — это если повезет. Потому что осквернитель святынь, взятый с поличным, обычно побивался на месте камнями или палками — это я теперь знал.

Все-таки этот месяц был потрачен не совсем впустую.

Глава 7. Кобры, пиво и дурак

В большую повозку нас набилось человек десять, если не больше. Точнее пересчитать пассажиров я не мог, потому что плотность людей напоминала шпроты в банке.

Зажатые соседями с боков, мы упирались коленями в спины и задницы сидевших впереди, а в нас в свою очередь вдавливались колени пассажиров сзади.

Правда, мне в этом смысле повезло больше, чем всем остальным, потому что прямо за моей спиной сидела единственная в нашей повозке женщина. Она была невзрачная, с серовато-землистым лицом и гладко зализанными в косу волосами, но зато низенькая и субтильная, так что даже на кочках ее ноги касались меня лишь слегка.

Многие из гостей ярмарки решили начать праздник еще дома, и поэтому вокруг стоял густой алкогольный дух. Смешиваясь с крепким ароматом пота он образовывал химический коктейль, от которого слезились глаза и перехватывало дыхание.

Я сидел в середине телеги, тесно зажатый между Гаем и еще одним плечистым мужиком в светлой льняной сорочке, по всей видимости — новой. Однако, свежая одежда не была в его понимании веским поводом для того, чтобы помыться, и чуть выше светлого ворота у моего соседа полосатилась грязными разводами давно немытая шея.

В общем, комфорт данного вида транспорта оказался вполне сопоставим с комфортностью метро в час пик. Ну а что. Маршрутка, мать ее, — она везде маршрутка.

Наконец, повозка перестала трястись, цокот лошадиных копыт затих, и возница дружелюбно гаркнул:

— Вываливайте все! Приехали.

И мы послушно двинулись к выходу.

Залитая солнцем площадь под стенами города напоминала вокзал: повсюду сновали маленькие персональные кареты, большие многоместные повозки выгружали новых гостей, легкие открытые коляски развозили нарядных женщин и богато одетых мужчин. Люди сбивались в кучки, шумно приветствовали друг друга и отправлялись по главной дороге к центру — туда, где сейчас начиналось веселье.

Соскочив с высокого порожка вниз, я автоматически подал руку шедшей следом за мной соседке, чтобы помочь ей спуститься.

Но, к моему удивлению, вместо того, чтобы поблагодарить за помощь или хотя бы

просто улыбнуться, женщина брезгливо отдернула свою руку, а парень с полосатой шеей вдруг ошутимо пихнул меня в плечо.

— А ну-ка грабли свои убрал от моей жены, урод вонючий! Что думаешь, раз кожу труподела напялил, то можешь теперь безнаказанно женщин порядочных щупать? — брызгая слюной, наскочил на меня мужик.

— Чё?..

Я даже обалдел от такого пылкого возмущения. Алле, чувак, да я таких женщин, как твоя жена, не щупал бы даже с голодухи и за доплату!

— Да я всего лишь хотел помочь ей спуститься, чудила! — огрызнулся я.

Выпятив грудь, мужик деловито подскочил ко мне, явно желая продолжить разборку. Его жена вскрикнула:

— Вит, не трогай его! Палач все-таки...

— Да разве таких обрезков на городскую службу берут?! Одежу-то небось, украл где? А? Уродец?

У меня аж дыхание от злости перехватило.

— А меня за особые способности взяли, — угрожающе проговорил я, уставившись на него таким взглядом, точно хотел дистанционно задушить. — Профессиональные...

Наверное, в этот момент я выглядел полным психом. Потому что мужик вдруг побледнел и попятился. Вокруг внезапно стало тихо: люди, позабыв о своих делах и шумных разговорах, с любопытством наблюдали за происходящим.

А я между тем продолжал, медленно наступая на него:

— ... Пытать хорошо умею. И шкуру живьем сдираю качественно. Хочешь, покажу?.. — с искренней готовностью предложил я ему.

Гай одобрительно ухмыльнулся.

И тут жена мужика бросилась милому на выручку. Неловко соскочив с подножки, она всплеснула руками, охнула — и рванула к своему сокровищу. Выскочив прямо между мной и своим муженьком, она заголосила:

— Люди добрые, да что ж это делается! На честного человека, посреди бела дня!..

Но я, развернувшись, уже пошел прочь от этой волшебной парочки, чтобы сторяча не наломать дров.

Толпа зевак загудела у меня за спиной, а я шел, сунув руки в карманы и впечатывая подбитые каблуки великоватых сапог в булыжники мостовой.

Вскоре Гай нагнал меня.

Какое-то время мы шли рядом молча, а потом я остановился и спросил:

— Почему ты не предупредил меня?

— Не предупредил о чем?..

— Что все по моей одежде сразу поймут, где я работаю. Ты ведь поэтому так вырядился, да? Чтобы никто не догадался, что ты мастер топора?

Гай удивленно посмотрел на меня.

— Я-то да, — в своей привычной меланхоличной манере проговорил он. — А ты разве не специально так оделся? Чтобы все думали, будто бы ты — палач, хотя на самом деле ты в тюрьме миски моешь?..

— Я не только миски мою!.. — вспыхнул я...

И тут же осекся.

Мда.

В самом деле, не только миски. Но еще и ложки, котлы, окровавленные полы...

Гай был прав.

Он не пытался меня унижить, просто сказал как есть.

Но от этого становилось только хуже.

— Надо было мне тоже какое-нибудь барахло прикупить, — пробормотал я себе под нос, пытаюсь свести все к шутке.

— Зачем? — пожал могучими плечами Гай, и невозмутимо добавил: — Тебе-то кружевным жабо не помочь. Слишком уж ты...

— Обрезок?

— Типа того. А мастеров моего дела хоть и не любят, но побаиваются — мы ведь со смертью на короткой ноге. Суеверные люди говорят, что палачу нельзя смотреть в глаза и трогать его перчатки и сапоги, потому что через них можно дотянуться до собственной смерти. Вот и получается, что одежда эта для тебя — как обережная кольчужка. В ней ты для всех сперва, палач, а уж потом... все остальное.

Ободряюще хлопнув меня по плечу, Гай зашагал вперед.

Я поплелся за ним.

— А вот в перепалки лучше не вступай. Этот-то ладно, сам не пойми кто, а если на кого-нибудь плащеносного наткнешься? Так что если вдруг плюнет кто, лучше молча утрись. А то попадешь к какому-нибудь особо щепетильному судье, и вlepит он тебе клеймо от всей своей широкой души. А магическое клеймо, приятель, это тебе не плевков. Его не утрешь и не смоешь.

— Нахрена я вообще сюда приехал, — пробубнил я, хотя это было несправедливо.

Потому что ехать сюда однозначно стоило — пусть даже только для того, чтобы поблагодарить Арахну.

— Да ты не расстраивайся, — протянул Гай. — Сейчас выйдем на площадь, а там веселье, музыка, сидр — там все будет иначе. И среди девиц всегда найдется та, которой захочется потрогать жреца смерти не только за сапог и перчатку, уж ты поверь.

Я усмехнулся.

— А мне-то самому ее потрогать захочется? Ту, что найдется?

Гай рассмеялся. Смех у него был резкий, отрывистый, как свист плети.

— А вот этого, прости, обещать не могу. Но опыт подсказывает, что сумерки и вино способны украсить любую женщину!..

Я невольно вспомнил свою утенку, и не смог сдержаться от невеселой улыбки.

Да уж...

— ... И потом, ты красивый, молодой — глядишь, у тебя, может, даже выбор будет, — оптимистично закончил Гай.

Тем временем дома расступились, открывая вид на большую площадь с белокаменным храмом в центре.

И опен эйр, прямо скажем, оставлял желать лучшего.

Праздник здесь еще только разгорался. Прямо у входа на площадь возле растяжек с цветными лентами и гигантской надписью «Сидр ярмарочный» собралась большая толпа. Но, как водится, надпись-то была, а самого сидра все еще не подвезли, так что люди ворчали и поругивались, но не расходились. Чуть дальше бесплатной распивочной расположились торговцы пивом, вином, закусками и лакомствами. Здесь толпился уже народ побогаче. Подтаявшие леденцы блестели в руках у чумазных детей, окруживших смешно

гримасничавшую обезьянку в красном ошейнике. Хозяин в рваной шляпе подыгрывал ей на длинной деревянной дудке. Дети хохотали, мартышка злобно скалилась, но поскольку она была маленькая и сидела на поводке, ее оскал тоже казался смешным и вызывал новый приступ смеха.

Чуть дальше уличные музыканты наигрывали незатейливый мотивчик, под который мясистая задорная танцовщица ритмично потрясывала складками на смуглом животе. Живот звенел пришитыми к поясу бубенчиками, танцовщица игриво улыбалась, хмельные и сальные от солнца мужики оценивающи прищелкивали языками, капали слюной и бросали на мостовую мелкие монеты.

Дальше довольная толпа тоже кучковалась вокруг каких-то развлечух уровня деревенского шапито, и, кажется, все были абсолютно счастливы.

Я невольно вспомнил легкие открытые коляски, в которых мчались куда-то очаровательные женщины в струящихся открытых платьях и мужчин в белых костюмах. Теперь было очевидно, что торопились они явно не сюда.

Где-то в городе параллельно проводилась совсем другая вечеринка, для красивых вкусно пахнущих девчонок с длинными волосами и мажоров, которым повезло родиться не уродами.

А чего я хотел? Чтобы они терлись в очереди около обезьяны?

Черт, я ведь по жизни не завистливый. Но сейчас именно это мерзопастное чувство застучало у меня в висках.

Я больше не хотел быть здесь. Совсем.

Вот сделаю подношение Арахне и свалю в свою берлогу нахрен.

— Выпьем? — предложил тут Гай, указывая рукой на пивную бочку. — Я угощаю!

— Давай, — с готовностью согласился я.

Протиснувшись к торговцу, мы немного потоптались в ожидании свободных кружек и, наконец, получили свое пиво.

Оно было кислым и разбавленным, но холодным, и за это я был готов простить ему все.

Подзаправившись пенным, мы пошли дальше толкаться на ярмарочную площадь. Гая тянуло к цирку, где сейчас между столбами проверяли закрепленный канат. Две тоненькие девушки в коротеньких пушистых юбочках и в шляпках с паучьими лапками, переминаясь, ожидали начала представления.

А мне нужно было найти торговые ряды.

Оглушительный звон припрятанных где-то гонгов заставил всех притихнуть. Музыка смолкла, представления замерли. Люди начали расступаться, образуя широкий свободный проход от въезда на площадь и до самого храма.

Гай тоже оттащил меня в сторону, и через несколько минут я увидел необычную процессию.

Впереди шествовали две молоденькие девушки в длинных зеленых платьях и с белыми цветами в шелковистых темных волосах. Они несли в руках большие корзины с лепестками, и бросали их на дорогу. Следом шли женщины с тамбуринами, выбивая звонкий ритм. Их тонкие платья, пузырящиеся на округлях беременных животах, были красными, как спелая клубника. А за ними двенадцать дюжих парней в льняных штанах и рубашках тащили тяжелые носилки, украшенные позолоченными цветами, виноградом из самоцветов и зелеными шелковыми лентами.

На носилках восседала женщина. Своим обликом она напоминала японскую

национальную куклу — неестественно длинные черные волосы, сложная многослойная одежда, широкие рукава и раскрашенное белилами лицо неопределенного возраста.

— А это кто?.. — шепотом спросил я у Гая.

— Местная ипостась Флоры. Ниже голову опусти!

Я наклонился чуть ниже, и процессия прошла мимо нас, оставляя после себя шлейф золотистого свечения с кружащими облаками розовых лепестков и аромат дорогого кондиционера для белья.

— Она что, пришла сделать подношение Арахне?.. — спросил я, глядя богине вслед.

Гай рассмеялся.

— Да вот еще, она же ненавидит пауков! И каждый раз в праздник нарочно проезжает в свое святилище через площадь Арахны, чтобы все повернулись к белому храму задом и кланялись ее божественному величеству.

— Вот ведь тварь, — тихо сказал я, глядя Флоре в след.

Почему-то мне стало до горечи обидно за восьминогую деву.

— Тебе-то что? — хмыкнул Гай. — Пойдем лучше на канатоходок поглядим!..

— Слушай, мне нужно к торговцам. Нехорошо явиться на праздник и не сделать подношение.

— Так брось монетку на цветы и вино в блюдо пожертвований — всего делов-то!

— Нет, я не так хочу...

Кое-как отмазавшись от напарника, я оставил его любоваться трусиками взобравшейся на канат плясуньи, а сам побрел дальше, проталкиваясь плечом к выставленным прилавкам.

Бутыль с пивом и корзинку я купил быстро. А вот с дохлыми кобрами, как я и думал, возникли проблемы.

Дедок, у которого я попытался спросить совета, боязливо схватил на руки внука и скрылся в толпе. Забулдыга, услышав, что я ищу змей, принялся как безумный ржать.

Остановившись на передышку, я заметил шумную полупьяную компанию. Бородатые мужики, беззлобно переругиваясь с чисто одетыми женщинами, ели мясные шарики с длинных деревянных шпажек. У одного из них на спине висела лютня.

Приблизившись к ним, я на свой страх и риск спросил, не знает ли кто-нибудь из них, где можно раздобыть змею.

Лютнист громко загоготал, схватил за руку одну из женщин и толкнул ее мне в руки.

— На тебе, держи одну!

Мужики дружно грянули хохотом, женщина охнула, демонстрируя возмущение, но глаза ее продолжали смеяться.

— Ишь ты, скотина какая! — крикнула она лютнисту, погрозив кулаком.

И, обернувшись ко мне, вдруг улыбнулась.

— Ой, да ты красавчик!.. А зачем тебе змея-то нужна?

— Да так... — замялся я.

— Что значит «зачем»? Ясное дело, чтобы жениться! — под хохот приятелей ответил лютнист.

— Очень смешно, — демонстративно надула губы женщина. А потом, потянувшись к моему уху, негромко сказала: — К аптекарю сходи. Он поможет.

— Эй-эй, при живом-то муже! — в шутку возмутился уже лютнист, хватая женщину за руку.

— Ты же сам меня ему в руки отдал! — засмеялась та.

— Я отдал, я и обратно заберу!

Я усмехнулся.

— Да я и сам бы вернул — мне чужого не надо...

Лютнист крепко прижал к себе жену, а потом обернулся на меня.

— А зачем тебе змея, черношкурый? Кого-нибудь того-самого хочешь?..

— Да ну нет, — отмахнулся я. — Ладно, пойду я...

— Я говорю, к аптекарю ему надо! — воскликнула женщина.

— Аптекаря вчера жрецы заставили всех кобр утопить, чтобы любители паучьей свиты не устроили опять поклонение кобрам, как в прошлом году, — присоединился к разговору второй бородач.

Я наострил ухо.

— А куда он потом утопленниц дел?..

Тот пожал плечами.

— Да я-то почему знаю. Хочешь — сам у него спроси, если дома застанешь. У него аптека прямо возле площади — ты мимо нее проходил, когда сюда шел.

— Спасибо, мужики! — искренне поблагодарил я.

— Будь здоров, — кивнул мне лютнист, снимая со спины инструмент. — Ну что, весеннюю песенку?..

Я отправился с площади прочь, а за спиной послышалось нестройное, но веселое пение.

После встречи с этой компанией у меня на душе стало как-то теплей.

На самом деле, не так уж много нужно человеку, чтобы захотелось улыбаться.

Нужный дом я нашел сразу — на нем висела огромная вывеска с соответствующей надписью.

Но двери аптеки оказались закрыты для покупателей.

И как быть?..

Сначала я было расстроился, а потом мне в голову пришла рискованная идея.

В конце концов, я же не какой-нибудь мойщик посуды в тюрьме. Я — палач! И видок у меня соответствующий. На худой конец, придется просто очень быстро пробежаться — делов-то.

Припрятав свою корзинку в кустах, я застегнул повыше куртку, сделал лицо кирпичом и в наглую принялся дубасить кулаком в дверь аптеки.

Через пару минут мне открыл дверь сухонький старичок в черной жилетке и крахмальной рубашке с широкими рукавами. Судя по выражению его сморщенного лица, он явно собирался объяснить наглому посетителю, куда тому следует немедленно пойти. Но при виде меня он быстро заморгал и попятился.

— Чего...чего надобно? — скрипучим голосом спросил он, стараясь не смотреть мне в лицо.

Суеверный, стало быть.

— Как чего? — грубоватым тоном отозвался я. — Вы змей по описи не представили!

— Чего?.. — недоумевающе проговорил старик.

А я, нахмурившись еще больше, принялся на полном серьезе гнуть по Станиславскому.

— Кобры согласно приказу умерщвлены или нет?

— Умерщ... Да, то есть, конечно, — торопливо закивал старик. — Я приказам подчиняюсь неукоснительно, молодой человек!

— Так если умерщвлены, почему они согласно описи не представлены городской

страже? — нахраписто заявил я.

— Так а... мне никто не сказал, что их куда-то представлять надобно... — оробев перед моим напором проговорил аптекарь.

— Змеи-то где? — с досадой проворчал я.

— Да на заднем дворе, в мусорной куче лежат!.. А почему... — глаза хитрого аптекаря сузились. — Почему тогда вы занимаетесь этим вопросом? Отчего не стража, раз уж я должен представить им доказательства?..

— Вот это — очень хороший вопрос, — со свирепой обидой на воображаемое начальство прохрипел я. — Так где змеи-то?

Старик всплеснул руками.

— Сейчас я, сейчас!.. Минуточку только...

Через пять минут старик принес мне мешок с десятком змеиных хвостов. Я деловито их пересчитал, кивнул аптекарю и вышел прочь.

Скрывшись за углом, я прижался спиной к нагретой шершавой стене дома и шумно выдохнул. Сердце весело колотилось.

О боги, это было прекрасно!

Так глупо, нагло, смешно... и, главное, результативно!

Сложив дохлых змей в корзину, я прикрыл их мешковиной, сверху положил пиво и, довольный, насвистывая повернул к площади.

Смешавшись с толпой, я неспешно добрался до белого храма и, звякнув монеткой о жертвенное блюдо, нырнул в прохладную тень за дубовой дверью.

Окон в храме не было, если не считать десятка крошечных щелей под куполом, похожих на бойницы. С полумраком справлялись свечи, расставленные на шести высоких напольных подсвечниках.

А в глубине святилища на возвышении располагалась огромная статуя Арахны.

Она мало походила на оригинал, просто символически изображала некую деву с телом паука. Белые ступени, ведущие к статуе, были влажными от красной жидкости — выглядело жутковато и красочно, но, судя по запаху, если здесь и принесли кого-то в жертву, так это бутылку густого сладкого вина.

Народу в храме почти не было. В дальнем углу стоял старик в длинном белом одеянии — по-видимому, местный жрец. Рядом с ним, негромко что-то рассказывая и поглядывая по сторонам, переминался с ноги на ногу стражник. На ступенях перед Арахной отбивала поклоны женщина. Сбоку от статуи, возле покрытого чешуйчатым орнаментом подсвечника, дожидался своей очереди молодой парень в простой одежде крестьянина.

Наконец, женщина отвесила последний поклон, приблизилась к статуе и положила к ее ногам большой круглый хлеб.

И только сейчас я увидел, что под паучьими лапами скопилось множество всякого добра: бутылки с вином, хлеб и даже какие-то деревянные бусы.

Женщина ушла, но парень так и остался стоять у подсвечника. Похоже, к Арахне он пока не собирался.

Поколебавшись, я со своей корзиной двинулся вперед.

Остановившись на ступенях, я поднял глаза на статую — и обомлел.

Ее лицо изменилось. Оно словно ожило на каменном теле, и сейчас на меня с насмешливой снисходительностью смотрела моя знакомая восьминогая богиня.

— Привет, — шепотом сказал я ей.

— Ах, пришел все-таки? А то я уже сама подумывала тебя навестить, — услышал я приглушенный тоненький голосок у себя за плечом.

От неожиданности я чуть корзину не выронил.

— Ты — здесь?!

Арахна хихикнула.

— Не ори ты так, Даниил-не-жрец. Кроме тебя мой голос больше никто не слышит. А вот твои вопли слышны всем. Так что говори потише, а то и так придурковато выглядишь в одежде палача и с этой корзинкой в руках. Видишь, как на тебя стражник смотрит? Аж напрягся весь. На что спорим, что он ждет, не вытащишь ли ты из-под мешковины чью-нибудь голову?

— Да плевать, — улыбнулся я. — Ты-то как сама? Как дела, настроение?.. Ничего?

Арахна рассмеялась.

— Да-а, нечасто меня в храме про дела спрашивают. Вообще-то тут молиться положено. Просить о чем-то, похвалу петь. Не слышал о таком? — с юным ехидством в голосе проговорила она.

— Ну, если тебе так больше нравится... — я набрал было в легкие побольше воздуха, соображая на ходу, чего бы такого грянуть. Но поскольку опыта в пении похвал и молитвах у меня не имелось, возникла небольшая заминка. Которую, к счастью, разрешила сама Арахна:

— Ой, нет, я же просто пошутила. Нормально все у меня, скучно только.

Я с улыбкой вынул из корзины бутылку пива.

— Может, с ним повеселее будет?

— О, зимний эль!.. — воскликнула Арахна. — Какая прелесть! Ой, ну какой же ты милый! Ну-ка поставь его...

Приблизившись к статуе, я аккуратно поставил пиво на мраморный пол. И в ту же секунду в темноте храма вспыхнули тонкие золотые нити, опутав бутылку сияющим коконом. Миг — и на месте бутылки осталось лишь влажное пятно.

Стражник с жрецом даже разговаривать перестали. Крестьянин, стоявший сбоку, тоже удивленно захлопал глазами.

— А теперь самое главное, — вкрадчивым голосом проговорила Арахна. — Тебе удалось раздобыть для меня змей?..

Я широко улыбнулся.

О да, я исполнил все, чего ты хотела! Интересно, мне за это орден не полагается? Или хотя бы кошель золотых?

— Я принес все, чего ты желала! — с важным видом ответил я.

— Так не тяни, давай!..

Я стащил с корзины мешок и поставил свое подношение на то самое место, где только что была бутылка пива.

Стены храма дрогнули. С потолка, как острые солнечные лучи, к дохлым кобрам протянулись нити божественной паутины, окутывая корзину плотным коконом.

У жреца открылся рот. Они со стражником уставились на меня, как на чудо чудное.

Я гордо вскинул голову.

Да, я крут! Мне благоволит богиня.

— Беги... — донесся до меня шепот Арахны.

— Чего?.. — не понял я.

— Беги, говорю! — расхохоталась богиня.

И в эту секунду подсвечники вдруг изогнулись, будто живые.

Бедный парень, стоявший буквально в шаге от одного из них, с испуганным вскриком неловко отпрянул. Запнувшись, он плюхнулся задом на каменный пол. А подсвечники, покрываясь сверкающей чешуей, потянулись ко мне и зашипели...

— Беги, Даня-не-жрец! — задорно крикнула мне Арахна, звонко смеясь. — А то они тебя сожрут!

— Чего?!

Я рванул из храма, рискуя потерять сапоги.

— Осквернитель!!! — прогрохотал мне в спину окрик жреца. — Мерзавец оскорбил золотых служительниц богини!

Вылетев из дверей, я врезался в толпу, испугал пару женщин и толкнул мужика, который в это время собирался хлебнуть вина из только что откупоренной бутылки.

Стекло жалобно хрустнуло, разлетевшись по мостовой. Алая жидкость выплеснулась мужику на кружевную манишку и перепачкала кровавыми разводами длинную юбку стоявшей рядом с ним тетки.

— А ну стой, урод!.. — хриплым голосом завопил мужик мне в спину. Он был пьян до той кондиции, при которой любые верования меркнут по сравнению с разбитой бутылкой выпивки.

Но тут из широко распахнувшихся дверей храма донеслось хищное шипение, и народ с визгом и воплями, хватая на руки детей, отхлынул от святилища прочь.

— Держи палача!.. — пытался перекричать толпу стражник. — Он в одежде палача! Держи его!..

Расталкивая людей локтями, я несся сломя голову сам не зная куда.

Вот это я влип!..

— Направо беги, — услышал я звонкий голосок Арахны, словно она по прежнему была рядом.

Прямо перед моим лицом блеснула тонкая золотая паутинка, указывая путь.

Повернув голову, я при дневном свете увидел небольшого коричневого паучка, цепко державшегося за ворот моей куртки.

— Беги, не останавливайся! С площади они никуда не уползут, там владения этой суки Флоры, — прошептала мне Арахна.

— А ты сама им не можешь приказать вернуться?!

— Я же тебе говорила — им теперь поклоняются не меньше, чем мне, — со вздохом ответила Арахна. — Так что все они в статусе полубогинь, и я не могу им приказывать...

— Ты меня подставила!

— Я подставила, я и спасаю. Теперь в переулочек!.. Ой, как же давно я так не веселилась!

Я нырнул в узкий проход между коричневыми кирпичными домиками с черепичными крышами. Спавшая посреди дороги кошка, оскорбленно вскочив на лапы, с шипением бросилась мне в ноги.

— Отстань, дура! — рявкнул я, на бегу сбрасывая очумевшую тварь со штанины.

Кошка коротко мявкнула и рванула на ближайшее дерево.

Арахна весело смеялась у меня на плече. Она явно была в восторге от случившегося.

Еще бы, вон какую заваруху сотворила благодаря одному дураку!

Я бы, может, тоже посмеялся, будь вокруг меня еще сотня парней в ярком черном прикиде.

Но в городе за все это время я не встретил больше ни одного человека в одежде палача.

И как теперь мне вернуться домой? И где спрятаться?

За испорченную ярмарку местные меня явно раскрутят на запчасти. Раздеться до трусов, что ли, чтобы никто не признал?.. Украсть другую одежду?

Сердце стучало, как сумасшедшее, от подложенных в сапоги тряпок болели ноги. Майку под моей курткой можно было выжимать. Оглушительно бряцая подбитыми каблуками, я со всех ног побежал по переулку, следуя за тонкой нитью золотой паутины и ругаясь про себя самыми жирными ругательствами, какие только знал.

А за мной следом неслись проклятья и гневный топот.

Глава 8. Гладиатор, блин

Петляя через подворотни и жадно хватая горячий воздух ртом, я мчал по подсказке Арахны неведомо куда.

Наконец, топот несущихся за мной горожан затих. Свернув за угол в тень большого дома с колоннами, я остановился, пытаюсь отдышаться.

Каждый вдох будто разрывал мне грудь изнутри, сердце билось где-то в гортани, в башке звенело.

Хорошая пробежка получилась, ничего не скажешь.

— Кажется, оторвались... Но это временно, пока кто-нибудь из них меня опять не увидит, — сказал я Арахне, но в этот раз восьминогая богиня промолчала.

Взглянув на свое плечо, я обнаружил, что паучок потерялся где-то по пути. Или, скорее, сбежал.

Золотистая паутина, указывавшая мне путь, все еще поблескивала впереди, убеждая меня войти в большую нарядную арку.

Осмотревшись, я понял, что очутился в каком-то элитном районе. Здесь нигде не пестрели манящие вывески кабаков и лавок. Низеньких домиков с черепичными крышами тут тоже не было, все здания были массивными и высокими, не меньше четырех этажей. Нижние ярусы украшала лепнина с растительным орнаментом, над крышами возвышались маленькие круглые башенки с тонкими и острыми, как иголки, шпилями. Вдоль дорожек ровными рядами цвела какая-то бело-розовая чушь с приторно-сладким запахом.

Немного удивляло, что на улице было совершенно пусто. Просто ни души. И только наглые коты валялись на цветочных клумбах.

Однако, несмотря на пустоту, тихо здесь не было. В воздухе витал монотонный гул, который то усиливался, то ослабевал, будто за ближайшим поворотом прятался портал на футбольный стадион.

Между тем паутина Арахны вспыхнула ярче, призывая меня двигаться дальше.

Утерев лицо, я стащил с себя ненавистную куртку — теперь уже не имело значения, насколько импозантно я выгляжу. Мокрая майка, реагируя на неуловимое движение ветра, приятно остудила спину. И я отправился за своим золотистым проводником.

Нырнув в арку, я прошел под тенистым навесом длинной аллеи, потом свернул налево, прошел мимо огромного здания, обнесенного каменной оградой с ажурными черными воротами и очутился перед лестницей, ведущей в глубокую низину, где была оборудована песчаная арена с трибунами, расположенными полукругом.

Так вот куда торопились те господа в колясках!

Я это понял сразу, стоило только присмотреться к качественному составу публики в

лужах.

На арене тем временем происходило что-то непонятное. Двое мужчин с двуручными мечами сражались с копейщиком и мечником со щитом. Время от времени они вспыхивали сиянием магии, и перемещались по арене с такой скоростью, что я с трудом мог за ними уследить.

Золотистая паутинка, блеснув в последний раз, унеслась вперед, кружа в воздухе над дорожкой, ведущей к местному колизею.

И поскольку жизнь меня ничему не учит, я двинулся следом за подсказкой, особо не задумываясь.

Ну как же, Арахна ведь плохого не посоветует! С чего бы мне настораживаться, верно? Она же мне свинью не подкладывала. То есть, подкладывала-то не свинью, а всего-то шесть полубожественных кобр! Почему бы мне не поверить ей безоглядно?

К тому же, на арене творилось что-то интересное, и мне хотелось взглянуть на это поближе. Да и в толпе, теснившейся у дороги с моей стороны, можно вполне смешаться и постоять в безопасности.

Так мне показалось издалека.

Но стоило мне спуститься чуть ниже, как из прозрачной пустоты справа и слева прямо передо мной вышли два человека.

Они были одеты в кожаные доспехи, на расшитых поясах сверкали посеребренные ножны, а с плеч на спины струились тонкие блестящие плащи цвета стали — прям чисто паладины, не иначе. Один — чуть потоньше и помоложе, другой — потолще, пониже и постарше.

От неожиданности я вздрогнул и встал, как вкопанный.

«Попался, что ли?..» — пронеслось в голове.

Что ж, такие ногами по лицу бить не будут. Просто сразу башку отрубят — и дело с концом.

А за спиной я уже слышал приближающийся топот ног и ползгивание оружия.

Вот и попался.

Кранты тебе, Даня.

Кранты по самые небалуйся...

— Ты приглашенный или соискатель? — хмуро спросил «тонкий», смерив меня недружелюбным взглядом с головы до ног.

Я нервно сглотнул.

Сказать, что просто мимо проходил?

Но сапоги за спиной топали все громче — и я нутром чуял, что они-то мимо точно не пройдут.

И что делать? Назваться по-быстрому соискателем? Но соискателем чего? Звания «главный придурок года»? Или почетной должности кровавой жертвы для великой Арахны? А может, простигосподи, речь идет о праздничном ублажателе местных жрецов достопочтенной богини? Тогда бы уж лучше голову с плеч, как по мне. Я скорее сдохну, чем вот так опозорюсь!

И вообще, если соискать означает сражаться, то, Хьюстон, у меня большие проблемы.

Самый безопасный вариант — назваться приглашенным. Но на него я походил меньше всего. Ведь кто и куда приглашает палача?..

— Достопочтенные рыцари, стойте!.. — услышал я за спиной запыхавшийся голос. —

Это человек!..

— Я соискатель! — без запинки выпалил я, глядя достопочтенным рыцарям в глаза.

— Проходи, — сказал второй рыцарь, которого я мысленно окрестил «толстым». И отступил немного в сторону, чтобы я мог свободно пройти.

— Пойдите! Этот человек — наш! — уже совсем близко прохрипел чей-то голос.

Я попытался живенько проскользнуть за рыцарей, но тяжелая рука одного из паладинов легла мне на плечо и словно вдавила в землю.

Я остолбенел.

То есть не просто замер, а реально встал столбом, не в силах пошевелиться. Даже веки перестали моргать.

— Он объявил себя соискателем, — возразил «толстый».

И я не без удовольствия отметил, что серебряные паладины говорят со стражниками так же хмуро, как и с мимопроходящими палачами.

— Господа, ну какой из него соискатель? — с трудом сдерживая в голосе раздражение, возмутился мой преследователь. — Вы только взгляните на него!.. Да вся ярмарочная площадь — свидетели, что этот вот осквернил святилище великой Арахны!..

— Мы вашей богине не подчиняемся, — сказал, как отрезал «тонкий». — И что бы он не сделал, территория арены вам не принадлежит!..

— Этот человек — осквернитель! — нарочито громко воскликнул стражник. — И я буду вынужден говорить об этой ситуации с организаторами отбора!..

Толпа внизу арены зашевелилась. Люди начали оборачиваться на нас, кто-то даже принялся тыкать пальцами.

Ну спасибо тебе, Арахна.

Лучше бы я дальше под аркой прятался!..

— Говорите тише!.. — чуть ли не хором шикнули на стражников рыцари.

— Да вы посмотрите на него — ну какой из него соискатель? Чего он может соискать? Свои штаны по утрам?

— Август, он ведь и правда — обрезок, — негромко заметил «тонкий» рыцарь. — Кто бы стал ругаться за такого?

— Так спроси его, — резонно ответил ему «толстый».

— Ну обычно-то мы не спрашиваем...

— Обычно к нам и обрезки не приходят.

Тяжелая рука убралась с моего плеча, и в ту же секунду меня, как игрушку, развернули лицом к рыцарям и стражникам.

Ядрена мать, лучше б я их не видел.

Десяток разъяренных физиономий скалились на меня, явно желая отыграться за испорченный праздник и проблемный рабочий день.

— Ты знаешь, что невостребованных соискателей метят клеймом и заставляют выплачивать штраф, чтоб другим неповадно было без причины и должных навыков тратить время почтенных людей впустую? — строго спросил меня «толстый».

— И заручился ли ты одобрением кого-нибудь из наставников, чтобы прийти сюда? — поддержал допрос его напарник, и голос его прозвучал еще жестче.

Они явно не знали о принципе «добрый полицейский — плохой полицейский». Но хотя бы держались адекватно.

Тут я покосился на покрасневшие после бега лица стражников, и у меня все обмерло.

— Я... я конечно!.. — с уверенностью идиота принялось заверять мое трусливо альтер-эго, которому было уже совершенно начхать, насколько хреново мне будет потом, потому что перед носом маячило нечто очень хреновое и прямо сейчас. — Я знал...

— Что тут происходит? На вас уже гости из лож смотрят больше, чем на арену! — раздался женский голос.

Со стороны толпы к нам энергичным и сердитым шагом направлялась высокая красивая девушка в очень тесном коротеньком платье с прозрачной юбкой поверх тонких кожаных штанов.

Запах от ее красновато-коричневых волос был сладким, а вырез на груди — таким глубоким, что мужики по обе стороны баррикад с видимым усилием отвели глаза от того, что в эти глаза прямо таки выпрыгивало из декольте на ходу.

И только я уставился вовсе не на ее роскошь, а на сопровождение.

Потому что позади красотки шел Ян.

Он шагал знакомой вальяжной походкой, сунув руки в карманы. И на этот раз он был не просто одет и обут, нет.

Он выглядел так, будто вся эта свистопляска на арене была в его честь!

Сверкающие глянцем и серебром сапоги, темно-зеленые штаны, нагло расстегнутый мятый зеленый камзол и красная лента с орденом на груди, поверх торчащей из-под камзола майки, грубый широкий пояс и пристегнутые к нему ножны с мечом — мать честная, все это мало походило на униформу трактирщика! На плече Яна, как банное полотенце, висел тонкий черный плащ.

Рыцари тем временем почтительно развернулись в пол-оборота к разгневанной дамочке и склонили головы.

— Простите за шум, тут у нас соискатель спорный объявился...

— Ба, ну наконец-то! — громогласно заявил Ян, улыбаясь мне так широко и дружелюбно, будто только меня и ждал. — А я было уже уходить хотел...

— Вы знаете этого... человека? — озадаченно спросила барышня, смерив меня таким взглядом с головы до ног, что даже слепому было бы ясно, каким словом она хотела меня охарактеризовать на самом деле, но не стала.

— Это мой соискатель, я пригласил его, — без запинки соврал Ян, обнимая меня за плечо, как приятеля. — Я уж думал, ты не придешь — игры-то уже почти закончились!

Он развернулся и повел меня по дорожке вниз, продолжая громко нести полнейшую ересь и при этом эмоционально жестикулируя.

— Мастер Янус, но он — осквернитель!.. — рискнул крикнуть нам вдогонку упорный стражник.

Ян обернулся и, сверкнув зубами в широкой наглой улыбке, ответил:

— Да мне насрать.

И, подтолкнув меня вперед, направился к арене.

Внутри меня все клокотало. Сукин сын, да если бы не ты со своим дурацким зельем, меня бы вообще в этом городе сейчас не было! И плошки вонючие я бы не мыл! А теперь ты такой гордый изображаешь моего спасителя?!

— Ты не дергайся, лицо поумней и позагадочней сделай, и дыши поглубже, — негромко проговорил мне Ян.

— Позагадочней?.. — вскипел было я.

Да я сейчас как двину тебе в лоб — гарантирую, вид будет более чем загадочный!

Но тут же прикусил язык.

В конце концов, ситуация и правда была совсем неподходящей. Да и он вроде как меня выручил ведь.

Или нет?..

— Ты же не хочешь в петле за оскорбление совета орденов болтаться? Нет? Ну так подыграй мне и ничему не удивляйся. Понял?..

Хлопнув меня по плечу, он прибавил шагу.

Но красавица в декольте нас все равно уже догнала.

— Я, конечно, слышала, что дела у твоего ордена не очень, но что вы настолько в отчаянии, даже не предполагала, — с неприкрытой издевкой протянула она, поправляя на ходу волосы.

Янус хитро взглянул на нее из-за плеча.

— Марта, дорогая, не все то золото, что наружу торчит... — многозначительно протянул он.

— Ой, да ладно! — рассмеялась она.

И вдруг ее смех неожиданно оборвался.

— Да ладно, — уже с совсем другой интонацией проговорила женщина.

С офигевшей интонацией.

Я чувствовал, как ее взгляд сверлил мне спину, но не обернулся.

Загадочные парни не оборачиваются, красавица. Вот так-то!

— Эй, подожди!.. — капризно крикнула она нам вдогонку.

Барышня явно поняла что-то такое, о чем я понятия не имел. И это, черт возьми, мне не понравилось.

— Когда тебя спросят, откуда ты родом, многозначительно молчи, — быстро и тихо сказал Ян, как бы случайно склонив ко мне голову. — Ты меч-то хотя бы держать умеешь?

Арена между тем освободилась. И я чувствовал, как сотни любопытных глаз уставились на нас с Яном.

Что-то похожее я уже испытывал тогда, в котловане. Когда опозорился на глазах у приятелей и своей бывшей.

Ядрена вошь, а можно как-нибудь этот эпизод кино перемотать? Я никогда не мог смотреть, как кто-нибудь глупо лагает. У меня от этого все чешется.

Но еще хуже, когда так тупо лагает не кто-нибудь, а ты сам. Да-да, именно ты голой жопой садишься в лужу, а толпа по ту сторону экрана хихикает и нервно чешется в ожидании, когда твой эпизод уже закончится.

— Я никуда не пойду, — заявил я, останавливаясь.

Нахер все это. Лучше уж стражники. Разберусь как-нибудь, не впервой. Но посмешищем я больше не стану!..

Лицо Яна из нагло-улыбчивого вдруг стало суровым. Черты заострились, взгляд стал тяжелым и ледяным.

— У тебя нет выбора. А с того момента, как я вмешался во все это, выбора нет и у меня, — сказал он, и тут же с привычной улыбочкой крикнул рыцарям, толпившимся у арены со стороны дорожки.

— Кто-нибудь, зарегистрируйте моего протеже! И выпустите его побыстрее на испытание, а то мне долго ждать неохота.

Меня мгновенно затолкали вглубь, к спрятавшемуся за широкими спинами столику, за

которым сидел дедок с длинной белой бородой, заплетенной в две косы.

— Имя и откуда родом! — потребовал у меня писчий, смерив удивленным взглядом.

— Даниил, — ответил я, чувствуя, как вагончик тронулся, и весь круг американских горок уже неизбежен.

— Откуда родом? — переспросил старик.

— Просто Даниил. Из ниоткуда, — ответил я, вспомнив инструктаж Яна.

Что этот ублюдок опять задумал? И почему вообще ему так легко удалось опять втянуть меня в какое-то говно?..

А между тем на арене появился паренек, разряженный в золотистый костюм тореадора, и во всю глотку прокричал многоуважаемой публике имя следующего соискателя.

Мое имя.

Кто-то ободряюще хлопнул меня по плечу, кто-то подтолкнул в спину, поторапливая — и я, как пьяный, вывалился на сцену моего позора.

В ближайшей ко мне нижней ложе я сразу заметил Яна. Он сидел, развалившись, в мягком кресле с подлокотниками, рядом с ним на стуле расположилась стройная русоволосая девушка в облегающем зеленом платье до щиколоток и манящим разрезом сбоку — чуть ли не до самого боку. Выставив на всеобщее обозрение безукоризненно прекрасную ногу, она слушала нашептывания Яна и хитро улыбалась — похоже, он рассказывал ей что-то весьма увлекательное. А за их спинами возвышался долговязый и тощий, как жердь, рыжий мужик, весь усыпанный коричневыми веснушками. Судя по плащу и богато украшенным ножнам, он также был рыцарем, хотя и выглядел во всей этой амуниции до комичного неказисто. Под его правым глазом отчетливо чернел синяк, а мешковатая одежда не первой свежести больше подошла бы охотнику в поле, чем рыцарю на празднике.

В соседней ложе происходило какое-то активное совещание — уже знакомая мне грудастая девица, экспрессивно жестикулируя, быстро объясняла что-то двум мужикам в светлых камзолах. При этом она то и дело тыкала пальчиком на меня, и в своей запальчивости даже не заметила, как в других соседних ложах гости повытягивали шеи и затаили дыхание, напряженно вслушиваясь в ее эмоциональную речь.

Один из них, в лиловом плаще и с орденом на груди, как у Яна, даже приподнялся, как будто умел слушать не только ушами.

— ... и он сказал, что его магии не видно!.. — донесся до меня обрывок пылкой речи красавицы.

— Но ведь тогда говорили, что весь клан... — возразил ей кто-то из мужчин, а дальше я из их разговора уже ничего не услышал.

Потому что взглянул на все трибуны целиком.

Честное слово, я вроде не так чтобы из трусливых. По крайней мере, я всегда о себе так думал.

Но тут у меня все упало.

Ложи скалились, смеялись, тыкали в меня окольцованными пальчиками.

А между тем публика потешалась надо мной, гримасничая, как стадо макак.

Они видели чувака без магии, «обрезка», который приперся под их высокородные суперодаренные очи. Им от этого было до одури весело.

И хотя я по натуре человек незлой, в этот миг во мне проснулось нечто такое, чего я прежде никогда не испытывал.

Мне вдруг стало насрать, что они все обо мне думают. Потому что мартышка здесь — не

я. Не я, суки! Ясно вам?

Я вскинул голову, открыто и с вызовом глядя им в лица и показывая себя. Внутри все полыхало.

Мне кажется, если бы я мог как Дарт Вейдер — то всех бы к чертям задушил взглядом. Смейтесь, паскуды?

Ну смейтесь, смейтесь. Я все выдержу. Ясно вам? Не на того напали! Я проплыву реки дерьма, если потребуется, но найду способ, как хакнуть вашу систему, сломать ее нахер и очутиться в дамках. Придет время, и вы будете припадать на жопу и затыкаться в почтении, когда я буду проезжать мимо вас, обдавая грязью из под копыт. А вы будете счастливо улыбаться, размазывая эту священную грязь по своим рожам!

Вы думаете, это я попал? Нелепый обрезок очутился не там, где ему положено быть?

Нет, уроды. Это не я, это вы попали.

— Выбирайте оружие! — напомнил мне юноша в золотом костюме, указывая рукой на стойку со всякими членовредительскими штуками, похожими на набор моего приятеля-палача на рабочем месте. — Нам пора начинать.

Начинать?..

Эта фраза мгновенно выдернула меня из лучей славы и грядущих лавровых венков. И вернула в реальность.

И в этой реальности мне маячил пока лишь один венок.

Ритуальный.

Глава 9. Многоножка тоже зверь

Я решительно подошел к оружейной стойке. На меня щерились блестящими лезвиями ряды топоров, алебард и прочего убийственного добра.

И в этот момент мне промеж лопаток что-то больно стукнуло.

Уже?!

Не ожидал, что противник появится так скоро. От неожиданности я дернулся и резко обернулся, готовый встретиться лицом к лицу со своим соперником...

Но за спиной оказалось пусто.

И лишь приглядевшись, я под дружный хохот трибун увидел валявшееся чуть поодаль обкусанное яблоко, которым в меня и засветили.

Прикусив губу, я вновь обернулся к держателю.

Конечно, было бы эпично, если бы я сейчас со злом сорвал со стойки меч, лихо встал в боевую позу и такой ууух!

Красиво, черт побери.

Вот только орудовать мечом я умел исключительно с помощью компьютерной клавиатуры в качестве посредника. А выглядеть полным дебилом и с непривычки размахивать мечом, как дубинкой, мне совсем не хотелось.

С каким-нибудь топором мне явно было бы сподручней.

Поэтому я взял со стойки двуручную секиру. Хорошую такую, с удлиненным древком, обмотанным тонкой кожаной лентой, чтобы по нему не скользили руки.

В конце концов, палач я или где?

Паренек-ведущий со всем уважением кивнул мне и спросил:

— Кого из сегодняшних дуэлянтов вы желаете избрать в качестве соперника?

О, так у меня есть возможность выбора?

— Мне бы сначала меню посмотреть, — хмыкнул я.

— Что-что, извините? — не понял мальчик.

— Говорю, а из кого выбирать-то?

— Как? Вы не знаете, кого представило министерство на сегодняшний отбор?.. — удивился тот.

Судя по его выражению лица, только что я сказал несусветную глупость. Или, вернее, сделал.

Я с вызовом приподнял подбородок, стараясь выглядеть внушительней.

Да, парень, я пришел на отбор, не озаботившись узнать, с кем тут придется сражаться. Потому что мне начхать с кем сражаться! Вообще без разницы!

И, мать моя женщина, разницы ведь действительно в общем-то не было — любой хоть сколько-нибудь опытный воин просто закопает меня в эту проклятую арену.

Но мой ход возымел нужное действие. Парень изменился в лице, и указал мне рукой на группу воинов-гигантов, стоявших у входа на арену.

Ядрена вошь, да у них руки толще, чем мои ноги!..

— Господа испытующие ожидают вон там... — проговорил паренек, и принялся терпеливо перечислять имена, хотя верхние ряды трибун начинали гудеть и топтать ногами, а нижние ложи брезгливо морщили носы, дожидаясь, когда же мою порубленную тушку уже уберут с арены.

— ... Копейщик Ингвар из Рамии, мечник Оливер из Антары, мастер булавы Нинс из Гвинца... — слышал я вполуха, хмуро разглядывая бойцов и стараясь не обращать внимания на их злорадные ухмылки и самодовольные широкие рожи.

И лихорадочно пытался прикинуть, с кем из них у меня есть хоть какие-то шансы.

Точно не с копейщиком — он будет слишком быстрым и за версту не подпустит меня к себе. И точно не годзилла с молотом...

— Что, обрезок, никак себе могильщика не подберешь? — постарался меня зацепить один из великанов, играя в руках молотом. — Выбирай меня — быстрее отмучаешься!..

— Да ты не бойсь, малый! Мы можем даже цепи на себя надеть, если тебе так привычней будет. Правда, тебя это не спасет, — захохотал лысый мужик с двуручным мечом.

Я взбесился. Да пошел ты в жопу, юморист, блин, хренов!..

— Я выбираю...

И тут раздался резкий возглас Яна.

— Господа, я заявляю со всей ответственностью, что среди испытующих, представленных министерством, нет ни одного воина, способного стать достойным соперником для этого человека! — прокричал он, поднявшись со своего места.

Гул, присвист и ворчание толпы мгновенно сбавило обороты.

Они изумленно смотрели на Яна.

И я тоже смотрел на Яна, с трудом понимая, что вообще сейчас происходит. То есть, он вот такой сейчас это объявил... И что дальше? Я не буду сражаться?..

Не стану врать — от этой мысли во мне всколыхнулась такая благодарность к нему, что я мгновенно забыл и яму, и тухлую кашу в плошках и готов был обнять его, как брата!..

Вот только почему у Яна над головой и плечами вдруг за клубился черный дым?..

— ... И потому для полноценной демонстрации его способностей я призываю тварь из Тьмы! — выкрикнул Ян, вскинув руку над головой.

— Чего?.. — только и успел я выдохнуть полусшепотом, как из руки моего доброго

«братца» в центр арены ударил черный луч.

И в том месте, где он соприкасался с землей, плавно, как цветок, раскрылось окно в угольно-черный мрак.

Зрители вскрикнули, охнули. Мальчика в костюме матадора мгновенно как ветром сдуло, воины-испытатели отшатнулись...

А из черного окна наружу, с отвратительным похрустыванием перебирая множеством острых щупалец-ног, выполз настоящий монстр.

У него были длинные рыжеватые усы, жуткие челюсти достаточного размера, чтобы перекусить меня пополам и длинное членистое тело красно-оранжевого цвета, покрытое поперечными черными полосами.

И это тело, к моему величайшему прискорбию, было таких размеров, что могло бы преспокойно бороздить просторы пустынного Арракиса — если бы, конечно, ему не мешали полутораметровые ноги, штук по двадцать с каждой стороны.

Вцепившись мгновенно вспотевшими руками за древко своего топора, я усилием воли удержал в себе желание броситься догонять «ведущего». Просто потому, что бежать мне было некуда.

— С-сука, — прохрипел я сквозь зубы, искренне надеясь, что этот ублюдок в плаще услышит мою благодарность.

Между тем многоножка — переросток, подобравшись пружиной, прыгнула в мою сторону.

Я интуитивно отпрянул, и...

Вдруг одним прыжком очутился почти с другой стороны арены.

Мой рот самопроизвольно открылся.

Что?..

Как это вышло?..

Взглянув на себя, я увидел отчетливое зеленоватое свечение вокруг ног и рук, которое тут же на глазах начало таять.

Трибуны ахнули. Они все снова смотрели на меня — я этого не видел, но чувствовал всей кожей. И знал, что вот сейчас они надо мной уже не смеются.

А из своей ложи, скрестив руки на груди, с довольной ухмылкой взирал на происходящее Ян.

Монстр, похоже, тоже обалдел от моей прыти. Яростно перебирая ногами, он устремился ко мне.

Сердце в груди заколотилось, как сумасшедшее. Нужно попробовать еще раз отскочить. Еще раз — в сторону. Нужно узнать, действительно ли я так могу!..

Потому что если это так...

Тут я попытался, как мог, сосредоточиться на броске, и двинулся в сторону. Миг — и...

Аааааа!

Я не знаю, орал ли я в этот момент вслух, или сугубо про себя, но проклятая многоножка оказалась прямо передо мной!

На рефлексе я схватил свою секиру и рубанул по твари.

Странно, но я не почувствовал никакого сопротивления ее шкуры. Секира свистнула в воздухе, будто прошла сквозь чудовище, но многоножка-переросток вдруг неожиданно отпрянула назад, собравшись петлей, как гусеница. И застрекотала.

А мои руки светились зеленым. Они светились так, что этот свет слепил мне один глаз!

Сомнений больше не осталось.

Значит, у меня есть магия!..

У. Меня. Есть. Магия.

— Ааааа! — снова вырвалось у меня из груди, но уже по другому поводу.

И я бросился на многоножку.

Та отползала, отпрыгивала и уворачивалась, пытаясь время от времени клацнуть меня своими уродливыми челюстями. А я догонял ее всего одним шагом и рубил не задумываясь.

А потом вдруг что-то хрустнуло.

Многоножка дернулась всей своей тушей, оглушительно застрекотав, на этот раз — с каким-то присвистом. И, задрав на мгновение добрые полтела в воздух, медленно повалилась на бок, поднимая в воздух облако песчаной пыли. Окончательно упасть ей мешали многочисленные ноги. Но тут существо содрогнулось всем своим чудовищным телом и все-таки завалилось на спину, дернув еще несколько раз лапами в воздухе.

Тяжело дыша и все еще держа наготове секиру, я ошарашенно смотрел на поверженную тушу. И не верил своим глазам.

Я смог это сделать?..

Гигантский монстр и правда издох от моей руки?..

На арене несколько мгновений стояла абсолютная тишина, а через мгновение она взорвалась громом аплодисментов.

И в этот миг я возликовал.

Вот она, минута справедливости! Да, я молодец!

Я вскинул руки вверх, как боксер, одолевший противника. Трибуны ответили новой волной гула и аплодисментов.

Да-ааа, я крут!!! Я могу убивать монстров! У меня есть магия!

Я видел, как, разинув рты, на меня во все глаза пялились вояки-испытатели. Что, съели? Знай наших!

Потом я покосился на Яна.

Он все так же стоял, скрестив на груди руки, сдержанный и спокойный. На его губах играла тень самодовольной улыбки. Красавица в зеленом платье тоже поднялась, и, положив руки на перила, смотрела на меня почти с испугом.

Я опустил оружие. Да, детка, я такой!..

Мальчик-ведущий выбежал на арену и, остановившись рядом со мной, почти с благоговением заглянул мне в лицо.

И, обернувшись к трибунам, громко воскликнул:

— Внимание! Даниил из ниоткуда! Желает ли какая-нибудь из военных школ принять к себе этого воина?..

— Мы желаем! — неожиданно громко прокричала грудастая Марта.

— Огненная школа желает принять! — услышал я дребезжащий старческий голос, но даже не успел понять, кому он принадлежит, как раздались новые, более громкие возгласы:

— Школа воздушной поступи желает принять!..

— Мы тоже не против!..

— Школа невидимого клинка желает!..

На мгновение я даже растерялся от такого шквала предложений от тех, кто морщил на меня кислые рожи.

— Это мой претендент! — вдруг во всю глотку рявкнул Ян. — И я желаю забрать его в

свою школу! И если он не дурак, то выберет именно нас!.. — почти угрожающе добавил он.

Мы встретились взглядами.

И я кивнул.

— Решение принято! — крикнул Ян трибунам, и, перекинув ногу через перила, прыгнул с ложи на арену. Под недовольный гул трибун и шипение лож он подошел к мальчику.

— Я потом распишусь, где надо, — заявил он тоном, не терпящим возражений. — Пошли! — скомандовал он мне, и, схватив убитого монстра за одну из многочисленных ног, потащил за собой. И сделал он это так легко, словно волочил не чудовище, а надувную лодку. На реальный вес чудовища указывала только знатная траншея в песке, протянувшаяся за тушей.

— Господин Ян, но так не положено!.. — робко попытался возразить мальчик. — Учредители...

Ян зыркнул на него из-за плеча, и тот сразу умолк.

Я улыбнулся и тоже направился следом за Яном, забыв вернуть секиру на стойку. Впрочем, меня никто не рискнул останавливать.

Вытащив чудовище за край арены, мой приятель снова задымился черным дымом. Из его правой руки в землю ударил черный луч, и в воздухе раскрылся портал, в который, как в водяную воронку, втянуло многоножку.

— Вообще-то это можно было сделать прямо там, на месте, а не тащить ее сюда, — пробормотал я.

Ян покосился на меня с недоброй ухмылкой.

— Типа умный, да? Ну-ну...

Я хотел было сказать еще кое-что, и причем немало, потому что грудь мою просто распирало от восторга и благодарности.

Ведь у меня не было магии. А теперь — есть. А значит, Ян не напрасно напоил меня тем своим адовым зельем! И злился я на него очень и очень зря.

Но тот многозначительно нахмурился, резко качнув головой. И я понял: сейчас не место и не время.

Ну что же, я теперь никуда не торопился.

Широко расправив плечи, я с кайфом вдыхал полной грудью жаркий и сладковатый летний воздух, небо над головой казалось празднично-ярким, солнце — классным, а все женщины, попадавшие в поле зрения — невероятно красивыми.

Черт возьми, я был счастлив!

Мы поднялись от ристалища вверх по тропе, и воины почтительно расступились, пропуская нас вперед. А следом странной походкой топал рыжий рыцарь с подбитым глазом, выбрасывая вперед длинные тонкие ноги, как иноходец.

— А Майя где? — нахмурился Ян, увидев, что тот пришел один, без девушки.

— Она сказала, приедет позже. Хочет досмотреть, чем все закончится.

— А, — кивнул Ян. — Ну-ну. Думает, я забуду ей уши оборвать? Ничего, вернется в школу — огребет по полной. А пока пушай глазеет, — махнул он рукой и зашагал по дорожке — мимо охраны и обалдевших стражников.

— Вообще-то там взбешенные кобры, которых я выпустил из храма, — негромко предупредил я.

— Помню, — кивнул Ян. — Но поверь — мы их не встретим.

Размашистыми шагами победителей мы поднялись к арке.

Скрывшись в ее тени от посторонних глаз, он вдруг остановился и вытащил из своего необъятного кармана плоскую коробочку размером с половину ладони.

И тихонечко свистнул.

— Умка-Умка-Умка! — позвал он, пристально разглядывая что-то у себя под ногами.

Я удивленно наблюдал за сценой, поднимая брови все выше, а Ян внезапно расплылся в улыбке.

— Умка моя, иди сюда, иди... — с такой нежностью проговорил он, что у меня челюсть отвисла.

Тем временем он присел и поднял с земли...

Пятисантиметровую многоножку.

Она была рыже-красная, с черными поперечными полосами.

— Полезай домой, Умка моя, — ласково приговаривал Ян, отправляя тварь в коробок. — Досталось тебе, да? Ну ничего, я такую муху тебе сегодня поймаю — закачаешься...

— Это... что? — проговорил я, чувствуя, как победоносное чувство внутри меня сменяется каким-то липким холодом.

— Твой противник, — заржал рыжий у меня за спиной. — Майка так близко тебя подтащила, что ты чуть и правда не зарубил беднягу, когда секирой-то в землю саданул!..

— Ничо не понял, — с трудом выдавил я из себя. — Ян, объясни?..

— А чего тут объяснять? — пожал тот плечами. — Умка — умница, не зря дрессировал!..

Он ласково потрогал пальцем крошечную кракозябру в своем коробке. Та защелкала, затрещала, приподнялась наполовину — и, завалившись на бок, перевернулась на спину — совсем как только что в бою.

— И пузико тебе почешу... — с самым серьезным видом сказал Ян, поглаживая ей членистое брюшко ногтем.

Я кожей почувствовал, как по щекам и шее растекается пунцовая краска.

То ли от гнева, то ли от унижения.

— Подожди-ка, ты же не хочешь сказать?.. — мой голос звучал отвратительно глухо, будто я вещал из запертого подвала, куда скатился прямиком с вершины Олимпа.

— А вот Майя — дура безрукая... — проговорил Ян, бережно закрывая коробок. — Ну ничего, она еще явится в казарму, — с многообещающей интонацией закончил он.

И повернулся к рыжему.

— А ты был крут, и подсветил, как надо, и Умку красоткой сделал — растешь, иллюзионист!..

Мои руки повисли вдоль тела, как плети. Пот выступил на воспаленном лбу.

Трубец, Даня...

Ты только что не монстра победил, а бегал, как придурок, за козьявкой, казавшейся бегемотом!..

Ян с рыжим двинулись дальше, а я так и остался стоять, чувствуя себя полным придурком.

— Эй, ты чего? Пошли! — позвал меня Ян.

Похоже, выражение моей физиономии было до неприличия говорящим, так что он расхохотался.

— Ты что, и вправду подумал, что я на тебя призвал дикую страшную тварь? Ну ты даешь!.. Но ты не ссы — ты же теперь официально относишься к школе боевого искусства.

— А... Магия?.. — спросил я. — Магия тоже была иллюзией?..

— Ну, источник у тебя появился на самом деле, — с каменной миной заявил Ян.

— Уфф, — облегченно выдохнул я, чувствуя, как мерзкая холодная жаба сползает с моей груди. — Ох, хорошо-то как... Значит, твоё зелье все-таки сработало!

— Какое ещё зелье? — не понял рыжий.

— Никакое, — хмуро ответил Ян, недовольно покосившись на меня.

Я прикусил язык.

Похоже, говорить о зелье было нельзя.

Возможно, оно относилось к числу запрещенных веществ местным наркоконтролем. Или та бутылка вообще предназначалась не мне, и Ян отдал её мне так же, как я выпил её содержимое — по пьяной дурасти.

Но все это было неважно!

— Значит, у меня получилось!.. — как зачарованный, проговорил я себе под нос.

Ян ехидно усмехнулся. И, хлопнув меня по плечу, заявил:

— Ну да. И теперь ты, наконец, можешь зваться «обрезком» на всех основаниях! Потому что ты — и в самом деле «обрезок»! Поздравляю, приятель.

— Чего?!.

Секира выскользнула из моих разжавшихся рук — и с глухим стуком долбанулась об мою ногу.

— Аааааа! — заорал я — в третий раз за этот день.

Было больно. Было реально больно, и не только пальцам в сапоге!

— Топорик-то подними, — с укором сказал мне Ян. — И пошли уже пожрем где-нибудь, я проголодался до скулящей суки в желудке.

А рыжий тем временем удивленно посматривал то на Яна, то на меня. Но в разговор не лез и вопросов не задавал.

— А чего ж тогда... они все захотели меня взять?.. — с последней надеждой в голосе спросил я, поднимая оружие. — Я наделен какой-то особенностью? Чем-то отличаюсь от остальных, да?..

— Они просто решили, ты потомок некогда уничтоженного рода с фамильной способностью незримой энергии, — заявил Ян, сунув руки в карманы. — А что касается твоего собственного источника, то его особенностей не видно — уж слишком мелкий.

— Ну хотя бы какого он типа?.. — не унимался я.

— Вот заладил... Какого типа, спрашиваешь? Да никакого! Как крупинка в стакане воды. Вроде барахтается чего-то, а чего — хрен поймешь. То ли пыль, то ли песок. То ли муха нагадила.

Глава 10. Когда боги становятся ближе

Когда первое потрясение немного улеглось, я постарался как можно объективнее поразмыслить о своем будущем, набивая желудок сочным жареным мясом и запивая его крепким, почти черным элем. Хмель давал телу приятную ватность, а сознанию — силу полета.

После безвкусной тюремной бурды это было божественно!

Я щурился на яркое солнце в окошке над столом, потом с таким же блаженством — на

глубокие вырезы платьев деликатно поджевывающих за соседними столами дам: лица у некоторых от жары и вина покраснелись, голоса звучали громко и радостно. Они кушали, изящно оттопыривая мизинчики и время от времени обмахивались душистыми платочками.

Хозяин заведения был белым и толстым, как булка. Трое его сыновей в белоснежных рубашках и серых холщовых штанах расторопно носили подносы и доброжелательно улыбались.

Молодой лютнист старательно выводил сложную мелодию, под которую меланхолично пела балладу маленькая миловидная женщина с бледным худым лицом. Ее голос был слабым, но мягким и приятного тембра. В песне рассказывалось о воине, который мечтал перестать воевать, но куда бы он ни пошел, всюду ему приходилось снова и снова обнажать свой меч со словами: «Эх, я мертвых видел, больше чем живых. Что ж, булатный братец, помолись за них». Баллада была грустная, разговоры вокруг — ярмарочно-веселыми, и все это каким-то образом уживалось под одной крышей.

Ян тем временем без умолку болтал о чем-то со своим фингалистым подчиненным: о поставках алкоголя, о каком-то парне по прозвищу Бобер и что Флора жутко раскоровела.

А я наедался вволю и думал, что не так уж все и плохо, в конце концов.

Во-первых, раз уж таинственное зелье каким-то образом смогло зародить во мне толику магии, значит, пятое правило Яна действительно работает. И нет такого дерьма, из которого нельзя было бы выбраться. А значит, у меня все-таки есть надежда подняться из нынешнего плачевного состояния и в конце концов обрести полноценную силу.

Во-вторых, мои перспективы в Ямах, мягко говоря, радужными не были. А вот школа боевого мастерства — это уже совсем другое дело!

— Сколько можно жрать, Даня! — расхохотался тут Ян, выдергивая меня из своих размышлений тяжелым хлопком по плечу, от которого я едва не облился элем. — А то станешь как Фло...

Договорить он не успел.

Двери заведения внезапно распахнулись, и внутрь потянулись клубы золотистого сияния с кружащими в нем розовыми лепестками.

— Как флот королевский, — рассеянно закончил фразу Ян, уставившись на распахнутую дверь.

Все посетители мгновенно перестали жевать. Музыка смолкла. Люди спешно начали вставать из-за столов, склоняя головы в поклоне. Со всех сторон послышался восторженный шепот: «Богиня Флора!», «Великая госпожа!»

Я не очень-то сталкивался с местными богами и не был знаком с правилами и нормами поведения по отношению к ним. Конечно, мне довелось достаточно плотно пообщаться с Арахной, но я уже начал понимать, что древняя паучиха считалась слегка маргинальной личностью среди местного пантеона.

Поэтому я мгновенно решил положиться на общую тенденцию и вслед за всеми тоже поднялся из-за стола, пытаясь по-быстрому проглотить то, что было во рту. Как-никак, богиня идет, а я тут как хомяк с набитыми закромами.

Одновременно со мной встал и светоносный собеседник Яна с фонарем под глазом.

Но сам Ян даже с места не двинулся.

В питейную на цыпочках прошли девушки в зеленых платьях, а следом за ними, безгловно придерживая край платья украшенной перстнями рукой, вошла Флора.

Теперь, когда она стояла на земле и всего в паре десятков шагов от меня, я в полной

мере оценил, что она высока ростом — едва ли ниже меня, хотя во мне метр девяносто два. И что складки ее платья действительно прикрывали формы, достойные супер-модели типажа плюс сайз.

Но боже, как же вкусно она пахла!

Окинув быстрым взглядом присутствующих, богиня двинулась... в нашу сторону.

Я невольно весь подобрался, в то время как Ян, не меняя своей вальяжной позы, проговорил:

— Приветствую тебя, Флора! Давненько не общались, — ухмыльнулся он.

— А я и сейчас не горю желанием, — надменно ответствовала богиня глубоким грудным голосом, смерив Яна презрительным взглядом. — Я пришла взглянуть поближе на твое новое приобретение.

Она подошла ко мне почти вплотную, и в глубине ее голубых глаз зазолотились зрачки — жутковатая картинка, если честно. Но от ее ароматного дыхания с моим телом начало твориться что-то несусветное, и я невольно как бы между прочим соединил руки прямо перед собой, чтобы не выглядеть озабоченным придурком.

— Вот, значит, как... — проговорила Флора, рассматривая меня, как щенка перед покупкой — глаза, уши, чистота шерстяного покрова. — Что? — с хитрым прищуром спросил Ян, делая глоток эля.

— Значит, мне не показалось, — с самодовольной полуулыбкой ответила Флора и, наконец, повернулась к Яну, избавляя меня от своего феромонного аромата. — Не знаю, зачем он тебе. Но я готова его у тебя выкупить. Тысяча золотых, и разойдемся.

Я чуть не подавился тем, что вообще-то уже проглотил.

Нет, она серьезно?! Она предлагает Яну меня продать?..

— Нет, не годится, — ответил Ян, отрицательно качнув головой.

— Две тысячи?.. — чуть приподняла она тонкую черную бровь. — Полно, Ян, он же и ломаного гроша не стоит!

— Но тем не менее ты пришла сюда, чтобы предложить мне за него целую кучу золота, — улыбнулся во все зубы Ян. — Так что не держи меня за идиота.

— Пфф, — фыркнула Флора.

И, положив свою мягкую белую руку мне на плечо, придвинулась к уху и проговорила:

— Если он тебе надоест, я приму тебя. Не пожалеешь. Считаю, это моя благодарность тебе за то, что ты испортил сегодняшней праздник этой гадине Арахне.

Флора коснулась своими пухлыми, спелыми губами моей щеки — и ааааах как меня от этого прикосновения накрыло!..

Я нервно кашлянул. А она, величественно кивнув всем присутствующим в заведении, царственным жестом смахнула своими шелковыми юбками с половиц питейной пыль и прошествовала к выходу.

Все, кто находился сейчас в заведении, вопросительно уставились на меня.

А я прикрывался руками и глубоко дышал, чтобы хоть как-то взять под контроль разрывающее меня изнутри возбуждение.

Двери хлопнули, и я неловко присел за стол, шумно выдохнув.

— Эй, налейте-ка синенькой! — громко крикнул Ян человеку за барной стойкой.

И, сочувствующе поглядев на меня, добавил:

— Ну а что ты хотел? Она хоть и зовется Флорой, но отцом-то ее был Инуус. Так что весна и цветочки у нее того, со специфическим уклоном. Говорят, от ее поцелуя в лоб

полумертвые старики потом месяцами из борделей не вылезали.

— Кто такой Инуус, даже спрашивать не буду, — сказал я, без раздумий вливая в себя шустро поднесенную в высокой рюмке синюю жидкость.

В первый момент мне показалось, что я выпил жидкий огонь.

Горло перехватило, но зато все остальное мгновенно отрезвело и расслабилось.

— Закуси, — сказал рыжий, подавая мне на острие ножа розовый кусок окорока.

Я послушно сунул мясо в рот, и наконец-то смог вздохнуть.

— Но, видимо, он очень хороший бог, — проговорил я.

— Да, только с фаллосом вместо головы, — отозвался Ян.

Я поднял на него недоумевающий взгляд.

— В смысле... фигурально?..

— Да если бы.

Видимо, выражение моего лица было настолько говорящим, что Ян расхохотался.

— Давайте-ка выдвигайтесь на передовую, я вас сейчас догоню...

Мы направились к выходу, и десятки любопытных глаз прожигали дыры нам в спинах.

Когда мы очутились снаружи, я спросил:

— Он это серьезно? Про Инууса?

— Шутит, — улыбнулся рыжий.

— Я так и подумал, — облегченно вздохнул я.

— Ну, то есть вообще такой древний бог и правда есть...

— Пожалуйста, дальше не продолжай, — перебил я его. — Это определенно не то, что я хочу знать в подробностях!..

Мы оба рассмеялись.

Янус вышел буквально через минуту, и мы вместе направились к остановке местного четвероногого транспорта.

На этот раз трястись в кибитке мне не пришлось — рыжий привел нас троим по лошади, и я возблагодарил небеса, что хотя бы в чем-то оказался подготовленным к местной жизни.

В седле я держался отлично. Спасибо деду, который когда-то настоял, чтобы меня отдали на верховую езду.

Усевшись верхом, мы поехали в школу боевого искусства, которой руководил Янус.

Она называлась «Парящий гриф».

Когда я спросил, почему вдруг гриф, и непременно парящий, а не летящий там или с вершины смотрящий, Ян ответил, что просто ему так захотелось.

Что-то в его голосе и взгляде мне подсказало, что не все так просто. Но переспрашивать я не стал.

До места мы ехали около часа. И наконец на холме среди полей возникли очертания школы.

Высокую ограду плотно обвивали кудрявые плети плюща, так что внутренняя территория была надежно укрыта от посторонних глаз. Над зеленой ширмой возвышалась только громоздкая башня и рыжая черепичная крыша. С постамента, установленного над тяжелыми черными воротами, на нас хищно поблескивала огромная бронзовая птица с крючковатым носом и голой шеей.

А слева от школы виднелось большое черное выжженное пятно, как лишай в густой зеленой шерсти.

— Ну ты погляди, а! — выругался Ян. — Опять сукины дети чужие посевы изгадили.

— Ну так не зря говорят: магистр за ворота — ученикам хлыста охота, — с усмешкой заметил рыжий.

— Щас я им устрою, — многообещающе отозвался Ян и, свистнув плетью, рванулся вперед.

— Добро пожаловать в нашу крепость, — улыбнулся рыжий. — И привыкай ничему не удивляться.

Ворота распахнулись сами.

Я увидел впереди большой двор и песчаную площадку для тренировок, где сейчас кружили в поединке двое парней. В глубине огороженной территории стояло здание самой школы — белое, двухэтажное, с двумя широкими лестницами и нелепой башней, выраставшей прямо из середины черепичной двускатной крыши.

Парни с мечами при виде Яна тут же остановились, подобрали животы и расправили плечи.

— Какой хрен опять поле подпалил?! — заорал тот на учеников.

Парни что-то ответили, но смысл сказанных ими слов ускользнул от моего сознания.

Потому что в этот момент слева от ворот, в зарослях малины, я увидел зеленого медведя.

Он был небольшой — всего метра полтора в высоту. Медведь сидел на пухлой меховой заднице, нелепо раскинув задние лапы, и с хрустом грыз толстый сочный стебель, похожий на шпинат или сельдерей — не помню точно, как называлась та мерзкая трава, из которой так любила делать салат Ленка.

И при этом его шерсть была почти такого же цвета, как этот стебель, и только на ушах и вокруг маленьких красных глазок она становилась совсем темной, почти черной, как у панды.

Увидев меня, медведь перестал жевать.

— Ну чё уставился-то? — пьяным голосом сказал панда и звучно икнул. — Проезжай себе...

У меня отвисла челюсть.

— А ты чего сюда-то приперся? — спросил рыжий у медведя.

— Тебя не спросил, — буркнул медведь. Поднявшись на задние лапы, он, тяжело переваливаясь, прошел несколько шагов вдоль ограды и рухнул на брюхо, с хрустом ломая кусты. И захрапел.

— Это кто? — шепотом спросил я, не в силах отвести взгляда от зеленого мохнатого создания.

— Та`ки, — ответил рыжий, как будто это должно было все объяснить.

— В смысле — Таки?..

— Ну так его зовут.

— А что он такое?..

— Он — зеленый говорящий медведь, — проговорил вдруг панда, чуть повернув морду и приоткрыв один красный глаз. — А ты — тупица.

— Отдыхай! — прикрикнул на панду рыжий, и, тронув коня, пояснил:

— По закону у каждой школы боевых искусств должен быть бог-покровитель. Вот Ян где-то его и откопал. Говорят, он был божком пьяной рощи где-то на юге. С тех пор по школе бродит эта хрень, жрет свой горький дурман, который влетает «Грифу» в приличную

сумму, но зато у нас есть официальный бог-покровитель. Такие дела.

— Курица или яйцо! — вдруг громко крикнул панда нам в спину. — Сила и магия! Вечно все путают... — его голос понизился до бормотания, и дальше уже ничего нельзя было разобрать.

Я обернулся.

— Да не обращай ты на него внимания, — махнул рукой рыжий. — Но обижать и насмехаться нельзя. У нас вот Бобер разок попробовал — Ян ему одним ударом четыре передних зуба выбил. Вставные пришлось делать. Вот только доктор размером ошибся, так что у него теперь даже когда рот закрыт, передние зубы меж губ выглядывают. Потому и Бобер.

— А чего он себе другие-то не сделает?..

— Так больно же.

— А, ну это да... — понимающе кивнул я.

Ян между тем уже отдал лошадь одному из тренировавшихся парней и широкими шагами направился к входу в особняк.

— А что с новичком-то делать? — крикнул ему вслед рыжий.

Ян остановился. Обернулся.

— А, да... Я и забыл совсем. Даня, а чем ты до этого занимался? Только не говори, что головы рубил.

Твою мать. Да какая тебе разница, чем я занимался в Ямах? Я ж сюда к тебе за новой жизнью приехал!

— Да я это...

— Чего? — Ян приложил ладонь к уху, намекая, что я мусолю что-то невнятное себе под нос и он ничего не слышит.

— По хозяйству я был! — нашел я наконец более-менее сносную формулировку.

— В крахмальном переднике койки застилал или нужники чистил? Ты конкретнее!

— Чистил пыточную и посуду для заключенных! — крикнул я в ответ, осознав, что очередное унижение неизбежно.

— А, понял! Тогда на кухню его определи, пусть Леандру помогает.

Махнув рукой на прощанье, Ян направился к белокаменной лестнице особняка.

Ну вот, Даня, ты и осуществил головокружительный прыжок от плошек к тарелкам. Bravo, это было круто.

И что теперь, молча проглотишь очередную порцию говна, которое кинула в тебя жизнь?..

Я тихо выругался себе под нос — по-нашему, по татаро-монгольски.

— Ян, подожди минуту!..

Я соскочил с коня, сунул поводья в руки слегка опешившему рыжему, и поспешил за Яном, который и не думал останавливаться и семимильными шагами направлялся в особняк.

Двери за его спиной хлопнули аккуратно перед моим носом.

Кого-нибудь, возможно, это бы задержало или привело в смущение.

Даже, возможно, меня — где-нибудь месяцек назад.

Но не сейчас.

— Ян, стой!! — крикнул я, с силой распахнув тяжелые двери.

И тут же оказался лицом к лицу со здоровенным громилой в кожаном нагруднике, и с мечом в руках, хотя судя по тому, как он ощерился, главным оружием здоровяка был вовсе не

он, а кривые желтые зубы.

— Кто такой и куда? — крикнул он мне в лицо, аж плюясь слюной от сторожевого запала.

Но мне-то терять было нечего.

— Я к Яну! — не менее страшно гаркнул я ему в ответ.

— Пошел нахрен, здесь нет таких! Есть господин великий магистр школы боевых искусств «Парящий грифон» мастер Янус! — без запинки выпалил здоровяк. — И он тебя сюда не приглашал!

— Август, уймись! — раздался басистый голос Яна.

Глянув за плечо громиле, я увидел большой пустой холл с огромными окнами и белыми стенами — и своего нового начальника, который все-таки не выдержал и остановился на первых ступенях широкой лестницы на второй этаж, укрытой серым ковром.

Здоровяк выпучил глаза.

— Мастер, но он осмелился...

— Тебя не касается, — одернул его Ян. Потом перевел взгляд на меня и спросил: — Ну? Чего тебе?

Я подошел к Яну, пытаясь по пути сообразить, как и какими словами сказать ему то, что меня мучило. Так, чтобы не показаться неблагодарной сволочью, но чтобы он понял.

— Слушай, я вот что хотел... По поводу кухни...

— Что, работенку почище попросишь? — хищно улыбнулся тот, сверкнув зубами, как клыками. — Посуду мыть надоело?

— Да ну тебя, — разозлился я. — Я по-твоему что, очень на пугливого похож?! Или на брезгливого? И кашу мыл, и кровавую кашу мыл — и ничего, как-то не растаял!

— Тогда дело-то в чем? — уже с серьезным лицом спросил Ян, круто выгнув одну бровь.

— Да в том что я не против ишачить, но только ишаком опять становиться не хочу! Работать в качестве разнорабочего на кухне — это совершенно не то, о чем мечтаешь, попадая в школу боевых искусств.

— Ну так и ты — не объект мечтаний для магистра школы.

— И тем не менее я поступил сюда в качестве ученика!

— Допустим, — хмыкнул Ян. — Только ведь и я тебя не на улицу вышвырнул.

— Я хочу научиться держать в руках оружие! — почти выкрикнул я.

Ян несколько мгновений как-то недоумевающе глядел на меня, потом почесал висок.

— Ну... как бы... — проговорил он.

— Это мой единственный шанс встать на ноги и выпрямиться в полный рост в вашем мире. Ведь чтобы очень быстро бегать, можно или иметь соответствующую магию, или просто научиться быстро бежать.

Ян перестал чесаться.

Теперь он смотрел на меня внимательно, и с таким суровым видом, будто сканировал.

А я ждал его ответа, покрываясь от напряжения холодным потом.

— Ты уверен, что в полной мере понимаешь, от чего отказываешься, и чего просишь?.. — проговорил, наконец, Ян. — Я предлагаю тебе теплую крышу над головой, приличной еды вдоволь и в целом безбедное существование при посильных требованиях. А ты стремишься стать учеником школы? Думаешь, при твоих-то способностях махать мечом легче будет, чем сковородки мыть?

— Я так не думаю, — честно ответил я. — Но и остаться на всю жизнь мастером по мытью посуды я не хочу. Разреши мне обучаться наравне с остальными учениками, Ян. Я обещаю тебе, что буду стараться.

Ян наклонил голову вбок, словно так ему было удобней рассматривать мои мысли в глазах:

— Понимаешь, какая штука... Если я переведу тебя из обслуги в статус младшего ученика-послушника, то и спрос с тебя уже совсем иной будет. Просто стараться для такого, как ты, будет недостаточно. Тебе придется из кожи вон вылезти и прыгнуть выше головы, чтобы стать хотя бы лучшим из худших. Иначе первые же внутришкольные состязания могут стать для тебя последними. А они у нас каждую зиму проходят, такие дела. Еще каждые три года проводится большой королевский фестиваль боевого искусства. Но это он только называется так воздушно и празднично, а по сути это набор поединков между учениками разных школ, где они должны продемонстрировать все свои лучшие навыки и победить. И многие школы дают установку своим воспитанникам побеждать любой ценой, потому что на кону стоят очень хорошие деньги. И если тебе выпадет жребий там участвовать, я уже ничего не смогу для тебя сделать. Чтобы просто иметь шанс выжить в таком бою, тебе придется владеть боевыми навыками на уровне старшего ученика — десятника. А чтобы победить, твоя подготовка не должна уступать умениям боевого лейтенанта-штурмовика или дуэлянта. Поэтому подумай хорошенько, готов ли ты на самом деле заводить всю эту песню.

Не дожидаясь ответа, Ян отвернулся и продолжил свой прерванный путь по лестнице.

И в это мгновение я почти физически почувствовал, как мне в лицо дышит вонь от прокисших тряпок для мытья посуды, а спину прожигают презрительные и брезгливые взгляды с трибун...

Я помнил, как процедил мне в лицо тот вонючий мужик: «Обрезок!» И отпихнул от своей женщины, которой я всего-то хотел помочь выйти из повозки.

Меня даже из харчевни пытались выставить, потому что, видите ли, у них слишком приличное заведение, чтобы кормить таких, как я!

Провести вот так всю оставшуюся жизнь?

Да ну нахрен!

Нет, я не буду сносить это унижение день за днем и не лягу безропотно на дно. Не дождетесь.

И я крикнул вдогонку своему новому боссу:

— Ян, я готов!.. Что мне нужно делать?

Глава 11. Быть как гриф

После моей фразы вдруг стало нестерпимо тихо. Или мне так показалось?

Ян остановился, голоса за дверью умолкли, дыхание застыло в груди и даже сердце у меня на мгновенье замерло. И в это мгновение я увидел себя будто бы сверху: статную фигуру в черной одежде палача, потемневшие от солнца окрепшие руки, обросшую без парикмахерского ухода голову. Я видел рисунок солнечных пятен на сером ковре и Яна, по-прежнему стоявшего ко мне спиной, но внутренним чутьем я знал, что он сейчас усмехается каким-то своим мыслям.

Наконец, я глубоко вздохнул, будто вынырнув из-под воды, и наваждение прошло.

— Эвона как, значит, — проговорил Ян, глянув на меня из-за плеча. — Готов он... Ладно, там видно будет.

— И что мне теперь делать? — развел я руками.

— В смысле? Тебе ж сказали — идти на кухню!

— Но я же не обслуга! Я — ученик! — раздосадованно выкрикнул я.

— Да ну? — рассмеялся Ян.

Он вдруг сделал незаметное движение, и мне прямо в лоб больно ударилась тяжелая золотая монета.

Выругавшись, я схватился за больное место.

— Понимаешь, друг, — медленно проговорил Ян, глядя на меня сверху вниз. — Мои ученики — это лицо моей школы. А значит, в некотором смысле и мое лицо. Так вот, на моем лице не может быть таких позорных фонарей. Звание младшего ученика-послушника тоже надо заслужить, для этого мало секирой на Умку помахать. И учти: я ценю свое время, так что у тебя всего три попытки убедить меня, что ты способен потянуть груз, на который претендуешь. Решись, что готов блеснуть навыками — приходи.

Он ушел, а я все еще стоял возле лестницы, глядя на проклятую монету. Она упала в пятно света и сейчас торжественно блестела мне в глаза. Если бы золото умело смеяться, она бы, наверное, по-скотски ржала во весь голос.

У меня исподволь сжались кулаки.

Я поднял монету с ковра и, на секунду задержав перед глазами, положил во внутренний карман — как напоминание.

Ничего, скоро я перестану стоять под лестницей жизни, а начну забираться по ней вверх, ступень за ступенью.

Я смогу.

Развернувшись, я вышел из здания мимо здоровяка. Тот только молча посторонился, давая мне пройти, и в его глазах было такое искреннее сочувствие, что мне тошно стало.

Рыжий ждал меня на крыльце, покусывая длинную травинку с рыжеватой кисточкой на конце.

— На панду посмотрелся, что ли? — невесело усмехнулся я. — Траву есть начал...

Тот поднял на меня смеющийся взгляд.

— Ммм — промычал он. — А у тебя, как я погляжу, прям третий глаз всезнания во лбу открылся?..

— Угу, — буркнул я. — Зато хоть симметрично, а не так, как у некоторых.

— Твое счастье, что я не обидчивый, — улыбнулся во все лицо рыжий и прищурил подбитый глаз. — Но тут как бы не все такие, так что положил бы ты свое остроумие пока на полку, до лучших времен. А то третьим глазом дело не обойдется. Ладно, пойдем, я тебе кухню покажу.

И мы отправились на задний двор.

Оказалось, что особняк был вовсе не прямоугольным, как я решил сначала, а похожим на букву «Н». От главной части здания тянулся недлинный перешеек, к которому был пристроен еще один корпус. И с внутренней стороны в этот корпус вел низенький черный ход с деревянным крыльцом и простой деревянной дверью. Толкнув ее внутрь, рыжий жестом пригласил меня войти.

После яркого солнечного дня полумрак коридора казался до жути густым. Я двинулся на видневшийся впереди свет, откуда тянуло пряными мясными ароматами и свежей выпечкой.

И тут буквально из ниоткуда прямо на меня выскочил темный девичий силуэт.

Странно взвизгнув, девушка отпрянула, будто увидела черта. Корзинка упала к моим

ногам, и по полу со стуком рассыпались золотистые луковицы.

— Извини, не хотел напугать, — сказал я и присел, чтобы помочь ей обратно собрать все добро в корзину.

Теперь я мог разглядеть и ее саму, и дверь в кладовку, из которой красавица только что выбежала.

Копна золотистых кудрей, тонкие яркие брови, огромные кукольные глаза зеленого цвета и яркие розовые пухлые губки, как с картинки — я и не думал, что у живых девчонок бывают такие рисованные лица.

Что ж, кажется, на этой кухне мне будет нескучно...

Девушка опасливо посмотрела на меня и вопросительно повернулась к рыжему, так и не проронив ни слова.

— Это новенький, будет у вас работать, — сказал тот девушке.

И уже погромче крикнул:

— Леандр, я тебе тут помощника привел! Даниил звать!

— Что, еще один, как Ника? Немой? — донесся из кухни хриплый голос.

— Не, я языкатый! — ответил я вместо рыжего, который уже скрылся за дверью. — Некоторые даже считают, что слишком.

Девушка присела рядом и тоже подобрала луковицу, украдкой зыркнув на меня.

— Слава богам, что языкатый! — воскликнул невидимый Леандр, и девушка низко опустила голову. — Не безногий?

— Нет.

— Слепой?

— Да нет, зрячий.

— Безрукий?..

Вот тут я хмыкнул.

— А вот это как знать.

Худенькие плечики дрогнули и девушка тихонько хихикнула.

Из кухни тоже донесся скрипучий смех.

— По крайней мере, ты точно не без чувства юмора. Давай, заходи! — велел мне голос.

Девушка поднялась, держа в изящных ручках грубую корзину с луком. Я с улыбкой протянул ей последнюю луковицу. Красавица взяла ее не сразу, точно опасалась, не укушу ли я ее. Но потом ловко выхватила из моей руки и унеслась вперед, бесшумно ступая по полу в туфельках, как в пуховых носочках.

Я двинулся следом за ней.

Кухня оказалась большой, с несколькими столами, печью и открытым очагом в центре. Он полыхал в каменной нише, накрытой железной сеткой. На стене висели поварешки, ножи и прочие кухонные приспособления, на полках громоздились кастрюли и котлы разных видов и размеров. В углу стояло несколько больших бочек и целая гора немытой посуды. На длинной широкой полке у открытого окна студился пшеничный хлеб — штук десять батонов. Все — идеально овальной формы, золотистые, с одинаковым продольным надрезом посередине. Если бы не знал, что их делали руками, решил бы, что это с местного хлебзавода, честное слово.

А рядом с этой полкой на высоком деревянном стуле с колесиками сидел безногий морщинистый дядька с серыми от щетины щеками и коротко стриженными седыми волосами.

— Добро пожаловать в нашу богадельню, — улыбнулся Леандр, довольно разглядывая нового работника. — Хорош! Да, Ника? — спросил он у девушки, и та, чуть зардевшись, со смущенной улыбкой кивнула. — Больше не придется молодняк в помощь кухне у дежурных запрашивать. Теперь мы будем справляться сами. Гляди: руки, спина — все на месте! А ну-ка, дочка, дай нашему новенькому хлеба с маслом и молока.

Он оттолкнул свой стул от полки и показал мне рукой на небольшой стол у стены.

— Вон туда садись, перекуси с дороги. А потом надо будет воды в бочки натаскать и посуду перемыть. Справишься? Не побрезгуешь?.. — спросил он, продолжая пристально рассматривать меня.

— Спасибо, я не голоден. А с плосками я запросто справлюсь, даже не сомневайся, — без особого энтузиазма, но зато с уверенностью ответил я. — Ведро дайте?..

Ника принесла мне два больших ведра, а Леандр в двух словах объяснил, где найти колодец.

Трудотерапия мне пошла на пользу. Физический труд на свежем воздухе без созерцания людей, измученных тюрьмой или моим приятелем-палачом, повлиял на меня прямо-таки целительно. Наполнив бочки, я без промедлений взялся за посуду. Леандр с Никой тем временем варили крепкий куриный бульон, чистили овощи и жарили их на большущих сковородах, причем все это действие в их исполнении выглядело, как большое цирковое шоу. Ника шустро разделывала куриные тушки, ловко орудуя только своими длинными ноготками, при этом от ее рук поднимался искрящийся желтоватый дымок. Шеф-повар перемешивал содержимое сковородок, схватившись голой рукой за железную ручку: при этом все кусочки внутри начинали двигаться, перекатываясь с боку на бок. В процессе Леандр широко улыбался и болтал без умолку за нас троих: рассказывал, как в свое время учился правильно чистить картошку и по запаху определять спелость яблок и слив. Я слушал его рассказы, время от времени кивая и поддакивая.

А потом сквозь кухонный шум я услышал с улицы голоса, будто большая компания высыпала во двор. Тряпка застыла у меня в руках.

— Это у них там тренировка началась, — пояснил Леандр.

Я вздохнул, кивнул. И продолжил свое занятие.

— Слушай, Леандр, а сколько всего учеников в школе? А то посуды целая куча, а шум за окном — будто там человек десять всего.

— Так их там примерно столько и есть, — подтвердил Леандр. — В школе-то сейчас один молодняк, старшие в отгуле...

— Молодняк — это первогодки? — уточнил я.

— Здесь не годами считают, а степенями овладения навыками. Молодняк — это послушники и младшие ученики. Потом идут рядовые, опытные, старшие, младшие подмастерья, подмастерья и умудренные. И девятая ступень — мастер ордена. У нас он один — и мастер, и магистр в одном лице. Такие дела.

— Понятно, — проговорил я себе под нос. — А можно будет на их тренировку завтра посмотреть? Ну, если я к этому времени с посудой разобратся успею.

Леандр с любопытством покосился на меня. Но ничего лишнего спрашивать не стал.

— Я могу тебя на утреннюю отпустить, если с вечера со всеми делами закончишь.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Да не за что, — отозвался тот. — Ника, дочка, а рыбу принесешь из кладовой? Только чур хвосты им не жевать!

— Чего? — рассмеялся я. — Хвосты сырой рыбе?..

— Да это у нас шутка такая, — отмахнулся Леандр.

Девушка покраснела, потупила взгляд и поспешила прочь из кухни.

В итоге до самой ночи я проторчал на кухне.

Я потрошил мелкую рыбешку, которую Леандр назвал «белицей», скоблил котлы, чистил столовые приборы и помогал Нике раскладывать припасы, доставленные из города, по нужным корзинам и полкам.

А потом я в первый раз за все это время по-человечески помылся.

Не из ведерка, стоя в лохани, а в нормальной бане! Правда, когда я туда пришел, все уже порядком остыло. Но я не растерялся и раскочегарил ее как следует. Кто-то еще сунулся было внутрь, но тут же крепко ругнулся и по-быстрому запер двери обратно — я даже не успел разглядеть сквозь пар, кто это был.

Мне вдруг стало весело. Что, не выдержала чужеземная магическая морда крепости русского пара? Му-ха-ха, я повелитель маленького ада! Подбавив еще немного, я окончательно растекся от удовольствия.

Намывшись на полгода вперед так, что даже кости внутри казались чистыми, я выполз из бани, наслаждаясь вечерней прохладой и стрекотом ночных тварей.

И тут, под звездным ночным небом, я услышал невнятный напев, чем-то напоминающий «Любо, братцы, любо».

Это было наше божество.

Оно лежало на спине посреди зеленой лужайки, смотрело в небо, поблескивая огоньками красных глаз, и тоскливой песней изливало свою зеленую душу вечным небесам.

Слов я разобрать не мог, но почему-то вдруг проникся мотивом. Наверное, непросто быть вечно пьяным богом среди обычно трезвых и совсем не божественных существ. Ведь даже людям набираться в одиночку невесело.

Невольно я сразу вспомнил про заплечных дел мастера Гая. Тому даже курить в одиночку казалось невкусным.

С этими мыслями я присел с краю лужайки, чтобы не привлекать к своему появлению лишнего внимания, и достал папиросу. Так вроде и зеленый больше не был один, и у меня создавалось ощущение компании.

Жаль, что мне не удалось попрощаться с Гаем. Мужик он неплохой. Но ничего, как-нибудь еще обязательно свидимся.

Вытащив папиросу, я зажал ее зубами и принялся искать по карманам спички.

И тут моя папироса полыхнула, будто кто-то поднес к ней факел.

От неожиданности я выронил ее изо рта и отпрянул, а из травы тонкой ароматной ниточкой заструился дым.

— Разрушение... — услышал я пьяный голос панды. — Сила огня есть власть разрушения!.. А разрушение есть конец созидания... — медведь икнул. — И начало жопы...

Медведь все так же лежал на спине, глядя в небо. Но теперь он тянул все четыре лапы вверх, точно хотел обнять луну.

Я подхватил папиросу с земли. Оказалось, она вовсе не сгорела, как мне показалось в начале.

Мне просто дали прикурить.

И, поскольку на лужайке нас было всего двое, говорить за это «спасибо» мне следовало зеленому.

Я и сказал — погромче, чтобы тот мог расслышать даже сквозь свои мысли и бормотание.

Медведь обессиленно уронил лапы в стороны и повернул ко мне свою выразительную морду.

— Я — пьяный, — многозначительно сообщил он.

— Бывает, — подбодрил я его.

— Ты не понял. Я — пьяный. А не глухой.

— Ну, извини, если что, — развел я руками. — Мне просто хотелось, чтобы ты обратил внимание и услышал.

— Кроме голоса... вселенная выдала тебе ноги. В следующий раз... воспользуйся.

Я подошел к Та'ки.

— А что ты говорил про конец созидания и огонь?..

Медведь приподнялся и внимательно посмотрел на меня.

— Это типа... Типа ты умный, да?

Потом снова икнул и горбато уселся на траве.

— Тебе че надо-то от меня?.. — устало спросил он.

— Не знаю... — честно признался я. — Просто ты говорил тут... про силу. Ты ведь магию имел в виду? А я почти ничего не знаю про магию. Но очень хочу...

— А че про нее знать-то? Ее это... сначала иметь надо.

Его слова попали на больное.

— Ну да, — проговорил я себе под нос. — Ладно, доброй ночи тебе.

Развернувшись, я направился к себе в комнату, которую мне выделили возле кухни.

— Чужак! Я ж тебе уже сказал: сила и магия! Все вечно путают! — крикнул мне вслед зеленый.

— В смысле?.. — обернулся я.

— Будь как гриф! — провозгласил Та'ки. — Роса собирается поутру... Сезон такой...

Погода... такая...

Он рухнул обратно на спину и захрапел.

Несколько минут я чесал затылок, пытаюсь понять, что это сейчас было. Что он хотел мне всем этим сказать?..

И вообще... Разве медведи умеют храпеть?

Будить зеленого, чтобы допытаться до истины, я не рискнул — божество все-таки.

И отправился к себе.

Моя новая комната не шла ни в какое сравнение с той конурой, где я жил в последнее время. Кровать была жесткой, но тем не менее это была настоящая кровать, с матрасом, набитым овечьей шерстью, простыней, подушкой и одеялом! У меня в комнате имелось окно во внутренний двор, умывальные и бритвенные принадлежности, часы с кукушкой, полотенце, стул и маленький стол возле подоконника. Еще в углу была оборудована глубокая полка для всяких личных вещей и поблескивали крючки для одежды. Внизу стояла корзина с чистым бельем и одеждой для работы на кухне — пара серых холщовых штанов и рубах. Правда, я с огорчением обнаружил, что шились они на кого-то значительно меньше меня ростом и шире раза в два. Но ничего: затянув завязки потуже, я поддернул рукава и подкатал до колен штаны, коль уж они все равно оказались коротки.

Несмотря на чистую постель и адскую усталость спал я скверно. Обрывки прошедшего дня кружили в голове бешеным хороводом. Так что в полпятого я был уже на кухне, и с

удивлением обнаружил, что в очаге горит огонь, а нож в руке Леандра бойко стучит по разделочной доске, нарезаая острый перец.

— Здорово! — улыбнулся он мне. — Ты чего так рано-то? Я даже еще нам завтрак не приготовил.

Я озадаченно приподнял одну бровь — как же он на своей каталке сюда сам добрался?..

— Давай я чем-нибудь тебе помогу?

— Давай, — согласился Леандр. — Вымой помидоры и зелень, а я пока лук почищу...

Он поднял свободную руку над головой, и она засветилась едва различимым зеленоватым сиянием. Луковица, лежавшая на полке на другом конце кухни, сорвалась с места и послушно, как отпрыгнувший от стены мячик, легла Леандру в ладонь.

— Ну как тебе здесь? Освоился хоть немного? — спросил он, ловко ошкуривая овощ.

— На кухне — вроде как, — проговорил я.

— А, ну да, — понимающе кивнул тот. — Ты же вчера больше нигде и не был.

Леандр со стуком располовинил луковицу и в одно мгновение нашинковал ее тончайшими ровными полукольцами. Потом взмахом руки сорвал со стены напротив большую сковороду — я едва успел пригнуться, чтобы не получить ею по башке.

Сковорода с грохотом встала на решетку над огнем.

Я обалдел.

— Вот это у тебя магия!..

— Да, есть такое. Знаешь, как говорят: если вселенная что-то забирает у человека, то всегда дает что-то взамен. И наоборот. Закон равновесия... Кубиками наруби.

— Чего? — не понял я.

— Помидоры, говорю, кубиками. Нет, другой нож возьми, этот для рыбы. А этот для мяса. Левее. Да, он самый.

Леандр оттолкнулся от стены и, подкатившись к очагу, плеснул на сковороду масла и через пару секунд высыпал лук. Все зашипело, и вскоре по кухне поплыл приятный сладковатый аромат.

— Леандр, а что значит — быть как гриф?.. — решился я, наконец, спросить. — Это какая-то философия школы?..

— Так очевидно же, — пожал плечами повар. — Давай сюда помидоры, и зелень мне передай, я сам нарублю. И яйца принеси.

Смешав с луком острый перец, помидоры, зелень и еще какую-то зеленовато-белую пасту из плоски, он принялся все это перемешивать деревянной ложкой на длинной ручке.

— Так что это значит? — напомнил я свой вопрос.

— Знаешь, чем отличается гриф от многих других птиц? От орлов там всяких, беркутов...

— Он стервятник?

— Нет, не в этом дело...

Леандр сыпанул в получившуюся кашу соли и перца, приняхался, довольно крякнул и продолжил помешивать.

— Гриф, Даниил — птица очень терпеливая. Он может парить часами, дожидаясь того момента, когда пробьет его час и придет пора действовать. Он никуда не торопится, не расходует понапрасну силы и не рискует просто так. Есть легенда о грифе, где говорится, что когда всем зверям и птицам раздавали части тела, орел из зависти украл у грифа ноги... — хриплый голос Леандра зазвучал ниже обычного, обретая таинственность, как и

подобает голосу настоящего рассказчика. Красноватые блики от очага ложились на его лицо и сильные жилистые руки. — Тот взмыл в небо, и лишь потом обнаружил, что у него нет ног. Орел смеялся — ведь безногая птица не может сесть и отдохнуть, и не может добыть себе пищу. «Сейчас он поймет, что обречен, и упадет грудью на скалы», — думал про себя орел, наблюдая за полетом грифа.

Но гриф не упал на скалы.

«К утру он выбьется из сил и сорвется», — решил орел, засыпая в тот вечер. Но утром, открыв глаза, он увидел, что гриф все так же парит в вышине, широко раскинув могучие крылья.

«Он умрет через неделю от голода», — успокаивал себя орел, но дни сменяли друг друга, а гриф все так же кружил над домом орла. Он вынес горечь предательства, боль неизбежности, голод и усталость, и терпеливо ждал своего часа целых тридцать лет, и каждый день его угрожающая тень следовала за орлом по пятам. Тот нервничал, злился, но ничего поделать не мог. Пока однажды, засмотревшись на своего врага, орел не разбился грудью о скалу. Тогда гриф спустился и забрал у своего врага его ноги.

Теперь он мог спускаться с неба, когда хотел, но мертвые ноги оставались мертвыми и были слишком слабы, чтобы поймать живую добычу.

Но поскольку гриф теперь и сам был на треть мертвецом, он обрел способность пожирать мертвое, как живое. Никто не может, а он сумел. Любой другой, кто попробовал бы питаться гниющей плотью, немедленно бы окошел, но не гриф. Это был подарок богов за его терпение...

— Никто не может, а он сумел, — эхом повторил я себе под нос. — Потому что гриф был силен. И терпелив. Сила и магия — вечно все путают...

Я нутром чуял, что во всем этом есть скрытый смысл. Но ухватить его суть за хвост никак не удавалось. Я словно пытался напеть марш империи, а все равно получался похоронный.

Ну же, Даня, думай! Не зря тебе зеленый про грифа сказал. И про силу. Ой не зря...

— Хлеба вчерашнего нарежь? — донесся до меня будто откуда-то издалека голос Леандра.

Я рассеянно кивнул и отправился выполнять задание.

А Леандр принялся разбивать в пастообразную пряную массу яйца.

Тут негромко стукнула дверь, и в кухне появилась Ника, помятая и сонная.

Боже, какая же она была милая в этой своей сонности! Я б такую с удовольствием убаюкал...

— Утречка тебе, дочка! — широко улыбнулся Леандр. — Иди, садись к столу. У меня тут уже почти все готово.

Ника устроилась на стуле в углу и зевнула, как-то по-звериному высунув на мгновение розовый язычок. В кудрявых волосах над виском я у нее заметил маленькое белое перышко, и решил пошутить:

— Кажется, кто-то сегодня ночевал в курятнике, — улыбнулся я и запустил руку ей в волосы, чтобы вытащить перо.

Того, что случилось дальше, я никак не ожидал.

Ника изменилась в лице, вся сжалась, как пружина, и отпрянула, будто испуганный зверек. С хорошеньких губок сорвался резкий пугающий звук, похожий на шипение.

А в копне ее волос, взъерошенных моей неловко дернувшейся рукой, выглядывало

мягкое черно-розовое кошачье ухо.

Глава 12. Мир, которому я рад

Ника была кошкодевочкой.

Самой, черт ее побери, настоящей, живой кошкодевочкой с пушистыми ушками!

— Вот это да... — выдохнул я, и сердце мое радостно вздрогнуло и забилось быстрее.

Спасибо тебе, господи, за этот прекрасный мир! Впервые я был так искренне рад и благодарен вселенной, что попал сюда!

Все сумрачные мысли, какие до сих пор роились у меня в голове касательно собственного будущего и возможных перспектив, вдруг испарились, поднялись в воздух легким облачком и пролились в мою жаждущую душу живительным дождем надежды!

Потому что мир, где живут кошкодевочки, уже только из-за одного этого абсолютно прекрасен!..

Когда-то давно, когда я был еще совсем молод и похабен мыслями, у меня на телефоне стояла восхитительная заставка — прехорошенькая тень с кошачьими ушками бежала из экрана мне навстречу, и в глубоком вырезе ее платья ритмично колыхались большие упругие дыньки груди.

Но тогда я еще не понимал истинной прелести нэко. Мне нравились волнующие картинки, где их щечки покрывал румянец и все такое.

Потом это увлечение прошло, и вторая волна на меня накатила уже после студенчества.

Тогда-то я понял, чем на самом деле цепляют эти девчушки с ушками и хвостиками. И это вовсе не рисованные дыньки. Это — милота! Запредельная, невероятная и трогательная. Помнится, кто-то из великих парил народ, что красота спасет мир. Нифига. Красота — она безотносительная, она просто стоит себе, как мост через Неву: поглядел, языком пощелкал, прошелся по нему — и по своим делам. Мир спасет только милота!

Вот смотришь на пушистого котика — и против воли руки тянутся погладить, защитить, накормить — и насрать, что в тебя могут впиться два десятка адских кинжалов из мягеньких лап. И ты все прощаешь, потому что — ну милый же!

А потом смотришь на красивую девушку — и руки тоже так и тянутся погладить и защитить...

А кошкодевочки — это же к-к-комбо! Это милота в квадрате, от которой сердце замирает и на глаза наворачиваются слезы умиления.

Короче, под натиском этих чувств я не смог устоять. Я протянул руку и... погладил черно-розовое ушко Ники — упругое, прохладное на самом кончике и такое мягкое!..

Ее злющие глаза широко распахнулись, и она мгновенно впила мне в руку острыми белыми зубками.

А я стоял, как пьяный дурак, и с широкой улыбкой смотрел на грызущую меня кошкодевочку, у которой из копны волос проглянуло второе ушко...

— Милота-то какая!.. — с самой искренней нежностью выдохнул я.

И тут в нашу идиллию вмешался Леандр.

— Ника, брысь! — рявкнул он. — Совсем очумела девка!..

Хватка острых зубов мгновенно ослабла.

Ника отпустила меня и попятилась. Ее личико залил густой румянец. Она словно пришла в себя после какого-то помутнения. Низко опустив голову, Ника прижала ушки — о-оо, самые настоящие кошкодевочковые ушки! И торопливо спрятала их под волосами.

— Ты там как, парень? — встревоженно спросил старик.

— Да так, царапина. — ответил я, глядя на кровавые отметины на своей руке все с той же блаженной улыбкой, которая просто не убиралась с моего лица. — Мелочи...

— Это не мелочи, — строго заявил Леандр. — Их укусы скверно заживают и нарываю подолгу — особенность атакующих зубов.

И прикрикнул на Нику.

— Мазь неси, и бинты! Дурная голова...

Он ловко снял с огня кушанье, над которым возился — красно-оранжевая острая гуща проглядывала сквозь затвердевший белок, поверх которого влажно блестели крупные и выпуклые рыжие желтки. Медленным, плавным жестом Леандр поставил сковороду на воздух и движением руки отправил на стол в углу.

Девушка бросилась со всех ног из кухни. Через мгновение она вернулась с маленьким пузатым глиняным горшочком в руках и целой вязанкой белых тряпиц на шее, которых бы хватило не то что руку перевязать, но и всего меня превратить в мумию.

Постаралась, маленькая.

Леандр тем временем подкатил ко мне на своем стуле и, нахмурившись, осмотрел место укуса.

— Мда. Глубоко она тебя...

Ника, вся красная от стыда, спрятала глаза. И тихим вкрадчивым голоском сказала:

— Мяу...

Я ахнул.

— Так ты вовсе не немая?..

— Ну, как человек-то она безмолвная... — ответил за нее Леандр, намазывая мне на руку вонючую студенистую смесь, похожую на раздавленных улиток. — Эту морфу не для разговоров разводят, сам знаешь.

Моя улыбка тут же съехала.

Я ничего такого не знал, но перебивать Леандра не стал.

— Говорить они могут, но только с тем, кого признают своим хозяином. А поскольку мастер Янус не очень-то хотел, чтобы ученики в школе знали, что у нас тут есть особь ее вида, было проще сказать, что девушка просто немая. Ники вообще-то здесь быть не должно, мастер ее не совсем законно выкупил у палача два года назад.

— А как она попала к палачу?

— Да понимаешь, когда Нику сдали в заведение, она в панике искусала половину гостей и услуги. А за нападение на человека всем звероморфам полагается смертная казнь. Такие вот дела... А еще с нее взяли честное слово, что зубы свои она в школе показывать не будет — верно, Ника? — зыркнул старик на свою протеже из-за плеча. — Тебя же здесь никто не обижает. Вот какими глазами ты теперь будешь на мастера Януса смотреть, когда он узнает?..

— Он не узнает, — быстро ответил я. — И не только он. Я никому ничего лишнего не скажу, даже не сомневайтесь. Да и виноват я сам — нечего было руки тянуть, куда не просят. Да, Ника? Ты уж извини...

Она подняла голову и посмотрела на меня с такой нежной робостью, а ушки так трогательно приподнялись из кудрей, что я опять, как дурак, невольно протянул руку, чтобы коснуться ее макушки.

Но вовремя одумался.

И в тот момент, когда моя ладонь застыла в воздухе, Ника вдруг неожиданно сама коснулась ее виском, смущенно зардевшись и опустив глаза.

Милота!..

Я непроизвольно расплылся в улыбке и ласково погладил кошкодевочку по голове.

— Спасибо за доверие, — сказал я.

— Давайте уже есть, а то остыло все, — ворчливо проговорил Леандр.

Яичница в стиле Леандра была огнедышащей даже несмотря на то, что действительно остыла. И очень вкусной. Мы втроем быстро с ней разделались, и Ника принесла глиняные кружки, вчерашний белый хлеб и молоко в большом коричневом кувшине. Я принялся разливать питье, и в этот момент с улицы донесся громкий пронзительный вскрик, будто кто-то одним махом вырвал у гигантского петуха хвост.

От неожиданности я чуть не уронил кувшин.

— Это что еще такое?.. — спросил я у Леандра.

— Ты про вопль? Это наша бронзовая птичка подала сторожевой сигнал. Кто-то едет к нам, только и всего. Минут через десять в школе будут какие-то гости. И, кстати, ты мне до полудня не понадобится, так что можешь пойти посмотреть и тренировку, и что там за гостей нелегкая принесла. А нам пора выпечкой заняться...

— Спасибо, — искренне поблагодарил я старика.

Потом залпом выпил свое молоко и направился к выходу.

После душного кожаного суперсета палача в тонкой и дышащей одежде было блаженственно. Я достал из кармана курево, взял папиросу и принялся возиться со спичками.

Как бы я не выпендривался на кухне, рука после укуса действительно болела.

Тем временем топот копыт становился все громче. Наконец, въездные ворота скрипнули, и кто-то въехал на территорию школы.

Сначала я предположил, что это могла быть Майя — вчера она так и не вернулась, и вечером, заглянув на кухню, Ян по этому поводу недовольно ворчал.

Вот только по лошадиному топоту и фырканию было ясно: приехал вовсе не один всадник.

Их было несколько. Человека три, может четыре.

— А ну все назад! — донесся вдруг с той стороны грубый мужской окрик. — Проезд не дозволен мастером, стоять всем на месте!..

Я насторожился. Это что, у нас какая-то заварушка намечается?

— Август, мать моя женщина, ты со вчерашнего не проспался, что ли? — услышал я знакомый женский голос. — Отойди в сторону!

— Стоять! Мастер приказал!..

Я усмехнулся.

Август? Кажется, так звали того упертого здоровяка, что не пускал меня в главный корпус. Однако, у парня есть свой стиль!

Я направился из внутреннего двора к главному зданию, и увидел, как двое дежурных стражников преграждают путь четверым всадникам. И среди них действительно оказался мой старый знакомец.

А перед дежурными на высоком гнедом жеребце сидела Майя. Мужское седло и длинное платье с разрезом ничуть не помешало ей усесться верхом. Ее полностью обнаженные стройные длинные ноги без обуви крепко обнимали лошадиные бока.

Задравшееся и сбившееся платье приоткрывало белый флажок нижнего белья, но не смотря на это девушка умудрялась выглядеть не просто уверенной в себе, а прямо-таки грозной.

— Совсем сдурели? Я вам не какая-нибудь первогодка. И я не с попойки явилась, а привезла с собой новых учеников! — прикрикнула на парней Майя, без малейшего смущения спрыгивая с седла.

Выглядело это эффектно. Круче перекидывания ног на стуле в известном кино.

Жаль только, что я оказался не в первом ряду.

— Так-то оно так, но мастер Ян приказал не впускать! — продолжал упорствовать Август, в то время как его напарник выглядел уже не так уверенно.

А я тем временем принялся разглядывать спутников Майи.

Новые ученики, значит?

Их было трое, двое парней и одна девушка.

После дерзкой Майи и пушистоухой Ники девица выглядела совершенно непримечательной: грубая мужская одежда, коротко остриженные русые волосы и бледное личико с острыми скулами и крупным, резко очерченным ртом.

А вот парни своим внешним видом меня заинтересовали. Один из них был высоким и крепким. Волосы, брови, и даже густая поросль на щеках у него были почти белыми. Из одежды имелись только грубые серые штаны с завязками, а через всю грудь, от левого плеча до правого бока, виднелся глубокий ровный шрам. На шее и запястьях он носил пестрые плетеные веревочки. Я уже видел такие несколько раз у клиентов мастера Гая. Это были обереги. Такие штуки плели суеверные женщины для своих детей, мужей и возлюбленных, добавляя пряди своих волос в разноцветные нити. Так что этот парень был или сыном полка для женского батальона, или отчаянным бабником, и где-то по городам и весям о его благополучии вздыхало немало девиц.

Второй новичок по сравнению с белым на первый взгляд мог показаться ребенком.

Он был темноволосый, невысокий, бледный и худой. Белоснежная шелковая рубашка висела на нем, как на вешалке, из горловины сиротливо выглядывала тощая шея с острым кадыком. На поясе у паренька поблескивал украшенный серебром пояс, черные глянцевые сапоги мягко обтягивали икры — в общем, выглядел он отнюдь не как оборванец. Это ощущалось не только в одежде, но и в аристократических чертах лица и даже в манере сидеть на лошади.

Тем временем двери главного здания школы распахнулись, и на крыльце показался сам Янус — взъерошенный и помятый после сна, в не заправленной рубахе. Для пущей живописности ему только не хватало соломы в волосах.

Все препирательства у ворот разом утихли. Караульные вместе с Майей развернулись к магистру и вытянулись в струнку.

Широко распахнув руки, Янус с наслаждением потянулся, щурясь на яркое голубое небо, и зевнул во всю пасть.

— А-аа, блудня наша вернулась, значит? — с недоброй улыбкой протянул он, глядя на Майю. И неспешной походкой двинулся к новоприбывшим.

Губы подмастерья великого магистра Януса обиженно выпятились вперед.

— Я не блудня, я на благо нашей школы старалась! И привезла нам еще трех учеников!

— Разве я тебе что-то такое разрешал?

— Нет, но...

— Или ты уже получила статус магистра, а мне не доложили?

— Да нет же...

— Тогда какого хрена?! — взорвался вдруг Янус, нависая над ней, как грозовая туча.

Майя втянула голову в плечи.

— По праву единственного представителя школы... Я взяла на себя смелость... Да ты сначала пронизывающим взглядом посмотри внимательно, кого я тебе привезла, а потом уже рычать будешь!

— Ну конечно, в первый раз одна на просмотре осталась — и на тебе, тройная удача! Да кого бы ты не привезла... — Янус взглянул на новых учеников, и слова замерли у него на языке.

Задумчиво почесав затылок, изменившимся тоном он проговорил:

— А ну-ка с лошадок все слезли. И ко мне подошли.

Новые ученики спрыгнули с коней и приблизились к магистру.

Смерив пристальным взглядом всех троих с головы до ног, Ян хмыкнул. Потом обернулся на меня, неприметно греющего уши возле главного здания.

— Пошли ко мне в кабинет, разбираться будем, — буркнул он.

И все пятеро направились внутрь.

А между тем из второго корпуса, перешучиваясь и поругиваясь между собой, потянулись ученики. Они были одеты в светло-коричневые кожаные костюмы с вышитым на предплечье птичьим профилем — парни и девушки, все стройные, рослые и пышущие жизненной энергией.

Они проходили мимо меня, будто мимо дерева — не обращая никакого внимания, хотя я пытался пару раз им кивнуть и поздороваться. Но потом прекратил и отошел поближе к стене, чтобы мое самолюбие не так сильно страдало от их пренебрежения.

Ученики собиравшись на тренировочной площадке и рассаживались ровными рядами на песке.

Глядя на них, я испытывал смутное волнение. Вот, значит, как выглядят те, кому открыт широкий путь в боевое будущее.

И я тоже стану таким.

Я смогу!..

Потом появились трое широкоплечих мужчин в темных красно-коричневых доспехах. И один из них громко крикнул:

— Да пребудет со всеми вами терпение парящего грифа, и да наполнит новый день вас всех новым знанием! Объявляю начало часа медитации!

— Да будет так! — хором ответили ученики.

Мужчины в темных доспехах сели на песок лицом к ученикам, и застыли, как изваяния.

На площадке стало тихо.

Поначалу смотреть на это было смешно. Мне невольно вспомнилась физиономия Ленки, когда она устраивала себе «медитацию». О, это была ее любимая тема! И вот сидит, значит, она на своей мудалахаре, страдающим лицом изображает просветление и чакры пересчитывает. И все это — чтобы депрессия от тягот ее непростой жизни отступила, целлюлит рассосался и кундалини поднялась.

Я как-то после ее пламенной лекции про чакры в шутку брякнул, насколько же проще медитировать мужикам — нам-то, чтоб поднялась кундалини, порой одного только вида на приличную сахасрару достаточно.

Меня тогда обкричали за то, что я не уважаю женщин. Из чего я сделал вывод, что

медитация может чего-то там и стимулирует, но явно не чувство юмора.

Однако же, глядя на учеников школы, я как-то быстро утратил всю свою смешливость.

Они все будто превратились в статуи. Казалось, эти люди даже не дышат.

А потом над их головами начало разрастаться марево, похожее на искажение горячего воздуха над раскаленным асфальтом.

Птицы продолжали голосить, ветер шелестел листвой, а я уже на полном серьезе вглядывался в медитирующих учеников и пытался понять, что же они такое делают и для чего это нужно. Ведь я хотел посмотреть на их тренировку не просто так, а с целью попытаться скопировать какие-то упражнения и заниматься самостоятельно. Но как повторить то, чего не понимаешь?..

И тут у меня над ухом раздалось хрусткое размеренное чавканье.

Я вздрогнул и обернулся. Рядом со мной, придерживая лапой толстый сочный стебель, стоял Та'ки и медленно пережевывал свое угощение.

— Люди — высокомерные твари, однако, — он икнул, подозрительно обнюхал стебель. — И пока ойлюлей им не вломишь, добра не жди. Вот где почтение перед богом-покровителем, а? Где подношения с утра? Доедаю вчерашний корм... Дежурные опять все проспали... То есть проспали... Ужас! Питаюсь непоймя чем...

Его голос звучал на редкость трезво — видимо, еще не успел набраться хмеля с утра.

Я хмыкнул.

— Так вломил бы?

Та'ки глубоко вздохнул.

— Лень... — с печалью всех обездоленных зеленых панд в голосе проговорил он.

Я улыбнулся.

— А где хоть еда-то твоя хранится?.. Я бы мог...

Фразу я не закончил.

Огромный бронзовый гриф, сидевший на воротах школы, внезапно пошевелился. Сначала он медленно наклонил голову, потом встрепенулся, распахнул широко крылья, будто собираясь взлететь. А потом из его блестящего горла вырвался раскатистый и пронзительный вопль.

Марево над головами учеников угасло. Все зашевелились, закрутили головами, переговариваясь. Воины в темных доспехах поднялись с земли, и следом за ними один за одним начали вставать ученики.

А через несколько минут сквозь решетчатые ворота я увидел спешивших по направлению к школе людей.

Они гнали коней, поднимая по дороге облако рыжей пыли. Их было человек пятнадцать, не меньше. За плечами у всех развевались шитые серебром темно-зеленые плащи, драгоценная сбруя ослепительно вспыхивала под солнцем.

— Кажется, у нас какие-то высокие гости, — сказал я.

— Для гостей больно много пыли, — медленно проговорил Та'ки, почесывая себе пузо. — Много пыли. Много гнева. Много гнева есть начало разрушения...

— А разрушение есть начало жопы? — закончил я фразу за него.

Панда икнул.

— Точно...

И тут от группы всадников вперед вырвался один рыцарь.

— Именем графа Дарела Оживляющего, сюзерена города Артон, немедленно откройте

ворота! — хриплым голосом проорал он.

Та'ки вонюче зевнул.

— Пойду посплю. Пожрать по-человечески мне теперь дадут не скоро...

Глава 13. Природу, вашу мать, нужно защищать!

Дежурная стража ощерилась копытами и мечами у ворот, ученики вместе со старшими воинами поспешили к въезду.

— Уберите оружие в ножны, господа! — угрожающе гаркнул во все горло один из старших. — Это законная военная школа, и по закону ее территория является...

Он не успел договорить. Мощная волна невидимой силы плеснула сторону ворот, поднимая за собой густое облако дорожной пыли и обрывков зелени. От удара створки загудели, завибрировали, будто состояли не из металлических прутьев, а натянутых струн. А потом с неестественным хрустом и треском распахнулись, вспыхнув золотистым свечением. Сильный ветер, смешанный с пылью, грязью и мелкими камешками хлестнул меня по лицу и груди.

Я сощурился, спасая глаза.

— А ничо так, интересненько дела повернули... — протянул у меня за спиной Та'ки.

— Пошел прочь с дороги! — между тем орал рыцарь, взмахнув над головой обнаженным мечом. — Именем графа Дарела Оживляющего!

— Это нападение!!! — выкрикнул самый старший из воинов, побелев от гнева. — Занять боевой порядок!

Ученики, окончательно утратив всяческую самодовольную бравурность, засуетились, пытаясь исполнить распоряжение и как-то выстроиться. Что именно они пытались сделать, сказать было сложно, потому что по факту выходило что-то несуразное и щербатое.

— ... Приготовиться к атаке!.. — не дожидаясь окончания построения, прогудел над их головами следующий приказ.

Воздух вокруг поплыл маревом, а на земле вокруг школы по периметру вспыхнуло золотистое сияние.

Войско чужаков остановилось у сверкающей границы, вытаптывая траву кружащими на месте и хрипящими от нетерпения конями.

— Граф Дарелл Оживляющий требует через свое посольство, чтобы школа Грифа немедленно выдала ему его сына, Эрика Альфреда Эразмуса, сиятельного принца Артонского и наследника бронзового престола, которого вы смеее удерживать на своей земле! — раздался хриплый крик сквозь ржание разгоряченных лошадей и топот. — Граф Дарелл Оживляющий предупреждает...

— По закону золотой печати все военные школы подчиняются только королю! — раздался вдруг голос Та'ки.

Медведь выдвинулся у меня из-за спины, все еще придерживая невкусный стебель — все такой же зеленый и помятый. Но его вопль перекрыл сразу весь остальной шум, он прогремел над землей, как истинный божественный глас, сошедший с небес! Это было так пафосно и красиво...

— ...Так что пусть ваш великий сюзерен граф Дарелл идет в жопу!.. — неожиданно закончил Та'ки свою мысль все тем же божественным голосом.

От неожиданности я даже вздрогнул.

И в ту же секунду я увидел, как со стороны разъяренного войска будто на замедленном

воспроизведении отделилось нечто, похожее на черную размытую птицу. Оно вонзилось в золотистое свечение, обрамлявшее территорию школы, и вспыхнуло угрожающе-красным...

Не знаю, о чем я думал в этот момент.

Мне кажется, я даже не успел понять, что это летит короткое копьё, и что оно явно зачаровано какой-то нехилой магией и обрезку навроде меня поймать такое своим телом — это как со скалы прыгнуть. Разбежавшись.

Но я, как последний придурок, рванулся вправо, чтобы встать между ним и Та'ки.

Почему?

Я понятия не имею. Просто что-то опасное летело в пьяную зеленую панду. И я инстинктивно бросился на защиту. Разум в это время вышел покурить.

А в следующее мгновение я увидел прямо перед собой пылающее жало копья...

И тут из-за моей спины вытянулась огромная человеческая рука, окруженная зеленым сиянием. Ладонь крепко сомкнулась на древке между кроваво-красным наконечником и плоским круглым ограничителем, и копьё застыло в воздухе в десятке сантиметров от моего вмиг пропотевшего и несчастного тела!

Моргнув на копьё, я обернулся — и обомлел.

Это действительно был Та'ки.

Но не тот наш привычный увалень-медведь, которого я знал до сих пор. А совершенно новая панда!

Неповоротливая туша зверя увеличилась раза в два и стала прозрачной, как бутылка из зеленого стекла.

А внутри этой бутылки вместо кораблика виднелся человек.

Он был высоким и худощавым. Из одежды на нем имелись только льняные штаны на шнурке, — точно такие же, как у меня. Удлиненное лицо покрывал густой слой белой краски. А на руках, на изрезанном шрамами торсе и вдоль линии глаз виднелись густые мазки красно-коричневого цвета, похожие на запекшуюся кровь.

Человек положил вторую руку мне на плечо.

— Напрасно. Но трогательно, — негромко сказал он.

Мягко сдвинув меня немного в сторону, человек ловко перехватил копьё и швырнул обратно.

Оружие блеснуло в воздухе, как синяя молния, и вонзилось одному из посланников в грудь.

Говорливый рыцарь не успел даже дернуться или вскрикнуть. От удара копья его вырвало из седла и отшвырнуло далеко назад. Его насаженное на древко тело грузно свалилось в траву и еще немного проскользило назад.

Вся школа обернулась на нас с Та'ки. Один из дежурных у ворот схватился за голову.

Кони посланников графа испуганно заржали, отпрянув в стороны.

— Свое забирайте с собой — нам чужого добра не надобно! — крикнул Та'ки.

Отряд посланцев попятился назад. Ученики наконец-то смогли выстроиться ровным полукругом, и над их головами возникло уже знакомое мне марево.

Но сейчас меня куда больше занимал наш местный бог.

Обернувшись, я уставился на Та'ки, но он уже принял привычный медвежий облик.

И тут из главного здания, весь почерневший и мрачный, как грозовая туча, вышел Янус в сопровождении молодого аристократа, которого только что привезла Майя.

— Смотрите сюда, посланники хреновы! — хриплым и злым голосом крикнул Ян. —

Вот он, ваш Эрик Альфред Эразмус, принц Артона и наследник бронзового престола! Вчера он по доброй воле вышел на большую арену, а сегодня — ступил на землю моей школы согласно закону! И если хоть одна тварь попробует войти сюда и забрать его силой, или метнет через барьер какую-нибудь хрень, я воспользуюсь правом защиты королевского имущества! Потому что со вчерашнего вечера этот юноша — собственность короля и мой воспитанник!..

Я удивленно покосился на парня. Графский отпрыск?.. Так это из-за него вся эта кутерьма?

А тот стоял рядом с Янусом, не в силах сдержать довольной улыбки.

Я вдруг разозлился на него. Вот ведь придурок. Он папаше рад досадить, а я чуть от копья не помер!

— Вы убили второго адъютанта графа Дарелла! — выкрикнул кто-то из числа посланцев. — И это вам с рук не сойдет!..

— А вы напали на военную школу его величества и пытались убить божественную сущность и нашего покровителя! Так что если хотите обратиться с жалобой в суд, желаю попутного ветра, — выкрикнул Ян и брезгливо сплюнул в сторону. И негромко добавил:

— И тогда мы и поглядим, кто из нас голой жопой на жаровне окажется.

Посланцы еще немного потоптались у ворот, обсуждая что-то промеж собой. А потом кавалькада нехотя двинулась прочь, прихватив своего мертвеца.

Между тем ученики так и остались стоять в боевом построении и смотрели им вслед, не решаясь расходиться.

— А ну че встали! — гаркнул на них Ян. — На тренировочную площадку все, быстро! И больше никаких отпусков для старших, заниматься всем до кровавого пота, ясно?! В конце лета сам экзаменовать буду, кто не справится — пойдет нахрен отсюда! Позорники... Обережный щит они выставили... Да чтоб вам спины в последнем бою таким щитом прикрывали! Бездари...

Ученики бросились со всех ног исполнять приказ. Ян, развернувшись, сделал шаг к дверям, но тут ему на глаза попался я.

— А твое геройство — вообще дурь несусветная! И что ты здесь делаешь вообще? На кухне работы не осталось? Чего так удивленно моргаешь, окна в холле не только для света сделаны. А ну исчез с глаз моих!

Спорить с ним я не стал — честно говоря, после всего случившегося я и сам был не прочь вернуться на кухню и куда-нибудь присесть.

Так что я послушно поплелся во владения Леандра.

Не успел я переступить порог, как ко мне метнулась Ника, пристально заглядывая в глаза. Леандр оттолкнул свое кресло от окна и обернулся.

— Что там такое случилось-то?.. — обеспокоенно спросил меня наш шеф-повар. — От магии аж душно стало! Крики, топот — я уж решил, на нас напали!..

— Ну, на самом деле примерно так было, но не до конца, — кивнул я, усаживаясь на лавку. Коленки у меня противно подрагивали.

— Что не до конца?! Ты по-человечески объяснить можешь?!

Я вытер ладонью припотевший лоб. Поморщившись, повертел укушенной рукой.

Ника, покраснев, опустила голову.

— Да посланцы приезжали от какого-то графа, — пояснил я Леандру. — Орали много, требовали выдать им одного из новичков. Погрозили, чем могли, и уехали восвояси. В

общем, нормально все...

— Вот ведь, — вздохнул Леандр. — Вот вечно поналезет на арену всякая шушера, а потом школам разбираться!

Я не стал ему говорить, что вообще-то в таком случае та самая шушера, о которой он говорит, это вовсе не тот парень, а я. И молча принялся чистить овощи.

Старик покряхтел, но тоже вернулся к своим делам. Ворчливым голосом он принялся рассказывать мне и Нике, как три года назад в одну из школ умудрился поступить наемный убийца, который таким образом пытался уйти от суда.

Я за его рассказом не следил. В моей памяти то и дело вставала картинка — рука Та'ки и наконечник копья, метящий мне в грудь.

Все-таки каким бы невезучим я не был, смерть меня щадила. В который раз пристально посмотрела в глаза — и обошла стороной.

— Слушай, а медвежье обличье у Та'ки — это иллюзия? — спросил я вдруг у Леандра. — Или какая-то особая форма?

Старик изумленно посмотрел на меня — похоже, я как-то совсем не вовремя вклинился со своим вопросом.

— В смысле? — проговорил он, наконец. — А твои руки и ноги — это тоже особая форма, или какая-то другая?

— Нет, ну я-то — обычный человек...

— А он — обычное божество. И он — медведь. Еще какие вопросы?

Я открыл было рот, чтобы возразить ему... и тут же закрыл его обратно.

Леандр явно не знал о человеке, скрывающемся внутри зеленой туши.

И это было странно, ведь сегодня все ученики смотрели на Та'ки в таком «двойном» облике и явно ничему не удивлялись. Как такое может быть, что все ученики и даже кое-кто из obsługi знают такие вещи, а Леандр — нет? Ведь он уже давно живет при школе.

Неужели все в школе настолько сторонятся старика-воина, работающего на кухне?

Или же...

Или дело было в другом.

— Я пойду воды принесу, — пробормотал я, отложив картошку и нож.

— Зачем?.. — удивился Леандр, но я уже схватил ведро и направился к выходу.

— Я сейчас, я быстро, — буркнул я и скрылся в дверях. — Мне нужно про корм сказать...

Я должен был узнать это прямо сейчас. Я должен! Или мое любопытство насмерть сожрало бы меня изнутри.

С гремящим ведром я поспешил мимо занятых спаррингом учеников к дежурным у ворот.

Те активно шептались — видимо, обменивались впечатлениями от всего случившегося. При виде меня они недовольно умолкли.

— Чего надо? — спросил тот, что после броска нашего медведя хватался за голову.

— Да я это... Просто корм у Та'ки несвежий был с утра... Хотел напомнить... — проговорил я, чтобы как-то начать разговор.

Дежурные скривились.

— Хочешь сказать, это типа мы работы своей не знаем, так что ли? — угрожающе проговорил второй.

Похоже, начало я выбрал не самое удачное.

— Да нет, просто он попросил, — улыбнулся я попридурковатей. — А я и забыл совсем.

— Не бойсь, уже все давно выдали согласно предписаниям, — брезгливо бросил мне первый.

— А, ну окей, — кивнул я.

— Чего?.. — не понял тот.

— В смысле, хорошо, — еще придурковатей улыбнулся я. — А вообще, я прям впечатлен нашим божеством. Я думал, он просто медведь, а он такой... И маска такая!.. — сказал я, стараясь выбирать самые удачные формулировки.

— Пфф, этот дурак, похоже, никогда панду не видел!.. — заржал второй.

— Ну, для пьяной панды он, надо сказать, копьё бросает мощно... — мрачно отозвался его напарник.

— Так он жеж бог все-таки! — фыркнул второй.

— Да... — проговорил я, внимательно разглядывая их лица. — Это да, это правда...

Да!

И правда заключалась в том, что для них Та'ки по-прежнему оставался зеленой пандой!

А я видел его лицо.

Черт меня побери, кажется, я смог подсмотреть его истинное обличье! Или же он сам показал мне его.

Почему-то от этой мысли у меня на душе стало так тепло и радостно, что я даже забыл попрощаться с дежурными и с улыбкой отправился к колодцу.

По пути меня за плечо поймал один из старших воинов в темных доспехах.

— Пошел вон с передней территории! — рыкнул он на меня. — Обслуга с ведрами и прочим своим добром даже носа сюда не должна показывать!..

— Понял, — с готовностью кивнул я и повернул к внутреннему двору.

Мой жестяной компаньон обиженно громыхнул у меня в руке.

— Замечу еще раз — прикажу высечь! — прикрикнул старший мне вслед.

Я прибавил шаг. И, позабыв набрать воды, так и вернулся на кухню ни с чем.

До самого вечера я думал о зеленом медведе. В руках картошка сменялась луком, лук — грязными котлами и тарелками, а я все думал и думал...

Когда, наконец, моя работа закончилась, я взял в кладовке крупную редьку и веревку с шилом и отправился в сумерках искать укромное место, где можно было бы потренироваться.

Нет, ну а что? В кино у этих парней всегда получалось отлично поднимать себе силу и ловкость на всяких там природных снарядах. А я чем хуже?

Присмотрев хорошее тенистое дерево за баней, я решил попробовать укрыться под ним.

Я проткнул мою бедную редьку, привязал ее к веревке и подвесил на ветку дерева. Качнул. Попытался юркнуть под ней к дереву и обратно. Получил редькой в лоб, выругался. И, чувствуя себя идиотом, попытался повторить процедуру.

Через пять минут я понял, что мой псевдотренажер — это отчаянно бестолковая хрень.

Нельзя научиться тому, чего не умеешь, изобретая из редьки напарника.

Во всем должна присутствовать какая-то система и логика. И система оценки. Грубо говоря, вот штанга, сегодня я ее поднял пять раз, а неделю назад — только один, да и то еле-еле. Но как тренировать в одиночестве ловкость? Разве что придумать самому какую-то полосу препятствий. Что-то в духе прыжок вправо-прыжок влево, под веревку — на пенек. Но ведь ее невыучить нужно, как танец, а научиться реагировать на реальные изменения.

Как же это сделать?..

С грустью глядя на покачивающийся на веревке овощ, я закурил.

— Эх, тоска... — выдохнул я вместе с дымом.

— Так вот от чего репа повесилась? От тоски? — икнул у меня за спиной знакомый пьяный голос.

Я обернулся.

— Та'ки?..

Зеленый медведь шумно обнюхал очень длинный и толстый стебель, который держал у себя в лапах.

— Типа того. Хотя я сам себе сейчас кажусь бабочкой...

— Тогда не удивительно, что ты репу с редькой спутал, — заметил я.

— Ну, эт тебе виднее, — протянул медведь. — С другой стороны, если повешены на дереве, какая к хренам разница? Редька, репа, тыква... Зато репа вкусная. И красивая. — он почесал себе пузо когтистой лапой. — Можно как бусы носить.

Я рассмеялся.

— Это ж кем надо быть, чтоб носить на себе репу, как бусы?

— Может, парнем, который от отчаянья бьется головой об корнеплод? — неожиданно трезвым голосом ответил медведь. — Но есть способ это исправить. К примеру, вместо корнеплода взять в наставники зеленую панду. Или, вернее, дать зеленой панде взять тебя в качестве своего корнеплода. Чтоб головой биться. И ждать, пока созреешь.

Стебель в его лапах вдруг свистнул прямо над моей макушкой и ударил в плечо — не сильно больно, но ощутимо.

— Если в спарринге ни разу не увернешься — надеваешь одну репу. Увернешься хоть раз — одну снимаешь. А если откажешься носить — больше не приду. Договорились?

— Договорились!!! — с готовностью выпалил я в десять раз громче, чем рассчитывал, потому что сердце мое возликовало и запело!

У меня появился учитель. У меня появился учитель!! И это было просто оххудаца!

— Вот только... Репа-то зачем?

— Репа будет показателем твоей полезности для местного сообщества, — хмыкнул панда. — Слушай, я ведь буду на тебя свое сонное время тратить, должно же мне быть хотя бы весело?

Я улыбнулся.

— Ладно, пусть будет весело!

— Тогда погнажи, — мой зеленый наставник зубасто зевнул и...

Удары посыпались на мои плечи, точно сверху забарабанил град. Курево вывалилось из моего рта.

— Эй-эй, погоди! Давай для начала без магии? — предложил я, затапывая вспыхнувший на земле красный огонек.

— Магии? Какой еще магии? — удивился Та'ки. — Магия есть у зеленого медведя. А у маленькой бабочки никакой магии нет. Но если будешь стоять, как столб, я начну бить больно, и не по плечам, а по голове.

Я отскочил от него, но Та'ки сделал выпад вперед и стебель толкнулся мне в плечо.

— Слишком длинное оружие. Слишком длинные руки. А ты прыгаешь слишком слабо, и стоишь слишком прямо.

Та'ки ткнул меня стеблем в живот, и я согнулся в три погибели, хотя удар был

несильным. Просто он пришелся в очень правильное место.

— Тебя что, насадили на вертел на твоей кухне? На завтрак будет жареный человек? — издевательски протянул Та'ки.

— Нет, больше похоже на отбивную из человека, — сдавленным голосом проговорил я.

— Не преувеличивай, а то сейчас вместо стебля дубину возьму, — отозвался Та'ки. — Двигайся, шире шаг, смелей движения!

Его стебель принялся охаживать меня по плечам, но теперь я действительно изо всех сил старался увернуться. Вправо, влево, еще раз влево...

Я рванулся так яростно, что был уверен в успехе!..

Пока не сполз по древесному стволу, в который с размаху врезался.

— Твою мать!.. — простонал я, скорчившись у корней.

— Всегда держи в голове общую картину, — мой наставник легонько постучал стеблем мне по макушке. — Ямы, камни, стволы. Куча говна на дороге, вилы у забора, песок в тележке. Кто знает, что из этого может спасти тебе жизнь. Понял?

— Угу... — промычал я, пытаюсь встать.

Та'ки протянул мне руку.

Не мохнатую когтистую лапу, а именно руку, даже без зеленого свечения вокруг.

— А еще у тебя слабое тело, — сказал он, помогая своему горе-ученику подняться.

Рука бога оказалась жесткой и шершавой.

— Бегай с мешком гороха на плечах и полными ведрами. Напросись косить траву для коней на лугу. Это сделает твоё тело сильнее.

— Понял, — с готовностью ответил я.

— Теперь отработка. Еще раз. Прямой удар. Бить буду одинаково, с каждым разом все ниже. Уходи от удара, как можешь.

Я кивнул.

— Готов.

И мы как два призрака закружили в лунном свете, укрытые черными облаками раскидистых крон. Время от времени в тишине слышались русский мат, крики и резкие замечания моего наставника.

— Быстрее. Еще быстрее. Колени тоже могут гнуться! Вот так. Теперь снова начну сверху, но быстрее. Готов?

Умом я понимал, что это все тот же Та'ки, но в голове все равно не укладывалось, что вечно пьяный зеленый медведь в образе человека становится вдруг серьезным, трезвым и жестким.

Через час занятий я уже с трудом переводил дыхание, шумно хватая воздух ртом.

— Хватит с тебя на сегодня, — сказал, наконец, Та'ки.

Вокруг его фигуры появилось зеленоватое свечение в форме медведя, и через мгновение передо мной уже стояла зеленая панда.

— До завтра, ученик, — насмешливо протянул он и поковылял прочь, неловко переваливаясь с лапы на лапу.

— Эй, Та'ки! — окликнул я его, тяжело дыша и упираясь ладонями в колени.

— Ну? — остановился медведь.

— Спасибо.

— Посмотрим, что ты через неделю скажешь, — он с хрустом вгрызся в стебель, который до сих пор выполнял роль оружия.

А мне под ноги плюхнулась небольшая желтая репка.

Глава 14. Посадил бог репку

Через три недели я стал достопримечательностью школы.

Конечно, не настолько популярной, как мой наставник, но тем не менее на меня уже приходили поглазеть и похихикать. В светлой рубашке, с закатанными штанами и гирляндой репок на шее я выглядел, как безумный монах из комиксного шао-линя. В какой-то момент я даже пожалел, что Та'ки выбрал не чеснок — так я бы выглядел еще безумней и колоритней. Но зато хоть мог бы объясниться — ну а что, имеет человек право бояться вампиров?

А так мне в спину все чаще звучали вопросы, не собираюсь ли я вскоре взять в зубы яблоко, а в уши вставить зелень — для полноты картины. Или где я прячу святилище своего репкобога.

Мой репкобог с явным удовлетворением на пятнистой морде слушал все эти нагоны в мой адрес и беззаботно хрустел своими стеблями.

Я на него не сердился.

Ведь он единственный обратил на меня внимание не как на уборщика или третью рябину во втором ряду, а как на возможного ученика! А ученик полубезумного бога просто не имеет права быть нормальным. Я в этом находил даже что-то веселое и провокационное, так что в целом полет был нормальным. Только один чудак на букву «м» с торчащими наружу передними зубами и погонялом «Бобер» меня порядком достал.

Но что поделаешь? Бобер — он и в Африке бобер. С таким прозвищем только пилою работать — или по дереву, или по нервам.

Каждое утро я вставал затемно, взваливал на плечи мешок с горохом и шел на двор, по пути продирая глаза и окончательно просыпаясь. Поприседав немного во дворе со своей ношей, я шел к ограде и делал вдоль нее круг пенсионерской рысцой. Потом отжимался, сколько мог, бегом с двумя ведрами в руках таскал воду из дальнего колодца в баню и наполнял большой таз, в котором потом ополаскивался и шел на работу. А вечером меня ждала двухчасовая тренировка с моим зеленым наставником, спарринг и очередная репка.

Пару раз поздно вечером я замечал нашего аристократа: он что-то наигрывал на лютне и тихонько напевал себе под нос. И то ли наша альма-матер не оправдала его надежд, то ли несчастная любовь поразила беднягу в сердце, но напевы его были грустными и протяжными, как пьяные песни нашего бога.

В первую неделю такого режима я думал, что сдохну. Каждое утро, вытряхивая себя из постели, со стоном разравнивая спину и выпрямляя колени я завидовал тем, кто уже умер, и потому не мучился. Помню, как я пытался поднять на плечи этот чудовищный мешок с ядрен-горохом, упираясь плечом в стену и вытирая навернувшиеся на глаза слезы.

В какой-то момент мне даже захотелось скинуть его ко всем чертям, рухнуть на пол и заявить всему миру, что я неизлечимо болен — по крайней мере, на ближайшие пару лет.

Но тут я вспомнил себя на арене. И презрительный взгляд Ленки. И вонючего уroda, обложившего меня и в хвост и в гриву за то, что я посмел его пигалице руку помощи протянуть.

И, матерясь на чем свет стоит, я плелся с этим мешком вокруг школы, едва переставляя ноги.

После разминки мое тело возвращало более-менее сносную пластичность, и я был в состоянии работать и даже пережить вечернюю тренировку.

Но утром я снова чувствовал себя между жизнью и смертью. Болело абсолютно все — каждая мышца, связки, все позвонки моего несчастного позвоночника от самой шеи до копчика.

А потом вдруг что-то произошло.

Проснувшись утром, я больше не испытывал боли. Я даже опасливо ощупал себя, чтобы убедиться, что не помер и не потерял нахрен всю чувствительность. А потом встал, взвалил свой мешок на плечи и в первый смог не пройти, а пробежать свой маршрут вокруг школы. И воду для умывания я тоже смог натаскать уже бегом! Разогретые мышцы гудели, но это была уже не боль, а скорее приятная натруженность.

И вот уже четвертый день я открывал глаза с улыбкой вместо проклятий. Хорошенько потянувшись, я вышел во двор, чтобы немного размяться перед пробежкой.

Я ожидал увидеть синее утро, вдохнуть свежего воздуха и насладиться царящей в школе тишиной за мгновение до того, как начнет просыпаться жизнь. Сначала — звонкая, в кронах деревьев. Потом разумная — на тренировочной площадке.

С того момента, как я перестал умирать от необходимости проснуться, эти минуты стали мне вдруг дороги.

И тут я увидел, что кое-какая разумная жизнь уже проснулась.

Это был Ян. Он сидел на изогнутом стволе липы, росшей поблизости от моего жилища, и жевал вчерашний пирожок с капустой.

Под его пристальным взглядом я остановился.

Ян смерил меня хмурым взглядом с головы до ног, почесал небритую щеку и многозначительно протянул:

— М-даа... Красавец!

Я не знал, что ему ответить. Потому что мы с Та'ки не обсуждали, можно ли с кем-нибудь делиться причиной моего идиотского вида. И если языкатых учеников я мог просто послать нахрен, то с Яном дела обстояли иначе.

И не только потому что он был магистром. Просто мне было не все равно, что он обо мне думает.

Но и лишиться тренировок я не мог себе позволить. Поэтому просто стоял и молча смотрел на свои босые ноги.

— Ну, пошли, чтоль, — со вздохом сказал Ян, запихивая в рот остаток пирожка.

— Куда? — опасливо спросил я.

— Куда-куда... К твоему репоносному божеству, конечно! Слово-то какое некрасивое получилось... Или ты думал, я не догадаюсь, откуда ветер дует?

— Ян, не надо!.. — попытался я протестовать. — Он не при чем, я сам!..

— Сам придумал репу на себе носить, как деревенский дурачок? Ну-ну. Та'ки, мать твою! — гаркнул он на всю округу, направляясь в сторону лужайки. — А ну иди сюда, тварь зеленая! Эй! Ты где?

Кусты у дороги зашевелились, хрустнули сломанными ветками, и я услышал хмельной голос, уже ставший родным.

— А вот в былые времена... богов призывали не так... — пятнистая морда Та'ки показалась из зелени. — Раньше была культу-уура! — его язык отчаянно заплетался. — Алтари там... подношения... девушки голые... красивые...

— Я тебе щас так поднесу — мало не покажется, — нахмурился Ян.

— Ян, меня все устраивает! — попытался я встрять в разговор, и тут же получил

затрещину.

— Умолкни и ресницами хлопай, пока старшие разговоры ведут! — прищипнул он на меня и снова повернулся к панде.

— Ты чего над парнем глумиться вздумал? А? Вся школа теперь над ним потешается — шута нашли!

Та'ки вдруг захохотал. Неловко перекатившись через плечо, он вывалил из кустов и развалился на спине, как диковинная мохнатая звезда.

— Это я-то?.. — переспросил медведь, ухахатываясь. — Я вздумал издеваться?..

Он закатился беззвучным хохотом, трепыхаясь всем своим зыбким телом.

— Хорош ржать! — разозлился Ян.

— А я и не ржу. Ржут эти... Как их... Пони.

— Кони, — на автомате пробормотал я.

— Во! — кивнул Та'ки. — И эти тоже. А я — панда!

— Ты — пакостный весельчак, — процедил сквозь зубы Ян. — Себя повеселил, другим напакостил!

— Агга! Еще как напакостил! — медведь утробно рыгнул и приподнял голову. — Это же я взял в школу уникального парня и посадил его картошку чистить.

— Чего?! — уже по-настоящему разозлился Ян. — Какого еще уникального? Ты совсем страх потерял, скотина? Забыл, с кем разговариваешь?!

Тут у меня слегка приоткрылся рот.

Такого напора от смертного человека на почитаемую божественную сущность я, конечно, не ожидал. Но еще меньше я ожидал, что магия Януса вдруг закружится над ним, как дым над костром. Одна половина его лица вдруг высветлилась, будто под лучом прожектора, а другая потемнела, стала землисто-серой и мрачной. А над его головой высоко вверх полыхнуло черно-белое пламя.

Та'ки приподнялся и уселся задницей на траву. Медвежья оболочка стала прозрачной, и я увидел внутри нее своего наставника в человеческом облике.

— Посмотри на шею Даниила, Ян, — внезапно трезвым голосом проговорил он. — Каждый день я надевал на него по одной репе. А теперь пересчитай их и ответь на вопрос, сколько же тебе потребовалось времени, чтобы узнать о том, над чем потешалась вся школа? Твоя школа, Ян! Твои ученики! Впрочем, ты так нечасто выходишь с ними на тренировочную площадку, что в некотором смысле удивительно, что ты вообще в курсе, над чем они там потешаются в этом году. Или я недооцениваю осведомленность кабака?.. — прищурился он.

— Ты совсем ужрался? — угрожающе прохрипел Ян. — Прибыю нахрен, чтоб мораль не читал!..

Он взмахнул рукой, и из его ладони вытянулась длинная широкая лента — черная, точно сделанная из абсолютного мрака. Лента ударила в землю у ног моего наставника, вырывая куски дерна и опаливая траву.

— Убьешь бога-покровителя накануне приезда трибунала? — невозмутимо пожал плечами Та'ки. — Ты же понимаешь, что граф просто так нам труп своего адъютанта не спустит?

— Не делай из меня идиота!

— Тогда посмотри на парня, Ян. Посмотри на его магическое зерно. И это всего три недели расслабленных занятий.

— Чего?.. — вырвалось у меня.

Расслабленных занятий? Да я чуть не помер от такой нагрузки, слышь ты, божественная панда!

— Очнись, Янус! Этот человек попал сюда случайно, во время ритуала привнесения новой крови и новой жизни из другого мира. Ты говорил, что он нечаянно выжил при встрече с Арахной, волей случая встретился с тобой и очутился на арене. А потом он встал между мной и копьем, Ян. И в этот миг я убедился, что не ошибся в тот день, когда в первый раз взглянул на него. Потому что его источник внезапно стал ярче и больше. Посмотри же внимательней, Янус! Сама судьба привела к твоим дверям истинного грифа!

Янус будто застыл. Двухцветное пламя угасло, и он снова стал обычным человеком — по крайней мере, с виду.

Добрую минуту они оба буравили меня взглядами.

— Слушайте, вы на мне дыру прожжете!.. — проговорил я, чувствуя безумную неловкость от всего происходящего.

— Ладно, — проговорил, наконец Ян, обращаясь к Та'ки, который тоже стал обычным, насколько вообще может быть обычной зеленая панда. — Ладно, посмотрим. Не думаю, конечно, что ты прав, но... Зерно и правда стало чуть больше.

— Какое зерно?.. — переспросил я с такой надеждой в голосе, что самому было противно слышать. — Магическое? У меня что, стало больше магии? Да? И что такое «истинный гриф»?

Ян усмехнулся.

— Ничего пока не понятно, так что не радуйся раньше времени. Да и радоваться там... такое себе. Но в любом случае, с сегодняшнего дня ты ученик-послушник. Я забираю тебя из кухни.

— Нет, — выпалил я, даже не успев толком взвесить все «за» и «против». Мне просто стало обидно, что один разговор с Та'ки вдруг решил мою задачу абсолютно без моего участия. Черт подери, я что, зря бегал с этим вонючим горохом наперевес?!

— Я не согласен! — выдохнул я, чувствуя, как руки непроизвольно сжимаются в кулаки. — Ты сказал, только когда я смогу уклониться от твоего удара!..

— Совсем дурак, чтоль? — уставился на меня медведь, вытаращив воспаленные розоватые белки.

А Ян вдруг рассмеялся.

— Ну, во-первых не от удара, а от пущенной в лоб монеты — это, понимаешь, разные вещи.

— А мне — без разницы, — проговорил я, чувствуя, как моя обида начинает расти и клокотать, вскипая в жилах. — Мне правда очень важно получить звание ученика. Но дашь ты мне его не потому что белые рояли подвезли, а потому что я это заслужил!..

— ... А во-вторых, — перебил меня Ян. — Я собирался забрать тебя не потому что медведь об этом попросил, а потому что увидел результат твоего труда.

Я моргнул.

— Правда?.. То есть... Я как бы заслужил?..

— Ну, теперь-то это уже никакого значения не имеет, — с недобрим прищуром проговорил Ян. — Раз ты захотел с монетой — будет тебе с монетой. Сегодня вечером, когда закончишь работу. Посмотрим, чему тебя зеленый научил. Ну, бывай!

Усмехнувшись, он сунул руки глубоко в карманы и, размашисто раскачиваясь из

стороны в сторону, как только что сошедший на берег моряк, направился к крыльцу главного корпуса.

— Вот ты дураааак, — протянул Та'ки.

— Это да, — мрачно отозвался я. — Сам не знаю, чего на меня нашло. Прямо будто кто за язык дергал.

— Дурость на тебя наша... Несусветная. Ладно, ты это... Гирлянду-то корнеплодную снимай? — сказал он, покосившись на первых посетителей тренировочной площадки, показавшихся со стороны жилого корпуса.

Я потянулся было к веревке с репой, висевшей у меня на шее...

И тут меня осенило.

Ну нет, второй раз подряд я глупостей делать не стану!

— Не-а, — сказал я, отступая. — Мы как договаривались? Если я перестану носить репу — ты больше не придешь меня тренировать. Стало быть, до тех пор, пока я эту репу ношу, ты будешь продолжать тренировки согласно обещанию...

Та'ки сделал неожиданный рывок вперед, но я, придерживая веревку на шее, изо всех сил рванулся в сторону, уворачиваясь от пьяных медвежьих лап.

— Не-не-не, мне слишком нравится с тобой заниматься! — выкрикнул я. — И я готов носить репу, тыкву и даже яблоко в зубах, если потребуется — но от меня ты так просто не отделаешься!

Медведь выпрямил спину, норовя поймать меня вторым броском. Я метнулся в сторону, пригибаясь пониже — так, как он сам меня учил, сгибая колени и нещадно наклоняя корпус, будто подныривая под натянутым канатом.

— Смертный... мальчишка!.. — протянул Та'ки, пошатываясь, и по его интонации я не мог понять, досадует он, насмехается или доволен моими успехами.

А к нам спешили зеваки. Еще бы, не каждый день увидишь, как зеленая панда ловит овощного чувака!

— Пользуешься тем, что я пьян? — со смехом в голосе сказал Та'ки. — Как не стыдно...

— Не стыдно, — прищурился я. — И потом, ты ведь можешь и протрезветь на раз, если вдруг захочешь.

— Так если я по-трезвому на тебя рукой махну, тебя ж в землю по макушку вкрутит, — отозвался Та'ки.

— Маши, если хочешь, — сказал я. — Только я все-равно рискну. За такое стоит рисковать, знаешь ли!..

Не обращая внимания на собравшихся рядом с лужайкой изумленных учеников, мы препирались и продолжали играть в ну-ка догони, как дети.

А те смотрели на нас во все глаза и перешептывались.

— Да не хочу я больше тебя тренировать! И вообще, я свое дело сделал... Где благодарность, человек? — с пьяным смехом крикнул мне Та'ки.

— Увы — мир несправедлив. И моя безграничная благодарность ни хрена не влияет на мое неудержимое желание продолжать тренировки! — парировал я.

— Ты — не человек! — пьяно рассмеялся Та'ки, повалившись на спину. — Ты — бараносвин. Упертый и бес... бес...

Он вдруг повернулся на бок и звучно срыгнул пенистой зеленой массой.

— ...бессовестный... — закончил реплику Та'ки.

В воздухе приятно запахло свежескошенной травой и полынной горечью, но девушки и

числа учеников все равно схватились за носы и поотворачивали головы.

Я кивнул.

— Знаю, об этом мне с самого детства говорят.

— Ладно, хрен с тобой. Потерплю тебя еще немного... — вздохнул мой наставник.

Я просиял.

— Но фигню эту все равно сними, — покосился на меня Та'ки. — По-честному... Завязывай. И это... — он понизил голос. — До кустов меня доведи... Чето я пережрал ночью.

— Ладно, — кивнул я.

Стащив репу, я с удовольствием покрутил освободившейся головой. Как же все-таки хорошо без лишнего веса на шее! Потом подмигнул красивой темноволосой девице, у которой кожаная амуниция чуть не лопалась на богатой, сдобной груди, помог подняться своему наставнику и почтительно сопровождал его в кусты проблеваться.

Довольно насвистывая, я двинулся на кухню — тренироваться у всех на глазах после всего случившегося было как-то недостаточно эпично. Да и со временем уже как-то не складывалось.

А когда я уже собирался взбежать по ступенькам, кто-то окликнул меня.

— Эй, погоди минуту!..

Обернувшись, я увидел нашего аристократа — того самого, чей папаша присылал в школу свое посольство, рассчитывая вернуть в лоно семьи непутевого сына.

— Ну?

— А это правда, что тебя тренирует местный бог-покровитель?

— Тебе-то какая разница? — строго прищкнула на него возникшая будто из ниоткуда Майя, воткнув тонкие ручки себе в бока.

В темной кожаной одежде, обтекавшей каждый изгиб ее стройного длинноногого тела, она показалась мне ослепительной. — У тебя свой наставник есть, и этот наставник — я, и сейчас я говорю тебе: а ну-ка бегом на тренировочную площадку! Разминка и медитация — вот что тебя сейчас должно занимать!

Аристократ, вздохнув, кивнул и поплелся по направлению к площадке, бросив на меня напоследок тоскливый взгляд.

А Майя с лукавой улыбкой вдруг взяла меня под руку и со стороны будто бы невинно придвинулась ко мне, но на самом деле она ко мне прильнула так, что у меня внутри аж вскипело.

— Милый Даниил, скажи мне — как же тебе это удалось?..

— Что именно? — внезапно осипшим голосом спросил я.

Она волнуяще рассмеялась, демонстрируя жемчужные зубки в сладкой манящей улыбке.

— Как тебе удалось уговорить Та'ки отнестись к тебе серьезно? Я упрашивала его целых два года — с того самого дня, как однажды Ян по пьяни проговорился, что наш бог-покровитель владеет особыми секретными техниками ведения боя. Но он только облевал меня пару раз, один раз облапал и один раз послал. Во всех остальных случаях он просто закрывал глаза и демонстративно вырубался...

Ее голос становился тише и вкрадчивей, и я понял, что уже не разбираю ни слова. Единственное, что я сейчас слышал — это собственный пульс во всех местах.

После трех недель абсолютного отруба мое тело вдруг вспомнило, что оно еще очень

молодо и вполне себе живо!

И эта засранка, кажется, прекрасно все понимала. И рассчитывала, что поманит меня, как голодного пса, своим аппетитным набором из грудок и бедрышек, и я весь растекусь ей под ноги, дожидаясь пинка. Я видел это в надменном снисходительном взгляде — она не заигрывала со мной, а одаривала меня своей милостью.

Ну погоди...

Быстрым взглядом оценив окружающую обстановку, я обхватил ее талию покрепче, резко развернул спиной к стене и в ответку многозначительно вжался в ее упругое тело.

От такой наглости улыбка с ее лица упорхнула, глаза распахнулись.

— Хочешь рассказов — заглядывай ко мне после полуночи, — проговорил я ей на ухо. — Поверь, я умею очень захватывающе рассказывать.

Она попыталась что-то ответить, но от возмущения только схватила губами воздух.

— Да как ты... Как ты смеешь так обращаться со мной! — выдохнула она наконец. — Убери руки, немедленно!

— Ладно, как скажешь, — усмехнулся я и отпустил девушку. — Убрал и не претендую. А ты думала, что запросто подкупишь меня запахом папшета без папшета? Смешная ты.

Я стукнул ее по носу пальцем, как маленькую, и взбежал по ступенькам наверх.

— Кстати, если бы ты просто ко мне подошла без всех этих закидонов, шансов на откровенную беседу у тебя было бы куда больше, — добавил я, обернувшись перед дверью.

А переступив порог, я буквально наткнулся на хмурую и злющую Нику. Подсматривала, что ли?

— Доброе утро, — сказал я ей, уже привычно протянув руку к спрятанному в кудрях кошачьему ушку.

Ника отпрянула, фыркнула, и, высоко задрав голову, торжественно прошествовала в кухню.

Я опешил. Это что вообще такое было сейчас? Ревнует, что ли?...

Вот это дела пошли...

А ведь мне вообще-то сейчас вовсе не о девочках думать надо было. Вечером меня ожидало или досадное поражение, или первая победа.

Глава 15. Не все то золото, что блестит

Закончив работу, я шел на свой экзамен по антизолотушной пронируемости, как на смертный бой.

Сумерки уже загустели, но полная луна достаточно ярко освещала черный силуэт школы, деревьев и высокую зубчатую ограду. Ветра не было совсем, и летняя духота напоминала парную. Я аж вспотел, пока дошел до нашего тренировочного дерева — впрочем, не уверен, что главной причиной была духота.

Я действительно очень волновался. Вроде казалось бы — ну фигня же? В конце концов, Ян оставил мне еще две попытки, а значит я даже могу проиграть сегодня.

Но все внутри меня сжималось и холодело так, будто от сегодняшнего вечера зависела не больше не меньше, а вся моя жизнь.

Своих экзаменаторов я увидел издалека. Они растянулись на земле, окруженные тремя яркими масляными лампами. Между ними на траве белело полотенце, на котором лежал нарезанный хлеб, жареные кровяные колбаски, желтые кубики сыра в глиняной плошке, две кружки и целая корзина пивных бутылок. Прямо такой дружеский пикничок на моих

несчастливых костях! Только поп-корна не хватало.

— Приятного аппетита! — проворчал я с такой интонацией, будто пожелал им подавиться.

— А вот и наше молодое дарование подтянулось, — с насмешливой улыбкой проговорил Ян. — Пивка хлебнешь, дарование? Хорошее такое, холодненькое...

По голосу я понял, что магистр уже под градусом. Ну Та'ки — он всегда Та'ки. С ним и без голоса все ясно было.

— И вот не стыдно вам, а? — с укором сказал я, вставая в позу руки в боки и глядя в упор на всю эту посиделку. — Я ж по-серьезному, а вы!..

Ян в голос расхохотался.

— По-серьезному от монеты в лобешник уворачиваться? — сквозь смех спросил он, вытаскивая из кармана деревянную коробочку с Умкой. — Это сильно! Ну тогда присядь хоть, отдышись после трудов — и на ристалище!

— Ибо серьезность война определяется не хмуростью морды, — протянул Та'ки. — а чистотой помыслов, духовной мудростью и этим... как его...

— Намерением, — подсказал ему Ян.

Он наклонился низко к земле, разбирая траву. Потом ухватил что-то двумя пальцами и бросил в коробку своему карманному зверю.

— Точно, — кивнул медведь, длинным языком слизнув кусок сыра из плоски. — и чистотой намерения. Ну че, жрет?

— Жрет, родная, — с нежностью в голосе проговорил Ян. — А то я уж думал, что заболела.

— Всему живому свежий воздух нужен. А ты запер ее в в своей банке на столе — вот она и грустила.

— Да ну вас! — окончательно расстроился я.

Тут решалась моя дальнейшая судьба, а они вдвоем на полном серьезе обсуждали депрессию многоножки.

Стащив с себя влажную, прилипшую к спине рубаху, я присел рядом с Та'ки. И только тогда заметил, что за спиной у Яна лежит серый мешок, чем-то наполненный от силы на четверть.

— А это что? — спросил я, бросая рубаху в траву.

— Усложнение задачи, — ответил магистр, убирая Умку обратно в карман. — Считай, это мешок золотых.

— В смысле?

— Ну чего непонятного? Одну монету бросать в тебя — никакого веселья. Кучу монет бросать среди ночи в траву — идиотизм. Так что я взял картошку.

Я охренел.

— В смысле?..

Медведь повалился на спину и захохотал.

— В смысле носил ты репку, а обкидают тебя картошкой! — весело объяснил Ян. — Ну а поскольку мы договаривались на монету, а ты щепетилен к формулировкам, я на всякий случай написал вот это!

Тут магистр вытащил из бездонного кармана своих штанов мятый лист бумаги и протянул его мне. Развернув листок, я наклонился к одной из масляных ламп и прочитал вслух:

— Приказ Януса, великого магистра... Объявить золотом всю картошку на территории заднего двора школы... Сроком до полуночи сего дня... Это что такое?...

— Магия превращения картофеля в золото! — торжественно заявил Ян.

Тут уже рассмеялся я.

— Ну ты даешь!..

Ян вдруг стал серьезным. Он налил пива в свою кружку и протянул мне.

— Да на самом деле хрень это все, Даня. На, выпей, — сказал он с интонацией щедрого пьяницы, готового через «ты меня уважаешь» спойти всех вокруг. — Открою тебе маленький секрет: если я буду бросать всерьез — не важно, картошку или золото, — ты никогда в жизни не увернешься. Такие вот дела. Скажу больше — даже Та'ки, и тот не увернется...

Я перевел растерянный взгляд на своего наставника — панда утвердительно кивал словам Яна.

— Я просто подумал, ты легкий очень. И тебя скоро сдует...

— В смысле, что я легкомысленный? — переспросил я.

— Мы щас мою терминологию обсуждать будем, или ты проявишь уважение к своему магистру и заткнешься? — хмуро зыркнул на меня Ян. — Но ты, брат, — ты не легкий... ты просто чокнутый! — уже со смехом закончил магистр. — Бегать с горохом! Нет, он правда бегал с этим мешком?.. — обернулся он к Та'ки.

— Истинно, как репа! — подтвердил мой наставник.

— Очуметь... Короче, я, конечно, могу закидать тебя картошкой. Но закончится это все равно вот так.

Ян вытащил из кармана монету и плюхнул ее в траву возле моих ног.

— ... Потому что я так решил. Точка. Ты для меня куда любопытней, чем большинство местных персонажей с нашивкой птички на плече...

— Которых, между прочим, ты сам и расплодил здесь, — проговорил Та'ки. — Зачем-то...

— Что значит «зачем-то»? — фыркнул Ян. — Вообще-то на каждого ученика из казны полагаются выплаты. А кабак, знаешь ли, финансирования требует.

— Он убыточный, что ли? — удивился я. — А выглядит так прилично, и клиентов вроде немало!

— Еще б ты что-нибудь понимал в этом деле, — недовольно проворчал Ян. — Знаешь, какие я налоги плачу за него? А какие сейчас закупочные цены на приличную выпивку? А на свинину? Или сколько стоит шафран и кориандр? А тут еще то плесень в кладовке, то крысы в подполе, то вдруг пара диких лосей появляется прямо напротив входа в мое заведение и с дикими воплями начинает сношаться, распугивая посетителей! А все эта озабоченная сука Флора! Знаешь, как потом мой кабак называли? «Жареный лось!»

Я чуть не расхохотался в голос, но вовремя понял, что смеяться сейчас с моей стороны будет свинством. В конце концов, Ян рассказывал о наболевшем.

— Вот и пришлось сначала штраф городской управе выплатить — потому что поди докажи, что это не мои лоси были! А потом еще и цены понизить, чтобы людей опять приманить. И где в таких условиях прибыли взяться?

Я, чтобы спрятать свое покрасневшее лицо, поискал под ногами монету, вытащил вторую из кармана — ту самую, которой в лоб получил. И отдал обе Яну.

— Твои.

Тот кивнул, забрал деньги. Поднял голову вверх и глубоко вздохнул.

— Ладно... В конце лета проведу экзамен — и половины от всех этих оболтусов не останется. Вот тогда мы и покажем свое настоящее лицо и настоящую силу! Да, Та'ки?

— Да, командир, — вздохнул медведь. — Да будет так! Ибо печаль не безгранична, а бухло — скверный лекарь... Короче, завязывать пора, — неожиданно буднично закончил свою эскападу панда.

— Пора... — кивнул Ян.

И перевел взгляд на меня.

— А ты чего все еще здесь? Бери мешок и вали отсюда. Истинный гриф...

— Я сразу же свалю, как только вы мне объясните, то это значит.

— Что значит что, человек? — спросил Та'ки.

— «Истинный гриф»!

— А, это, — отозвался Ян, снова поднимая глаза к яркому лунному небу. — Истинный гриф — это парадокс, вызов всему, что современное человечество знает о магии и силе. Сейчас главное что? Магия. Есть магия — будет и сила. Через медитацию магическая энергия наполняет тело, делая его сильнее, крепче и тому подобное. А у истинного грифа — наоборот. Через терпение, волю и усиление тела он расширяет свой магический канал. В этом есть великий древний символ...

— Короче, это маг, у которого все через жопу, — подытожил Та'ки, заземляя пафос янусовских объяснений.

Я медленно выдохнул.

Сердце бешено заколотилось в груди. Захотелось подняться на ноги, чтобы стать немного выше к небу, задрать голову и долго вкусно материться, с каждым словом выплескивая из своей души радость.

Впервые в жизни я понял, почему русский человек может матом встречать рассвет. Нет, я не про тот случай, когда башка раскалывается в перепою или тело разваливается на составляющие из-за вчерашней попойки. Я про живой поток дионисийного, мать его, восторга, который просто не вмещается в узкие рамки обычных слов и который можно передать только сакральным табуированным кодом.

Потому что...

***!!!

Я *** действительно стану магом! ***! *****!!!

Пусть даже через жопу!..

Значит, у меня все может быть хорошо. Все будет хорошо!

— А теперь вали отсюда, — сказал Ян. — Правило номер пять — бери, что дают, и беги, пока не передумали.

— Номер шесть, — на автомате поправил я.

— Чего?.. — не понял тот.

— Это уже шестое правило. Пятое было про по, что нет такого дерьма, из которого нельзя было бы выбраться.

Ян удивленно приподнял брови.

— Ты записываешь за мной, что ли?

— Нет, просто память хорошая.

Янус хмыкнул.

— Хорошая память — это похвально. А вот магистра поправлять — такое себе. Все понятно? А теперь давай отсюда, нам с медведем вдвоем поговорить нужно.

Я поднялся с травы, подхватил мешок — и с удивлением обнаружил, что он подозрительно легкий для картошки.

Заглянув внутрь, я увидел комплект ученической одежды — новенький, остро пахнущий кожей.

Я охнул. Хотел было что-то сказать в благодарность, но тут Ян нетерпеливо махнул на меня рукой:

— Давай, давай уже! Завтра явишься на тренировку вместе со всеми, как положено.

И я гордым сайгаком помчал домой, утаскивая с собой в мешке новенькую амуницию.

Дома я рухнул на лавку, не раздеваясь, крепко обнял подушку и тут же отрубился.

Мне снилось, как я стою на вершине горы. В руках — меч, за спиной — плещущий на ветру рыцарский плащ. А рядом со мной по обе руки стояли Ян и Та'ки, все такие из себя мрачные и величественные. И Ян такой кладет руку мне на плечо и говорит: «Твой час настал. Судьба всего мира в твоих руках. Иди же, и да пребудет с тобой сила!»

А мой зеленый наставник, внезапно уменьшившись в размерах, проговорил: «Победа твоя радость всем принесет!»

В воздухе вдруг запахло гарью, и я решительно шагнул вперед — хрен его знает, куда я решил уйти с вершины горы, но мой сонный аватар явно знал, что делал. Он, то есть я, вскинул меч и с громким воплем подхватился на измятой постели.

— Твою мать, — проговорил я, вытирая ладонью лоб. — Приснится же!..

И тут я понял, что в комнате непривычно светло.

Обернувшись на часы, я аж проорался.

Девять пятнадцать.

Девять сраных часов и целых пятнадцать сраных минут!!! А часы издевательски помахивали маятником, и я только сейчас увидел, как сильно его конфигурация напоминает руку с торчащим средним пальцем — символом того сакрального места, где я потерял все свои вчерашние бонусы.

Вскочив с лавки, я наскоро натянул на себя штаны и светлую куртку с нашивкой и, расчесывая на ходу патлатые волосы пятерней, ломанулся на выход.

Да, Даня.

Просирать все на свете ты умеешь виртуозно. Лучше, блин, чем Ванесса Мэй умеет на скрипке пилить.

Спаситель мира, нахрен.

Выбежав из своего жилища, я едва не наступил на местного Йоду, бухого в стельку. Он валялся прямо на тропе, раскинув зеленые лапы и громко, с присвистом, похрапывая.

Судя по всему, вчерашний разговор с Яном у них удался на славу.

Я бросился бегом к тренировочной площадке, и подоспел аккурат к возгласу: «... утренняя тренировка закончена!»

Ученики в ответ радостно гаркнули «ура» и засуетились, спеша к завтраку.

Я принялся энергично вращать головой, пытаюсь высмотреть кого-нибудь их первогодок, но никого из той троицы на площадке не было видно.

— Эй, а ты кто? — на полном серьезе спросил меня тот самый старший воин, который три недели назад отправлял нас вместе с моим ведром на задний двор.

По его озадаченному взгляду я понял: он и правда видит меня будто бы в первый раз. Может, у старших встроена какая-то особая функция, позволяющая не тратить оперативную память на распознавание лиц без опознавательных знаков ученика?

— Я это... Первогодка, — нашелся я. — Своих найти не могу...

— А что ж так рано пришел? Надо было тогда уж прямо к ужину, тогда бы точно не разминулись, — ядовито заметил он.

— Знаю, виноват, — проговорил я. — Проспал я...

— Видать, проспал ты не только сегодня, — рассмеялся старший. — Но и в тот день, когда тебе объясняли график занятий. В общем, первачи на территории школы магической медитацией никогда не занимаются. Нам, понимаешь, здесь каждое строение дорого, а у вашего брата то пожар полыхнет, то земля затрясется. Так что беги на конюшню, бери лошадь и поезжай от школы на восток — увидишь, там тропа натопанная будет. Она приведет тебя к площадке. Ох и влетит же тебе от подмастерья Майи! — хмыкнул он, явно наслаждаясь моим позором.

Майя?.. Длинноногая красотка, которую я вчера всем своим прикладом, добром и имуществом в стену вжимал? Она-то тут при чем?..

И тут меня осенило.

Я вспомнил, как Ян заявил ей в лоб, что раз она без спросу притащила с арены новичков, то и заниматься с ними будет сама.

Так что, получается, моим официальным наставником теперь действительно была Майя.

И когда я себе все это в полной мере представил, с моего языка невольно сорвался вздох.

— Вот я попал!..

— Это да, парень! — весело рассмеялся старший. Он не знал даже половины моих сложностей в сложившейся ситуации, но даже того, что он знал, с лихвой хватало на бурную злорадную радость.

Я поспешил к конюшне. Наскоро оседлав первого попавшегося коня из числа тех, что не стали при виде меня многозначительно поворачиваться задом, я помчал к воротам.

Тропинку я нашел без труда. Свернув на нее, поддал коняге под бока и мы погнали в гору.

Солнце уже во всю начинало припекать мне макушку, трава вокруг звенела и трещала множеством голосов.

Взлетев галопом на высокий холм, я увидел резкий спуск, плотную поросль берез и ниже — большую тренировочную площадку, обнесенную низенькими деревянными столбиками. С одной стороны площадки валялись набитые соломой мешки, целые и разрубленные тыквы размером с голову и сломанные копья. С другой стороны аккуратно в ряд стояли деревянные тренажеры с крючками для навешивания мешков и держателями для мишеней. Рядом с ними белый парень с феньками на руках отрабатывал в паре с девушкой какой-то удар мечом. Причем мечи у них были не деревянные, не тренировочные и не боевые, а какие-то издевательские — короткие, но жутко массивные. И, судя по всему, одуренно тяжелые, потому что с них обоих пот лил ручьями, мокрые волосы налипли на лбы, а лица под этими волосами своим цветом напоминали вареных раков.

Аристократ в тренировке на мечах не участвовал. Он сидел на земле, подобрав под себя ноги, и над ним черным латексным коршуном нависала Майя в своем облегающем кожаном костюме. Что уж она там ему выговаривала, я слышать не мог, но вид у парня был печальный.

И тут из березовых зарослей раздалось долгое, нежное ржание — это транспорт моих

новоиспеченных однокашников сигналил вновь прибывшему, куда парковаться надо.

Мой конь взволнованно раздул ноздри, грудь завибрировала глубоким, низким ржанием в ответ, и опьяненный радостью встречи он вдруг ломанулся вперед, будто ему кто-то сзади хлыстом поддал.

Земля ушла у меня из-под ног, конь — из-под задницы. Он рванулся вниз под таким углом, налегая на поводья всем своим весом, что я чуть не вылетел через его голову прямо под копыта.

Я, конечно, очень неплохо ездил верхом. Но в манеже, или по ровному полю, а не галопом с обрыва!

Я отпрянул, отклоняясь назад настолько, насколько мог, чтобы остаться в вертикальном положении. Колени мои судорожно схватились за бока коня, стопы уперлись в стремяна...

Короче, я все сделал плохо.

Толчки конской спины чуть не выбили меня из седла, и я судорожно схватился обеими руками коню за гриву, теряя поводья, как последний дурак.

— Сто-оооой, тварь! — проорал я, но мой рысак к тому моменту уже заканчивал спуск.

Я сумел! Я усидел на очумевшем коне на спуске, даже без поводьев! Ну разве я не молодец?

Но тут четвероногая сволочь, не сбавляя ходу, ринулась в березовые заросли.

— Да ма-ать твою!..

Ветки захлестали меня по лицу, я пригнулся, пытаюсь спасти глаза, и непроизвольно отставил правую руку в сторону, чтобы отвести листву...

В общем, если вдруг кто не знает — нехрен в плотном перелеске на скаку руки в стороны расставлять.

Я даже не понял, как это случилось, что моя рука обняла возникший прямо перед ней ствол, и я так и остался на березе, в то время как ушастая тварь умчала дальше — уже без меня.

Сквозь звон в ушах я услышал довольное ржание и фырканье. В глазах закружили яркие вспышки. А рука моя все еще обнимала березовый ствол...

Ну что, Даня.

С прибытием.

Глава 16. Трое в лодке, не считая девчонки

— Эй, ты там долго еще лежать собрался? — сквозь звон донесся до моего слуха голос Майи. — Тащись сюда, раз уж все-таки пришел.

Я разогнул руку, выпуская ствол. Тряхнул головой — черт, слишком сильно! И поднялся на ноги.

В плече стреляло, щека оказалась ободранной. Красота!

— А что, этот подберезовик вместе с нами заниматься будет? — услышал я удивленный вопрос белого.

— Увы, Бернард, с сегодняшнего дня он такой же первогодка, как и все вы, — ворчливо сообщила Майя. — Сама удивилась, когда сегодня узнала. Но решение магистра — закон, ничего не поделаешь. И не отвлекаемся! Камилла, хватит пытаться вытащить удар только за счет физической силы. Это не сработает. Такими темпами у тебя скоро руки повиснут, и ты этот меч даже поднять не сможешь.

Майя подошла к девушке.

Я наострил уши, пытаюсь из ее наставлений другому ученику выщедить пользу и для себя.

— Почему избегаешь использовать магию?

— Я стараюсь, — виновато проговорила девушка.

— Почему тогда я этого не вижу? — сердито нахмурилась Майя. — У тебя задача на уровне адепта. У нас конюхи используют этот навык, чтобы усилить руки и вычистить навоз быстрее. А ты вроде как воином стать собралась, азы демиургики на арене демонстрировала, даже конструктор создала. Куда все делось-то?

— Наверное, потому что после вчерашнего мне боязно переборщить, — еще тише ответила Камилла.

— И что такого случилось вчера? — строго спросила Майя. — Подумаешь, немного не рассчитала. Все же остались живы и здоровы, так чего тут бояться?

Выхватив меч из руки девушки, Майя с легкостью крутанула его кистью. Потом еще раз, уже быстрее.

— Смотри внимательно, — сказала она, покосившись на меня. — Вот так я просто уменьшаю его вес. А теперь смотри, я буду использовать инспиральное усиление...

Меч задвигался быстрее, со свистом рассекая воздух. Его очертания начали размываться, превращаясь в серое облако, а потом это облако начало медленно светиться, а меч отделился от направляющей его руки и продолжал движения в воздухе, будто Майя управляла им, держась за невидимую часть.

— Видишь? Я работаю с магией, я могу дозировать ее, как мне надо. И ты должна этому научиться! Берн, тебя тоже касается, — повернулась она к белому.

Меч замер в ее руке, прекратив свой танец.

— ... Я вижу, у тебя получается облегчать вес меча, но ты при этом напрягаешься так, что устаешь в два раза больше, чем если бы махал им, как есть. Это неправильно. Идите к тренажерам, повесьте себе чучела и отработайте удары на них. А потом снова встанете в спарринг. Используйте перенос смелее, не зажимайтесь!

Она отдала Камилле меч, и девушка со своим напарником устало двинулись к куче всякоостей за соломенными мешками, поглядывая на меня через плечо.

Майя повернулась ко мне.

— Ну а что делать с тобой, я даже не знаю, — насмешливо протянула она, вскинув голову, как норовистая лошадь. — Фраза «займись инспираторикой» в твой адрес звучит как издевка.

Я усмехнулся.

— Ничего, я привык.

Ее глаза сузились, как у злоющей кошки.

— Иди, садись на землю и пытайся вон вместе с графычем свой магический источник узреть, — проговорила она.

— Понял, — сказал я и уселся рядом с нашим аристократом, копируя его позу.

И, вздохнув, добавил:

— Слушай, я хочу извиниться за опоздание. Прости. Больше я ничего не пропущу, обещаю, — искренне извинился я.

Майя фыркнула.

— Да ты и так в общем-то ничего не пропустил. По крайней мере, ничего для себя полезного, — заявила она и, заложив руки за спину, как надсмотрщик, двинулась к Камилле

и Бернарду, которые закрепляли на тренажерах соломенные мешки.

Пока она там что-то объясняла нашим отличникам, я чуть наклонился к «графычу» и тихо спросил:

— А чего делать-то надо?

— Войти в храм своей души, отыскать сокровищницу магии, открыть в нее дверь и вызвать наружу несравненное сияние дарованной силы, — ответил он.

Мои брови сами по себе поползли на лоб.

— Чего-чего?..

Графыч не удержался от улыбки.

— И не спрашивай. Как сказали, так я тебе и передал. Дословно.

— Что там за беседы у вас? Заняться нечем? — прикрикнула на нас Майя.

Мы сделали серьезные лица и умолкли, как нашкодившие школьники.

Берн и Камилла начали отрабатывать удары на чучелах. Когда Майя снова отвлеклась на них, я снова тихо спросил:

— И давно ты свою сокровищницу ищешь?..

— Пятнадцатый день, — вздохнул графыч.

— Весь зад, наверное, себе отсидел?

— И не только, — пробормотал тот.

Я фыркнул, сдерживая смех. Зыркнул на Майю. Но та была слишком увлечена обучением инспирационной технике, чтобы это не значило. Выражалось это в раздраженных покрякиваниях на Берна и Камиллу:

— Сильнее бьем! Больше энергии в руки, меньше физических усилий! И еще раз!..

Педагог от бога, итить.

И методология чудная, эффективная.

— Слушай, а в чем разница между инспираторикой и демиургикой? — вполголоса спросил я у аристократа.

Тот с трудом сдержал приступ смеха.

— Ты издеваешься, или правда не знаешь? — спросил он, глядя на меня, как на единорога, причем двухголового.

— Давай мы как будто уже посмеялись на эту тему, и теперь пришло время все-таки ответить на вопрос, — пробормотал я.

— Уровень инспиратора подразумевает навык использования энергии магического источника внутри физического тела, совершенствуя его возможности, — пояснил аристократ. — Уровень демиурга открывает возможность оказывать влияние на внешний мир, создавать явления и предметы с помощью конструкторов и все такое. Есть еще такое понятие, как теургика, ею владеют в основном жрецы. Это когда человеческое тело становится проводником божественной силы, и для создания явлений и предметов...

— Вам двоим что, заняться нечем? — прикрикнула на нас Майя, и мы оба умолкли, уставившись в точку прямо перед собой.

Как он там сказал? «Войти в храм души» и отыскать там «скоровищницу магии»?

М-да, Майе бы женские романы писать, с такими-то метафорами. Только разве что нефритового жезла не хватает.

Я закрыл глаза и попытался найти в себе хоть что-нибудь эдакое, но нашел только саднящее чувство голода.

Я ведь так и не перекусил сегодня с утра.

— А тебя как звать-то? — спросил меня вдруг аристократ.

— Даниил, — ответил я, открывая глаза.

В моем животе тоскливо заскулил и заворчал голодный желудок.

— А я, к сожалению, Эрик, — шепотом сказал мне графыч.

— Почему к сожалению? — спросил я, с трудом удержавшись от смеха.

— Потому что разве кто-нибудь в здравом уме захочет так зваться?

Я озадаченно пожал плечами. Как по мне, Эрик так Эрик. Для меня оно звучало немного похоже на Алик или Эдик, но что с того?

— А чего такого-то? Имя как имя.

— Ты что, анекдотов про короля Эрика никогда не слышал? — удивился тот.

— Нет, но теперь ты непременно должен мне их рассказать, — отозвался я.

И тут мне в лицо ударил холод.

Хрусткая изморозь с ледяным скрипом разбежалась в стороны от тренировочных манекенов. Берн взревел, как от боли. Меч в руках Камиллы стал мутным от инея и покрылся блестящими сосульками, а над головой у девушки в голубоватом сиянии закружился маленький смерч из снежинок.

Мы с Эриком разом вскочили на ноги и рванулись подальше от расползающегося ледяного пятна.

Майя взмахнула руками в стороны, точно в каждой из них было по кнуту, и Камилла с Берном разлетелись в разные стороны площадки. Меч, вывалившись из руки девушки, с неожиданным звоном ударился о замороженную траву.

Шлепнувшись на землю, белый неловко приложился спиной об столбик. Со стоном выругавшись, он сдернул с ног сапоги и принялся растирать посиневшие стопы.

— Дура! — проорал он на Камиллу.

— Прости, я не хотела! — воскликнула девушка, сгорбившись под своим столбиком. — Не хотела... Я старалась, честно!

— Да ты чуть ноги мне не отморозила!

Белые снежинки, только что кружившие перед тренажером, медленно опустились на землю.

— А ну успокоились оба! — заявила Майя.

Она двинулась со своего места, и только сейчас я заметил, что лед не тронул земли под ее ногами. Ледяная трава жалобно заскрипела и захрустела под подошвами мягких сапожек.

— Значит так, вы трое пока позанимайтесь здесь, как умеете, — покосилась она на нас с Эриком. — А я отвезу Камиллу в колодец Гарута.

— Что?.. — испугалась девушка. — Но я же не хотела, правда! Ты же сама сказала — сильнее, больше!

— Колодец — это не наказание, глупая, — снисходительно объяснила Майя своей подопечной. — Наоборот, я хочу тебе помочь. Твой главный враг сейчас — это твой страх, понимаешь? А колодец Гарута — это специальный тренажер, где пол и стены зачарованы таким образом, что вся энергия, выплеснувшаяся наружу, тут же ими поглощается. Там ты можешь не опасаться убить кого-нибудь или убиться самой.

— А сразу нельзя было этого сделать? — проворчал Берн, все еще растирая свои ноги.

— Тебя не спросила! — огрызнулась на него Майя. — Вас вон сколько у школы, а колодец Гарута — всего один! Камилла, заканчивай хныкать. Поехали. И Берн, постарайся в мое отсутствие не убить этих двоих... искателей сокровищ.

Тут наша наставница бросила взгляд на меня, горделиво тряхнула светлыми волосами и направилась к лошадям.

И хотя я был тем учеником, которому для тренировок совершенно точно не нужен колодец, поглощающий слишком сильную магию, в груди у меня зашевелился неприятный червячок зависти и обиды.

И, судя по долгому взгляду Берна, устремленному в спины всадникам, не только у меня. — Женская солидарность, — вздохнул я.

— Ты даже не представляешь, насколько, — проговорил белый, засовывая ноги обратно в сапоги. — Если бы я такое во второй раз учудил, она бы меня живьем в землю закопала. А девке все можно! Даже отдельный тренировочный колодец.

— Меня, кстати, Даниил зовут, — представился я белому.

Тот кивнул. Мол, принято. Встал, подобрал свой меч, валявшийся в стороне, и направился к тренажерам.

Под палящим солнцем лед уже стал прозрачным, и вся площадка, зачарованная Камиллой, теперь казалась сделанной из цветного стекла.

Я хмыкнул. Как-то пренебрежительно все это выглядело. Но, с другой стороны, чуть раньше мы вроде нормально обменялись парой реплик, и потому я все-таки спросил:

— Слушай, Берн, а тебе-то как удалось найти в себе «сокровищницу магии»? У нас вот с Эриком проблемы с этим.

Белый фыркнул и обернулся на нас.

— Ну, с тобой-то все ясно. Твоя проблема у тебя на лбу написана, — заявил он, покачивая тяжеленным мечом в руке. — А вот почему наш Графыч застрял, как телега в болоте, я ума не приложу. Такие чудеса на арене показывал, я аж обзавидовался. И магия-то у него редкая, и сила большая — прямо готовый мастер меча! А на тренировке сдулся — и куда чего подевалось, он один только и знает...

Я видел, как Эрик стиснул челюсти, чтобы не ответить Берну что-нибудь резкое. Его руки непроизвольно сжались — маленькие, белые, холеные такие ручки с широкой отметиной на указательном пальце от кольца. Наверное, раньше здесь сиял какой-нибудь родовой перстень или печать.

А теперь какой-то левый парень грубиянит ему в лицо, а графский отпрыск, похоже, то ли не был обучен давать отпор на словах, то ли боялся это делать. В любом случае он молча сжимал кулаки и прятал взгляд, что было как-то странновато для паренька местной «золотой молодежи».

Тем временем Берн поднял меч, легко крутанул его в руке, словно оценивая вес. А потом демонстративно ударил с разворота по соломенному мешку.

Оранжевое пламя узким ореолом вдруг вспыхнуло вокруг обоюдоострого клинка. Мешок полыхнул, как спичка. Дерюга вся почернела, от соломы повалил едкий дым.

Берн с самодовольной ухмылкой обернулся к нам.

Да, по сравнению с ним мы оба, похоже, выглядели несколько убогонько, и мешок горел действительно красиво...

Вместе с большим деревянным тренажерным комплексом.

— Мешок снимай! — крикнул я, бросившись к секции, загоревшейся вместе с болтающимся на цепи мешком.

Берн недовольно повернулся ко мне — по всей видимости, он не сразу понял, в чем причина моего неуважительного отношения к его мешку.

А когда понял, охнул и, ругаясь на чем свет стоит, бросился на помощь ко мне.

— Отойди в сторону! — рывкнул он мне, замахиваясь мечом.

Я едва успел отскочить. Берн с размаху умело и ловко ударил по мешку, и целый фейерверк горящих искр посыпался в стороны, опаляя траву.

Но разрубить мешок или сорвать его с цепи у него не получилось — лезвие тренировочного меча было предусмотрительно незаточено.

Трогательная забота о безопасности учеников, если учесть, что они и без заточенного лезвия способны друг друга или заморозить насмерть, или сжечь к чертям собачьим.

— Дай сюда!

Я выхватил у Берна оружие, схватился за нижнюю часть тяжеленного лезвия и, как крючком, зацепил верх мешка и рванул на себя. Дерюга с треском оборвалась, и в траву вывалилась почерневшая и тлеющая солома. Пока Берн затапывал ее сапогами, на помощь подоспел Эрик с ведром воды.

Наконец, нам маленький пожар был побежден. От почерневшей перекладкины все еще тянулся едва заметный дымок, но это уже была агония.

— Ну вот и все, — сказал я, отступая назад. — Еще немного потлеет, конечно...

— Командирша будет в ярости, — мрачно проговорил Берн, глядя на обгоревший тренажер.

— Да не так уж все страшно, — подбодрил я его. — Не половину же площадки спалил. Думаю, они к этому готовы, не зря ведь первогодок не тренируют на территории школы.

Как ни в чем не бывало, я вернулся к тому месту, где Майя усаживала нас медитировать. Стащил с себя сапоги и устроился поудобней на траве, подобрав под себя ноги, как истинный японец.

Как там было сказано? Войти в храм своей души?

Интересно, какой такой храм у неверующего человека?

Хотя...

Не такой уж я теперь неверующий. Зеленая панда и женщина-арахна были для меня абсолютно реальны, так что, наверное, теперь по вероисповеданию я — язычник?..

Ладно, пусть так.

Попробую представить свою душу в виде святилища Арахны.

Закрыв глаза, я медленно выдохнул и попытался сосредоточиться на воображаемой картинке.

— Зря стараешься, — подал голос Берн. — Медитации у тебя все равно не получится.

Он подошел ко мне и, вытерев рукавом разгоряченный и почему-то испачканный в сажу лоб, сел рядом и продолжил:

— Нельзя найти черную курицу в темном сарае, особенно если из нее еще вчера суп сварили. Я источник-то в тебе едва различаю — какая уж там сокровищница?

Я разозлился.

— И что мне теперь, пойти утопиться с горя? Все ученики медитируют. Я — ученик. Следовательно, я тоже могу медитировать.

Берн пожал плечами.

— Ученик-то ты, конечно, ученик... — протянул он, шурясь в яркое летнее небо. — Вот только я никак не пойму, каким таким образом ты вдруг из кухни на тренировочную площадку попал? Это магистр так над тобой глумится, или над нами издевается?

Я медленно повернулся к нему.

— Тебе места на площадке не хватает, или я тебе солнце загораживаю?

Берн фыркнул.

— Слушай, я в целом против тебя ничего не имею. Но смотри, какая картина получается. Вот у нас Графыч, скажем. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять — там источник размером с Торский водопад. И пусть у него чего-то там не получается пока...

— Да вообще ничего не получается, — тихо проговорил Эрик.

— Да начхать! — зыркнул на него Берн. — Получится рано или поздно. Камилла тоже хоть и дура, но девка талантливая. Я — пиромант, так что вообще из высшей лиги. А ты — местный юродивый с веревкой репок на шее. Обрезок. Так какого хрена ты — такой же ученик, как и все мы? Что с тобой не так?

В первое мгновение мне захотелось просто дать ему в морду.

Но — нафиг. Я и так уже напортачил с опозданием, хватит себе карму портить. Тем более, что она у меня и так не ягодная.

— Если ты не доволен решением школы, можешь пойти к магистру Янусу и поделиться с ним своими соображениями, — сказал я, стараясь дышать ровнее и глубже. — Если, конечно, тебе острых ощущений не хватает. До меня-то ты чего докопался?

— Я вообще-то тебе вопрос задал, — с затаенной злостью не сказал, а прямо таки выплюнул мне в лицо Берн.

— И в честь этого события я непременно отмечу красным сегодняшней день в своем календаре, — так же злобно ответил я. — Но позже. А сейчас я буду искать свою сваренную в супе черную курицу.

Берн презрительно фыркнул.

— Вот дур-рак...

— Дурак-не дурак, а божественный Та'ки почему-то тренирует его, а не тебя, — не без удовольствия подковырнул Берна Эрик, усаживаясь рядом со мной.

Белый расхохотался, поднимаясь с земли.

— Пьяная зеленая панда? Ты серьезно? Вот уж в самом деле повод для зависти! Магистр Янус подобрал его где-то в дурманной роще из жалости, и теперь этот ваш божественный Та'ки только и делает, что жрет и блюет...

И вот где-то примерно на этих словах мое терпение лопнуло.

Я долго держался, и в принципе готов был еще очень многое пропустить мимо ушей, лишь бы не испортить того, что заполучил с таким трудом.

Но поливать дерьмом Та'ки?!

Меня будто токомшибануло. Кровь ударила в виски, в глазах потемнело и я одним рывком вдруг поднялся на ноги и впечатал кулак под челюсть Берну, еще не успевшему до конца выпрямиться.

Тот охнул и отпрянул от меня, подхватив с земли меч.

— Охренел, что ли?! — рывкнул он на меня.

— Не позволю, — низким голосом прохрипел я. — Глумиться над Та'ки — не позволю!..

— Эй, ты че? — с какой-то растерянностью в голосе воскликнул Берн. — Че нарываешься-то? Я же покалечу тебя или случайно спалю к хренам!..

Вот тут он был прав. Конечно, если все разумно взвесить, конфликт стоило бы как-то замять и сдуть...

Но из моей глотки как-то мимо мозгов уже рвался выкрик:

— Так попробуй!!! Посмотрим еще, кто кого покалечит...

Даня, надо бы по тормозам. По тормозам бы, Даня, ну зачем тебе лишняя геморрой на ровном месте?..

Но «дапохер» внутри меня уже слишком высоко поднял голову, чтобы я прислушивался к голосу разума.

— ...Говно заносчивое! — с сердцем закончил я свою реплику.

Глава 17. В споре рождается трещина

Мы с Берном стояли друг напротив друга, как пара ощерившихся псов — собранные, готовые в любой момент отпружинить в любую сторону и впиться зубами в глотку противника.

Давай, сволочь. Та самая пьяная панда, над которой ты только что ржал, неплохо поднатаскал меня на уклонение. Так что давай, попробуй по мне попасть!

Берн от ярости покраснелся, как помидор. Он картинно швырнул меч в сторону и сиганул на меня, как бешеный кот.

Я рванулся в сторону, уклоняясь от его броска и босыми ногами сбивая крапиву.

От промашки Берн озверел. Он принялся махать кулаками, а я вместо его руки так и видел зеленый стебель Та'ки: вот он метит в плечо, теперь — в другое, теперь — в лицо. Я ловко пригибался, уворачивался и отскакивал, пытаюсь выбрать удачный момент, чтобы ударить в ответ.

Вот только бить Та'ки меня еще не учил. Все мои навыки по части рукопашного боя ограничивались жизненным опытом в соседнем дворе в отчаянный пубертатный период и дракой по пьяни на первом курсе в универе.

А между тем Берн с яростным ревом снова и снова бросался на меня, норовя ухватить за одежду.

И мне казалось, что с каждой новой атакой он становился все быстрее.

— Да ты достал ты меня!.. — проорал белый, и его кулак вдруг вспыхнул тонким огненным ореолом.

Движение руки было молниеносным. Я даже не понял, как это произошло — просто боль пронзила солнечное сплетение, дыхание замерло и я согнулся пополам, хватаясь руками за горячий, обожженный магией Берна кожаный доспех.

Тут мой противник подскочил ближе, желая последним ударом поставить меня на колени и завершить бой, но я не готов был сдаваться.

И я совершил невозможное.

Не выпрямляясь до конца, я бросился на Берна, втянув голову в плечи и выставив ее вперед, как оружие.

Да-да, ту самую голову, которой обычно я пользовался несколько иначе, за что у нас в компании, между прочим, ее называли «светлой».

От удара у меня окончательно заискрило в глазах.

Берн не ожидал такой прыти. Он охнул, шагнул назад, пытаюсь устоять на ногах, но неловко оступись и грохнулся на спину.

Не удержавшись после удара, я повалился за ним следом, все еще сохраняя позу полукреветки.

На чем держалась теперь моя голова, и держалась ли она все еще на моих плечах, я в этот момент уже не знал.

Но то ли из носа, то ли из разбитых губ по лицу заструилась кровь.

— Огрызок шелудивый... — прохрипел Берн. — Убью, тварь!..

И тут прогремел оглушительный окрик:

— Прекратите!!!

Чужой голос прозвенел так, будто он был выкован из металла. Земля дрогнула под ногами, и мощная ударная волна окатила нас с Берном. Душевно выругавшись, я приподнял голову и обернулся, готовый увидеть вернувшуюся Майю.

Но это была не она.

Это был Эрик.

Лужайка тренировочной площадки под его ногами в радиусе десятка шагов стала голой, черной и безжизненной.

А он стоял посреди этой безжизненности, низко опустив голову и тяжело дыша, будто участвовал в потасовке вместе с нами. Волосы скрывали его лицо, и я мог только догадываться, какие эмоции сейчас на нем были написаны.

Вокруг парня серым дымом клубилась сила.

— Довольно... — проговорил он снова. — Довольно уже!

Его голос в конце фразы снова стал нестерпимо громким, и, словно не выдержав этого звука, черное пятно под ногами Эрика с хрустом покрылось глубокими трещинами.

— Эй, погоди, не горячись! — крикнул я ему, поднимаясь на ноги и с трудом выпрямляясь. — Майя нас всех тут живьем закопает, если мы кроме тренажеров еще и площадку изувечим!..

— Бессмысленный гнев... — проговорил Эрик, не поднимая головы. — Бессмысленный бой. Ненужная кровь!

— Графыч, ты чего? — испуганно подхватил мою тему Берн. — Какой еще бой? Да это мы так, по-свойски!..

Я энергично закивал головой, соглашаясь.

— Да мы просто размером дурости померились, вот и все!..

Эрик вскинул голову, и я увидел его лицо — белое, как у мертвеца, с ярко-красными радужками глаз.

— Везде одно и то же, — проговорил он. — Жестокость, кровь и ложь. Довольно...

От его слов земля задрожала и заколыхалась, точно прямо под нами пустили метро. Трещины вокруг Эрика стали шире и глубже — теперь в самом широком месте расщелина раздвинулась чуть ли не на полметра, протянувшись вниз до самой темной тьмы.

Мы с Берном переглянулись.

— Похоже, он нас не слышит, — сказал я.

— Да он сейчас или сам убьется, или всех нас убьет, — быстро проговорил Берн.

— Что делать-то?!

— Да хрен его знает, — искренне отозвался мой бывший противник. И тут как гаркнет во всю глотку:

— Эй, Графыч! ГРАФЫЧ!

Эрик вздрогнул, будто очнувшись.

Серый дым вокруг него растаял, алое сияние глаз погасло.

В растерянности осмотревшись, он сделал шаг вперед — и тут его нога выше колена провалилась в землю, как в болото.

Эрик вскрикнул и упал.

Я бросился к краю черного пятна. Почва задвигалась, потекла, как вода, и край самой широкой трещины начал осыпаться. Эрик забарахтался в сыпучей пыли.

— Держись! — крикнул я, плюхнувшись на пузо в траву и протянув ему руку.

Берн поспешил на помощь. Он крепко схватил меня за ноги, и теперь можно было смелее толкнуться с надежной земли дальше в пыль.

Я пытался поймать руку Эрика, но в этот момент край трещины окончательно обвалился.

Короткий громкий вскрик — и бедный парень вместе с этой двинувшейся лавиной сорвался куда-то вниз, а меня самого с головой накрыло земляным потоком.

Берн потащил меня прочь от дыры, и я вынырнул из пылевого потока, кашляя и отплевываясь.

Мы сидели на краю дыры в глубь земли, над которой медленно оседало пыльное серое облако.

А парня, стоявшего здесь только что, больше не было.

Внутри меня все сжалось. К горлу подкатил тугой комок.

Я смотрел на зияющий черный пролом и не верил своим глазам.

Ведь так не бывает, чтобы был человек — и вдруг сразу нет... Или бывает?..

— Подстрахуй, чтоль? — буркнул Берн, подбираясь еще ближе к краю. — Эй, Графыч! Графы-ыч!

Я озадаченно уставился на Берна.

— Думаешь, он живой?

— Ну знаешь, если он с таким источником умудрился помереть от простого падения, как последний дурак, то я о нем даже жалеть не стану, — фыркнул Берн, склоняясь над проломом.

Я даже глаза закрыл, готовясь услышать вердикт.

В моем немагическом сознании падение в пропасть мало совмещалось с жизнью.

— Ох ты ж ни хрена себе!.. — присвистнул вдруг Берн. — Ты только посмотри, что там!

Я подполз следом за ним к краю и заглянул в черную бездну...

Которая оказалась вовсе не такой уж черной.

В глубине пролома виднелось какое-то помещение. На земляном полу, засыпанном серой пылью, желтым светом горели пузатые масляные фонари, освещая силуэт Эрика, пытавшегося подняться, и загадочно поблескивающие медными углами потемневшие сундуки.

— Эй, ты живой там? — крикнул я, не веря своим глазам. — Эрик, ты как?..

— Живой! — донесся из глубины искаженный эхом голос. — Кажется...

Он, наконец, смог оторвать пятую точку с кучи земли, поднял голову вверх и махнул нам рукой.

— Вы-то там как? Ничего? — крикнул он нам.

— Ты чего натворил-то такое? — спросил я, чувствуя, что улыбаюсь от уха до уха. — Устроил, блин, из площадки черную дыру...

— А дыра-то занятая, — проговорил Берн, стараясь заглянуть как можно глубже в пролом. — Слышь, Графыч, а что там за сундуки такие? Можешь открыть?

Эрик, потирая одновременно ушибленный зад и голову, проковылял к одному из сундуков и осмотрел его.

— Нет, он заперт на два замка!

Берн тихо выругался и крикнул ему:

— Так отопри! Или землю проломить мощи хватило, а пару замков — кишка тонка?

Эрик ответил ему из пролома гулким, раскатистым голосом:

— По-твоему, я похож на мерзавцев, беруших чужое?

— Да я же не предлагаю тебе красть! — возмутился Берн. — По крайней мере, пока что... — пробормотал он себе под нос. И уже громко добавил:

— Но посмотреть-то хотя бы можно!

— Тебе надо — ты и смотри! — неожиданно резко отозвался Эрик. — Я даже мараться не буду.

— Как по мне, так он прав, — заметил я. — Особенно если учесть масляные лампы.

— Какие еще лампы? — раздраженно отмахнулся от нас Берн.

— Которые здесь кто-то зажег, — многозначительно ответил я. — К тому же, подземелье находится прямо под тренировочной площадкой, и вряд ли это совпадение. Так что хранилище наверняка принадлежит школе. И лазить по этим сундукам — так себе идея. Как в карманах у Януса пошариться...

Тут снова раздался голос Эрика, но уже с совсем другой интонацией:

— Слушайте, а тут еще и дверь какая-то!..

Еще и дверь?

Мы с Берном переглянулись.

Вот честно — в сундук запертый я б точно не полез. Но шариться по карманам — это одно, а вот на костюмчик взглянуть — уже совсем другое.

— Стой пока на месте, не ходи никуда! — крикнул Берн Эрику и со всех ног бросился к куче хлама.

Я понял его идею без слов и поспешил на помощь.

Мы копались в битых тыквах, соломенных чучелах и мешках, пока не нашли два приличных мотка веревки.

— Как думаешь, столбы крепко вкопаны? — спросил я у Берна.

Тот усмехнулся.

— Я слышал байку, что на самом деле тут почти целиковые сосны вкопаны. Старшие ученики рассказывали.

— Да ладно? — удивился я. — Зачем так сурово-то?..

— Да вроде как два года назад местные таланты на заднем дворе разломали здание кухни. Нечаянно. Вот магистр Ян и лютовал. Говорят, даже всех своих подмастерий в школу вызвал.

— То есть раньше подмастерья в школе не жили?

— Так они и сейчас здесь не живут. Дежурят по двое... — Берн проверил, как я затянул веревку, и мы двинулись к пролому в земле. Потом на всякий случай скинули вниз два ученических меча и осторожно сползли вслед за ними по жалобно поскрипывающей и похрустывающей веревке.

С замиранием сердца я осматривался по сторонам и вдыхал царивший в подземелье аромат. Он чем-то напоминал сандал и корицу, будто в этих сундуках хранились пряности. Просторную земляную комнату перегораживала деревянная стена, в которую была врезана небольшая округлая дверца.

Я будто попал в компьютерную игру. И вот впереди подземелье, а у меня в качестве оружия только стартовый железный меч и левел, скорей всего, неподходящий...

А Берн все кружил над сундуками, которых здесь оказалось не меньше десятка. Все они выглядели одинаково: здоровенные, тяжелые, сделанные из темного дерева и, судя по древесине и потемневшему металлу, довольно старые.

— Что ж там все-таки хранится-то, интересно? — кряхтел Берн, бряцая навесными замками.

— Золото, оружие — да мало ли что? — равнодушно отозвался Эрик. — В любом случае, все это не наше.

— А вдруг там запечатанные конструкторы?..

Эрик только головой покачал.

— Берн, ты же взрослый человек. Ну какие еще запечатанные конструкторы? Не бывает на свете таких книг!

Я насторожился.

— Какие такие конструкторы?

— Да легенда есть, — пояснил мне Эрик. — Якобы великие древние демиурги создали множество сильнейших конструкторов и запечатали их в книги. Такой подарок для ленивых — книжку открыл и тут же стал премудрым.

— Подозреваю, он вообще-то не про книги тебя спрашивал, — с недоброй усмешкой проговорил Берн, покосившись на меня. — А про конструкторы, в буквальном смысле.

— Тебе еще не надоело цеплять его? — неожиданно строго осадил товарища Эрик.

— Вообще-то на этот раз он прав, — вынужденно признался я. — Я действительно не знаю, что такое конструкторы.

Тадам!

Теперь они оба смотрели не на сундуки, и не друг на друга. Они вытаращились на меня.

— Охренеть, — проговорил Берн. — Он даже такого не знает! И этот чудак — ученик военной школы?

Эрик медленно перевел взгляд на Берна.

— Думаешь, мы со всем своими познаниями более удачное приобретение? Ты тренажер подпалил, я площадку сломал. Прямо-таки мастера конструкторов.

Графыч обернулся ко мне и, четко выговаривая слова и без единой запинки пояснил:

— Конструктор — это последовательность инспирального перераспределения энергии и поступательность ее всплесков во внешний мир с целью создания некоего явления или предмета в плоскости реального мира. Теперь понятно?

Я кашлянул.

— Э-ээ... Да, теперь вообще все ясно стало, — брякнул я, иронизируя то ли над Эриком, то ли над самим собой. — Ты прямо создан для университетской кафедры! Сопромат читать. У тебя даже интонация характерная.

— Не знаю, какой такой мат ты имеешь в виду, но по поводу того, кто для чего создан, лучше никогда не шути, — нахмурился Эрик, оборачиваясь к таинственной запертой двери. — Предназначение — слишком тонкая материя, и для большинства — слишком личная, чтобы обсуждать вслух.

Я задумчиво почесал затылок, Где-то не так давно я уже что-то слышал про предназначение. То ли от Яна, то ли от зеленого. И тоже как-то мельком, в разговоре.

Но разбираться с этим вопросом сейчас было как-то не вовремя, тем более что Эрик уже подошел к низенькой двери и осторожно толкнул ее внутрь. И та легко отворилась, приоткрывая проход в следующее помещение.

И мы все трое, наклонив голову, вошли внутрь.

Я осмотрелся — и обалдел.

Кто бы мог подумать, что здесь, под землей, скрывается чуть ли не тронная зала?

Мы стояли в длинном мрачном помещении, похожем на древний храм. Пахло сыростью, плесенью и горьким маслом. Пол, стены и высокий потолок здесь были выложены плитами из черно-красного мрамора. Справа и слева тянулись ряды гладко обточенных толстых колонн, между которыми на провисающих цепях висели тяжелые масляные светильники. Тусклый свет ложился неровными бликами на пол и колонны, местами оставляя густые тени.

И в первое мгновение мне даже показалось, что из одного такого темного сгустка на меня взглянули красные глаза. Но, приглядевшись внимательнее, я рассмотрел ровные ряды огромных надгробий с трепещущими язычками маленьких красных лампад в изголовьях.

— Твою ж мать, это что вообще такое? — почти шепотом проговорил Берн.

— Похоже на усыпальницу, — высказал я свое предположение.

— Усыпальница? погоди, ты хочешь сказать, это — надгробия такие?

— А что это может быть еще по-твоему?

— Ну не знаю... — с сомнением в голосе отозвался Берн. — Алтари какие-нибудь, может?. Ну или еще что-нибудь. Ну не медведей же тут хоронили, в самом деле! — А вот это можно попробовать уточнить, — сказал я и двинулся к ближайшей плите.

Я старался идти как можно тише, но каждый шорох отдавался под высоким потолком гулким эхом, делая его в сто раз громче.

Вблизи плита оказалась еще больше и выше, чем выглядела с расстояния, и доходила мне почти до пояса. Черный камень с округлыми краями не имел никаких рельефов кроме высеченной надписи прямо под красной лампадой, но при таком тусклом освещении прочитать ее оказалось не так просто.

— Огненный... — прочитал я, напрягая глаза и воображение. — Второе слово никак не могу разобрать. Смерть?..

— Скорее, смерч, — поправил меня Эрик, приблизившись к плите с другой стороны.

— И что это значит? — пожал плечами Берн.

— Похоже на воинское прозвище, — предположил Эрик. — Давай посмотрим, что на другом написано.

Как самые настоящие Индианы Джонс, взбудораженные и хмельные от дыхания чужой тайны, мы направились к следующей плите.

— Степной волк, — прочитал я вторую надпись, помогая себе наощупь.

— Звучит и правда похоже на какое-то прозвище, — согласился Берн. — Но что это за склеп такой?

— Может, какая-нибудь усыпальница великих магистров школы?

Берн фыркнул.

— Что ты несешь? Школа существует-то от силы лет сто, где бы она успела понабрать себе столько великих магистров?

— Да, с этим трудно не согласиться, — кивнул Эрик. — И потом, если у школы есть подобные усыпальницы или захоронения отцов-основателей, ими очень гордятся, из них делают места поклонений. А школе Парящего Грифа не мешало бы приподнять себе репутацию, так что будь у них такой склеп...

Я чуть не рассмеялся в голос.

— Да ты шутишь. Можешь себе представить нашего Яна, который делает из могил других магистров достопримечательность?

И тут в зловещей, волнующей тьме мы все отчетливо услышали жуткий потусторонний голос у себя за спиной:

— А вот могилы учеников — другое дело!..

Глава 18. Разбор полетов и земляных работ

С перепугу и от неожиданности мы забились в щель между двумя надгробиями, как в спасительный окоп.

Но следующий возглас настиг нас в укрытии мгновенно и страшно, как ментальный флюгегехаймен.

— А ну встали все!

Мы медленно поднялись из своего укрытия.

В паре метров от нас, хмурый и злой, стоял наш великий магистр. И взгляд его был таков, будто Янус на полном серьезе решал, кого придушить первым.

— Какого хрена вы здесь? Кто впустил, кто позволил?

— Да мы как бы это... И сами не планировали, — пробормотал я.

— Каким образом вы здесь оказались?! — гаркнул Ян, да так экспрессивно, что у нас разом головы в плечи втянулись.

— Мы провалились, — чуть слышно проговорил Эрик.

У Януса недоумевающе полезли брови на лоб.

— Чего?..

— Я сломал тренировочную площадку, — набрав в грудь побольше воздуха, решительно выпалил Эрик.

Теперь не только брови, но и округлившиеся глаза нашего магистра на лоб полезли.

— Что ты сделал?.. А ну давайте показывайте.

И мы покорно потащились обратно в сокровищницу с сундуками.

Протолкнувшись в низенькую и узкую дверь, Янус задрал голову на сиявшую в потолке дыру и присвистнул.

— И правда площадку сломали... А где в это время ваш наставник был? Где Майя?

— Ее нет, она уехала в школу, — ответил я.

— Что значит «уехала»? — лицо Яна исказилось гневом. — Оставила первогодок тренироваться без присмотра и уехала?

— Она повезла Камиллу на тренировку в какой-то там колодец, — ответил Берн.

Эрик сверкнул в его сторону глазами.

— Просто у Камиллы были проблемы с использованием энергии, — попытался он вступить за Майю. — И наша наставница...

— С этого момента начиная у вас не наставница, а наставник! — оборвал его Янус. — Рыжему вас отдам, раз эта совсем безголовая. Он, правда, не боевого типажа, а иллюзионист, ну да вам пока особо без разницы. И тренироваться вы здесь больше не будете. Только в школе, под присмотром старших! Раз умельцы такие.

Он подошел к веревке, вздохнул. Попробовал рукой, крепко ли привязана.

— М-да. Ну а вы, конечно, мимо дыры пройти не могли. Обязательно надо всюду нос свой сунуть. И плевать, какие могут последствия. А если бы здесь охранные печати не стерлись? Если бы земля под вашими ногами в пламя превратилась, а? Не думали о таком?

Или в принципе думать не обучены? А ну-ка все наверх и в школу. И чтоб не задерживались нигде! Как приедете, все трое сразу ко мне.

— А вы тоже уже в школе будете? — осторожно спросил Эрик.

— Где надо я буду! — рявкнул на него Ян. — Выполнять приказ!

И мы полезли наверх.

Быстрым шагом направляясь к лошадям, Эрик тихо сказал на ходу:

— Мерзавец ты, Берн. Он теперь с Майи три шкуры спустит...

— Почему это я — мерзавец? Потому что я правду сказал? — хмуро отозвался Берн. —

А что три шкуры спустит — так и правильно сделает!

— Она — наша наставница, и это непорядочно!..

— Серьезно? Это ты так впечатлен ее наставническими характеристиками, или природными данными? — раздраженно спросил Берн. — Или понравилось целый месяц на жопе сидеть в поисках «сокровищницы магии в храме души»? Отличный метод обучения, за такой действительно стоит держаться!

— Но с тобой же он сработал! — возразил Эрик. — Ты ведь после медитации сумел усилить себя с помощью магии!

Берн фыркнул, усаживаясь верхом.

— Нихрена он не сработал, чтоб ты знал. Усиливать себя меня в семь лет научила сторожевая собака в городском саду, оставив отметину на ляжке. Вот тогда я и достиг своего просветления — одним махом через двухметровый забор сиганул. Вот тебе и вся медитация.

Ехали в школу молча.

С одной стороны мне тоже было жаль Майю — и Берн был прав, ее «природные данные» очень способствовали доброму к ней расположению. Как-то некрасиво получилось. Хотя могла ли она на самом деле научить нас мастерству — это был большой вопрос.

Стоило нам въехать в ворота, как дежурные заявили, что нас велено сразу доставить к магистру.

И мы в сопровождении одного из дежурных, как под конвоем, отправились в пасть дракона.

Очутившись в главном корпусе, мы поднялись по лестнице на второй этаж, прошли через большую библиотеку и остановились перед дверью, которую охраняли два бронзовых грифона, сидевших на мраморных постаментах.

А из-за двери доносился гневный голос Януса.

— ... Что значит, ты не думала? Это же место силы!

В ответ раздался почти плачущий голос Майи.

— Ян, я оставила медитировать там только двоих, твоего обрезка и Эрика, который целый месяц не мог ни одного магического проявления из себя выдавить! Откуда я могла знать, что они вдруг настолько усилятся?..

Дежурный невольно замедлился — так же, как и мы. По всей видимости, ему тоже было интересно подслушать еще хоть немного из того, что происходило за закрытыми дверями.

Но не сложилось.

Двери вдруг распахнулись, и на пороге мы увидели самого магистра.

— Ну, чего встали? — прикрикнул он на нас. — Ты, — повернулся он к дежурному. — Бегом на свой пост! А вы — сюда шагайте.

Очутившись внутри, я изумленно огляделся по сторонам.

Не так я себе представлял кабинет великого магистра военной школы, ой не так...

Эта комната больше походила на берлогу холостяка, чем на приемную.

В правом углу стояла какая-то тумбочка с глиняными кружками, рядом с которыми на блюде ежились заветренные кусочки сыра и хлеба. На полу возле тумбы толпились пустые пивные бутылки. На лавке вдоль стены валялась рубашка и кожаный наруч, почему-то один.

А в левом углу у окна примостился огромный стол-бюро на львиных ногах, заваленный стопками бумаг и огромными книгами в кожаных переплетах. Сверху на стопке книг, как печать, стояла грязная кружка. На стенах вперемешку висело оружие, щиты, картины в дешевых рамах с обнаженными женщинами и фамильными гербами.

А посреди всего этого хаоса стояли Камилла и Майя — обе пунцовые, как помидорины.

— Ян, ну пожалуйста!.. — проговорила Майя.

Но стоило только Яну зыркнуть в их сторону, как девушка умолкла.

— Я сказал, решение принято, — холодно сказал он. — Теперь забирай сестру и обе пошли вон отсюда.

Мы с парнями переглянулись.

Так вот почему Майя так опекала Камиллу. Они — сестры!

— Пожалуйста, я так долго этого добивалась! — воскликнула Майя сквозь слезы. — Скажи хотя бы, что я смогу вернуть себе звание подмастерья в этом году...

— Я сказал — вон с глаз моих! — рявкнул на девушек Янус, и те мгновенно испарились за дверь.

Шумно выдохнув, он взял с бюро свою кружку, подошел к столу и налил в нее доверху вина. Отпив половину, прищелкнул языком и пробормотал:

— Прав Та'ки... Хоть и сукин сын. Ну ничего, я вас соберу. Так соберу...

Обернувшись на нас, он спросил:

— Ну что, орлы, давайте рассказывайте. Кто площадку-то распахал?

— Я, — признался Эрик.

— И зачем?

— Случайно вышло, — хмуро ответил тот.

— Случайно, друг мой, может выйти только понос, — нравоучительным тоном заметил Ян.

— Я правда не хотел ничего такого, оно как-то само, — пожал плечами Эрик.

— Хочешь сказать, ты долгое время не мог вызвать проявлений магии на занятиях, а тут вдруг бахнуло ни с того, ни с сего? — спросил он, переводя взгляд на нас с Берном, потрепанных и пропыленных. — Да так бабахнуло, что аж приятелей твоих зацепило?

— Нет, это мы подрались, — пояснил я.

Ян медленно приподнял бровь. Потом задумчиво присвистнул, глядя на потупившегося Эрика.

— То есть они подрались, а у тебя в этот момент бабахнуло. Причем после месяца полной пассивности магической энергии, несмотря на все попытки простимулировать ее и взять под контроль... Ты что, миротворец?

Эрик с таким видом, будто признавался в неприличной болезни, ответил:

— Судя по всему — да... Простите, что не сказал сразу про мое уродство.

— А с чего ты взял, что твой тип магической одаренности — это уродство? — строго заметил Ян.

— Потому что магия, которой невозможно управлять по собственному произволению в любой момент времени — это проклятье и уродство. Так говорит мой отец.

— Твой отец ошибается, — сурово заявил Ян. — А ты должен был сразу предупредить о своей особенности, а не паскудно помалкивать! — он повернулся к нам с Берном. — Ну а вы, бойцы? Вы чего не поделили?

— Да так, — невнятно пробормотал Берн, глядя в сторону.

— Все с вами ясно, — вздохнул Ян. — Значит, так: за вранье и драку на тренировке всех троих определяю в штрафную камеру на два дня. На хлеб и воду. И еще: если будете про подземелье языком трепать по углам — вышвырну из школы. Чем это грозит каждому из вас, додумайте сами. А теперь шагом марш к дежурным, и пусть они запрут вас, как полагается. Все, закончили разговор.

И мы пошли к дежурным передавать распоряжение о нашем наказании.

Штрафная камера оказалась крошечной комнаткой в конюшне. Под потолком имелось прямоугольное решетчатое окошко, в качестве мебели по углам валялась солома, а у двери стояло ведро понятного назначения.

Дежурный запер дверь на замок, и мы, покряхтывая после всего произошедшего, расположились на соломе.

— А может, в штрафной не так уж и плохо, — проговорил Берн, вытянувшись на спине. — Выспимся как следует, отлежимся...

И тут мой пустой желудок громко и выразительно простонал.

— На воде и хлебе особо сладко не поспишь, — мрачно заметил я. — Слушай, Эрик, а что это за магия у тебя такая?

— Кстати, да, — оживился Берн. — Я тоже об этом спросить хотел. Как она там называется? Миротворец?..

Эрик тяжело вздохнул и, развалившись на своей куче соломы, устало прикрыл глаза.

— А это обязательно?

— Да! — хором ответили мы с Берном.

— Ну... в общем, это редкая и извращенная форма магической силы, которая вроде как есть, а вроде как и нет. Для медитативного взгляда она выглядит как запредельная одаренность — магия просто бурлит в душе, чуть наружу не выплескивается, — Эрик грустно усмехнулся. — Так что мой отец был абсолютно счастлив, когда узнал, что его старший сын таким великим магом уродился. Но года шли, учителя пыхтели... А все напрасно. По собственному желанию вызвать магию наружу я не мог. Зато разнес маленьким камешком лобное место, где отец собирался казнить моего старого учителя за безделье, и пинком разнес охотничий домик дяди... Ну и еще кое-что по-мелочи. Вот мои педагоги и вынесли вердикт...

— Что значит не мог использовать по собственному желанию? Я же видел, как ты сражался со своим противником на арене! — удивленно возразил Берн и обернулся ко мне. — Там был мужик раза в два больше нашего Графыча, плотный такой, весь мерцающий. Как же его мотало по арене! Пару раз наш Графыч его так в ограждение впечатывал — я думал, больше не встанет! Народ потом шептался, что круче был только выход какого-то хрена из вырезанного рода, который с монстром сражался...

Я прикусил губу.

Да уж, вот это выступления и я помню...

— ... но того я не видел, — увлеченно продолжал Берн. — А вот Графыч!..

— Просто я разозлился, — пожал плечами Эрик. — Этот, как ты выразился, мужик так низко и подло повел себя с девушкой в предыдущем бою, что мне его придушить хотелось. И

когда именно он вышел против меня, магия сама прорвалась наружу. Мне оставалось только позволить ей течь.

— То есть ты можешь использовать магию только когда разозлишься? — спросил я.

— Не просто разозлюсь, а разозлюсь на что-то несправедливое или неправильное, чего я не могу исправить. Вот эта смесь бессилия с воспаленным чувством справедливости и вызывают во мне приступы магической силы. Иногда — более-менее контролируемые. А иногда — неуправляемые и разрушительные, как сегодня.

— Сегодня-то чего тебя вдруг так накрыло?

— Ваша драка... Она была несправедливой. Вы оба были неправы и могли покалечить друг друга. И мне так неуправляемо захотелось это все остановить...

— Что ты решил проломить землю? — рассмеялся Берн.

— Нет, я с досады ударил кулаком по земле, как по столу. И тут проснулась сила. Такие вот дела.

— Я все равно не понял, почему твой отец считает эту силу уродливой. Это же получается что-то вроде одержимости Немезидой, ты противостояшь несправедливости — это же красиво! — заметил я.

Эрик фыркнул и открыл глаза.

— Я — будущий правитель графства. А правителю нужна такая магия, которая поможет и налоги без угрызений совести поднять, и бунтовщиков потом под топор положить. Отец говорил, моя способность — это демонстрация моей слабости. Мол, я становлюсь сильным только со страха и с обиды. И в некотором смысле он прав.

— И ты вдруг решил сбежать в школу боевых искусств? — с сомнением в голосе спросил я.

— Нет, — ответил Эрик, и его аристократическое лицо исказила некрасивая усмешка. — Не вдруг, и не сбежать, а скорее укрыться и спрятаться. Видишь ли, Даниил, у меня есть трое младших братьев, и все они куда больше подходят на роль будущего графа, чем выродец-мироходец, которого стыдится отец. Так что когда мой охотничий камзол оказался пропитан черной смертью, я понял: нужно что-то делать...

— Черная смерть?... — переспросил Берн, округлив глаза.

— Да. И если бы не мой верный адъютант, я был бы уже мертв, — со спокойным лицом подтвердил Эрик. — Так что быть наследником — это опасная работа, — попытался он пошутить.

Я задумчиво потер свой щетинистый подбородок.

Если бы отец пожелал устранить неудобного сына, вряд ли выбрал бы такой сложный способ. Проще было бы позвать палачей, а потом заявить, что наследник умер от несварения или еще какой-нибудь напасти. И результат стопроцентный, и действие не такое извращенное, как с ядом. Ведь не зря существует присказка, что яд — оружие женщин.

— Слушай, а твои братья — дети твоей же матери?... — спросил я.

— Нет. Моя мать умерла сразу после того, как произвела меня на свет. Потом отец взял себе еще двух жен, одну из Облачного клана, а вторую из Дома Огня.

— Другими словами, они обе могут быть заинтересованы в твоей смерти, — заметил я.

Эрик кивнул.

— Да, я тоже так себе говорю. Иногда — помогает, — мрачно сказал он. — Но мой отец — человек очень жесткий и властный. Я с трудом могу себе представить, чтобы он не знал о чем-то, происходящем во дворце. Во дворцах вообще очень часто все сложно, — зевнул

Эрик. — И наш оказался не исключением... В любом случае, с момента поступления в школу боевых искусств я автоматически исключаясь из числа наследников, поскольку невозможно совмещать службу королю и всякие наместнические должности. Давно надо было это сделать. Не гожусь я в графы — стану грифом...

— А при чем здесь служба королю? — насторожился я.

— Да просто официально территория школы — это территория, принадлежащая лично его величеству, и мы все вроде как его прямые подданные, — авторитетно пояснил мне Берн.

— А зачем это королю? Ему ведь от нас вроде как никакой пользы.

В самом деле, какой смысл защищать все школы королевской неприкосновенностью? Да еще и деньги какие-то на содержание учеников из казны выделять. Из любви к боевому искусству?

— Если ты не знал, самых лучших бойцов переводят в столицу служить лично королю.

— То есть куча школ, которые содержатся за счет финансирования казны, существуют только для того, чтобы пополнять личную гвардию его величества? Сколько же ему нового народа нужно в год? Там у них в столице чума, что ли, свирепствует? — парировал я.

Берн хотел было что-то выпалить в ответ, но внезапно умолк, соображая.

— Слушай, а я ведь об этом так никогда не думал. Как бы что все говорят — то и я сказал. А ведь в самом деле, а зачем королю столько магов?

— Ну вы даете... — вяло и сонно проговорил Эрик. — Ничегошеньки вы оба не знаете. Ни-че-го... Одни только байки базарные...

Мы с Берном оба разом встрепенулись.

— А ты, хочешь сказать, все знаешь? — выпалил Берн.

— Ну, не все, конечно, а ровно столько, сколько положено знать наследнику графства, — вяло усмехнулся Эрик.

— Тогда рассказывай давай! — настойчиво потребовал Берн.

— М-mmm, — кивнул Эрик с насмешливой улыбкой. — Прямо спешу — аж падаю.

— Да будь ты человеком! — возмущенно воскликнул Берн.

Эрик скосил на него хитрый взгляд из-под опущенных ресниц.

— Сейчас я чудовищно хочу спать — мне всегда после проявления магической силы спать хочется. Так что сначала я хорошенько высплюсь, а потом внимательно выслушаю пару увлекательных историй. Одну — про безродного бродягу с элитной магией огня, которая, как мне известно, передается только через прямое наследование. И одну — про ученика-обрезка, которого тренирует местный бог. А уж потом...

— Вот ты срань, — выругался Берн.

Эрик зевнул и, чуть приоткрыв один глаз, искоса зыркнул на нас.

— Срань я или не срань, это уже другой вопрос. Главное заключается в том, что если не будет ваших рассказов, то не будет и моего. А чего вдруг лица такие безрадостные? Значит, про других мы слушать всегда готовы, а о себе рассказывать — так сразу траур?

— Спи уже, — буркнул Берн, нахмурившись. — Любопытный ты наш.

— М-mmm, — с сонной улыбкой протянул Эрик и отключился.

Глава 19. Ночью все кошки серы

Тяжелые шаги Яна гулко раздавались в сумеречном подземелье.

Он неторопливо шел мимо надгробных плит. И, не всматриваясь в надписи, вполголоса

читал имена.

Читал не с мрамора. А из памяти.

— Ледяной меч, Беспощадная мгла, Степной волк...

Тьма за его плечом шевельнулась и ожила, обретая человекоподобные очертания.

Янус остановился.

— Давно не виделись, — сказал он, обернувшись.

— Да, — прозвучало в ответ.

Тень у стены напоминала очень высокого плечистого мужчину, завернутого в черный плащ. Голос, исходивший от него, был настолько низким и густым, что казался потусторонним и вряд ли мог принадлежать человеку.

— Мои горе-исследователи тебя видели? — спросил магистр.

— Нет.

— А ты их?

— Разумеется, видел.

— И что скажешь?

— Скажу, что время приблизилось, Янус.

Магистр коснулся рукой края надгробной плиты, рядом с которой стоял. Здесь и сейчас, в тусклом свечении ламп его лицо выглядело совсем иначе, чем на поверхности.

Ни насмешливости, ни ленивой усталости в его чертах не было. Меж бровей пролегли суровые морщины, взгляд исподлобья стал тяжелым и тусклым.

— Время приблизилось, говоришь? — мрачно проговорил он. — И сколько же раз я уже слышал от тебя эти слова? Пять? Десять?..

— Будущее — субстанция зыбкая, Янус. Никогда нельзя знать наверняка, к чему приведет тот или иной поворот.

— Верно. Поэтому я больше не стану ждать, когда оно куда-нибудь повернет. Я сам поверну его, — заявил магистр.

— Сейчас?.. — озадаченно переспросила тень. — Но... это невозможно, Янус.

У магистра почернела одна половина лица.

— Не нужно рассказывать мне, что для меня возможно, а что — нет! — угрожающе повысил он голос на своего собеседника.

— Но кто-то же должен, — спокойно возразила тень. — Янус, твое тело ослабло от безделья и вина. Та'ки круглые сутки под дурманом. Твои лучшие ученики похожи на детей, которые смеются и плачут над своими игрушками и понятия не имеют, что творится за дверями их комнаты и над чем на самом деле стоит смеяться и плакать. Что касается худших учеников, так они вообще неизвестно на что похожи. У тебя за душой нет ни союзников, ни золота, чтобы этих союзников купить. А в душе у тебя, друг мой, бесконечное кладбище.

— Это ты мне рассказываешь? — усмехнулся Янус. — Но другого способа выйти из склепа, кроме как открыть дверь, не существует. И я хочу открыть ее, Эреб. И выйти на свежий воздух.

— Не думаю, что сейчас для этого лучший момент.

— Я не могу больше ждать, — хмуро ответил магистр. — Я задыхаюсь. Как будто у меня самого на груди лежит гранитная плита с надписью.

— Понимаю, — отозвалась тень, не то глубоко вздохнув, не то прошелестев своим странным плащом. — А тут еще этот юноша... Не так ли? Ведь это его появление взбудоражило твою душу?

Янус прошелся вдоль надгробия, касаясь рукой холодного камня.

— Истинный гриф... Да, есть такое. Конечно, прогресс еще слишком мал... Однако уже сейчас очевидно, что структура его источника — слоистая и способна к наращиванию. Моя безумная теория, основанная на легендарных источниках и в которую я сам никогда не верил — она становится реальностью. А ведь тогда, на заседании королевского совета, мне едва удавалось не рассмеяться прямо в тупые рожи советников. Я стоял перед ними и говорил о существовании теоретической возможности нестатичного магического ресурса, способного к бесконечному наращиванию, и думал про себя, не слишком ли я перегнул палку. Ведь мне так нужна была лицензия...

— И ты получил все, что хотел, — усмехнулся Эреб. — И лицензию, и школу. И истинного грифа. Была бы Фортуна с нами, я бы сказал, что это ее проделки.

Человек в плаще снял капюшон. Непроглядная тьма, скрывавшая его лицо только что, медленно растаяла, и в свете масляных ламп показались черные впадины глаз, смуглые щеки, тощая седая борода и глубокие борозды морщин на высоком лбу.

— Появление этого ученика — очень тревожный знак, Янус, — голос Эреба стал тише, и теперь он словно kloкотал у него в груди. — Оно может означать и дурное, и хорошее. Когда миф, который ты сам придумал, вдруг обретает жизнеспособность вопреки всем известным законам — это или великое чудо, или ловушка.

— Но только мне выбирать, в какой из этих вариантов верить, — мрачно заявил Янус.

— Бесспорно, — почтительно склонил голову старик. — Но я бы хотел напомнить, что мертвые обычно не воскресают. Даже если речь идет о богах.

— Я не требую, чтобы ты непременно следовал за мной, Эреб. Ты можешь оставаться в тени столько, сколько пожелаешь, — сказал магистр.

Эреб покачал лысой головой.

— Нет, Янус. Я буду следовать за тобой до конца. Я слишком стар для того, чтобы покупать себе новую лодку. И если ты решил сорвать маску с лица, значит, пришло время и мне явить миру свой облик. В конце концов, рано или поздно это должно было случиться.

Янус кивнул.

— Тогда привези сюда остальных к началу осени. Успеешь?

Старец снова склонил голову в полупоклоне.

— Я все сделаю.

— Хорошо.

И Ян направился к выходу из подземелья.

* * *

Рассказ Берна оказался захватывающим, как хороший триллер с элементами детектива и легкой эротики.

Родителей он никогда не знал. Младенцем его оставили на ступенях святилища какого-то бога, имя которого я не запомнил да и выговорить вряд ли бы смог без тренировки. До пятнадцати лет его воспитывали жрецы, пока одним прекрасным утром не обнаружили своего подопечного в каморке для хранения праздничных риз с двумя голыми девицами в обнимку. Берна выставили из святилища без гроша за душой, так что дальше ему пришлось добывать себе пропитание самостоятельно. Прямо из пропахшего благовониями храма он попал в разбойничью шайку, где тут же оценили его способности по заслугам и научили обращаться с мечом и ножом. Все эти ценные умения привели Берна в темницу на пять лет, однако дожидаться завершения срока он не стал и сбежал оттуда через год, а по пути

переспал с дочерью засудившего его королевского обвинителя. Потом наш герой-любовник уехал в другое княжество, переспал с княгиней, очутился у позорного столба и уже оттуда приехал сюда, чтобы выступить на арене.

— Я раньше никогда особо не задумывался, что со мной будет, — признался он, выпивая на голодный желудок очередную кружку пустой воды. — А потом вдруг меня осенило. Я же огненный маг! Иметь такую магию — это же как наследство получить. А я, как придурок, от палача к палачу бегаю. Вот и решил, что лучший вариант — пойти в школу боевых искусств.

— А почему ты выбрал именно эту школу? — спросил я. — Наверняка ведь тебе немало предложений сделали.

— Магистр Ян — легендарная личность, — ответил Берн, усаживаясь на свою кучу соломы. — Я узнал о нем еще в княжестве Агирры. Встретил одного из его учеников в кабаке — и понеслось. Куда бы я не пошел, так или иначе о магистре Яне вспоминают везде. А если человек умеет оставлять в мире след — он может научить этому и других. Такие дела.

— А мне вот странно, что ты со своей любовью к прекрасному полу против нашей наставницы вдруг пошел, — признался Эрик. — От такой красоты в ближнем кругу отказался!

Берн высокомерно фыркнул.

— Так я ж не в блудном доме себе девку выбираю. Красивых дур на свете полно, а жизнь у меня одна. Просрать ради любования женской жопой свою единственную законную возможность подняться из говна? Да ну...

— Раньше, вроде, тебя такие мелочи не останавливали, — рассмеялся я. — Мне кажется, у тебя все беды по жизни — от женщин. Не было бы их, жил бы ты сейчас в святилище, носил бы праздничные ризы...

— Да уж, прям счастье великое, — иронично протянул Берн. — Мясо нельзя, вина нельзя, бабу нельзя, к оружию прикасаться — и то нельзя. Ну и нахрена вообще такая жизнь? Никакой радости. А в жизни, брат, должна быть радость... Ладно, я вроде как про себя рассказал все. Теперь твоя очередь, обрезок.

Я вздохнул.

Ну и что же мне рассказать парням про свое босоное детство? Как английский язык учил с пяти лет и в компьютерных игрушках зависал целыми днями?..

— Чего умолк-то сразу?.. — прищурился Берн.

— Не знаю, с чего начать, — честно признался я. — Родился в обычной семье, не богатой и не бедной. Воспитывал меня в основном дед...

Тут над головой раздался бумажный шелест, и через решетку на окне что-то шлепнулось на пол. Комнату наполнил пленительный съестной аромат.

Я подхватил с пола удлинённый, завернутый в писчую бумагу предмет — и охнул.

— Братцы, живем!

Я развернул посылку, и тут все увидели сокровище, скрывавшееся под бумагой.

Это была жареная кровяная колбаска.

Тут через решетку на пол шлепнулся еще один маленький сверток, и еще, и еще. Ленивую сонливость у всех нас как рукой сняло. Мы подбирали колбасу, сдобные булочки-косички, брусочки сыра и краюшки мягкого хлеба, натертые чесноком, и мир вокруг сразу стал красочным и дружелюбным, а жизнь — прекрасной.

На прощанье под окошком нежно мякнула кошка — и я сразу понял, что не ошибся в

своих предположениях.

Это Ника пожалела незадачливых арестантов и на свой страх и риск передала нам еду.

Парни ели, гадая о том, кому обязаны такой славной трапезой. А я помалкивал и улыбался, мысленно почесывая нашей благотворительнице мягкое ушко.

Ай да Ника, ай да умница!

После перекуса все разом подобрели и расслабились. Да и за окошком медленно темнело, и в нашей камерке по углам начали сгущаться сумерки. А в полумраке все разговоры становятся как-то легче, что ли.

Воспользовавшись удачным моментом, я без особых подробностей рассказал, что волей случая потерял все и оказался в чужом княжестве совсем один, без друзей, родных и без гроша в кармане. Что случайно и по пьяни попал в святилище Арахны и там познакомился с хозяйкой лицом к лицу, а потом нанялся на работу в Ямы.

— В общем, Арахна меня и привела на арену, — сказал я, стараясь не врать, но и в подробности не пускаться. — А там уже меня увидел Ян и взял в школу. Вот и все...

— Угу, — промычал Берн. — Ты нас за дураков держишь? Главного ты ведь так и не сказал. С чего бы вдруг магистру предлагать тебе место в школе, а злобной Арахне тебе благоволить?..

Тут он вдруг закашлялся.

Берн кашлял снова и снова, и каждый его новый вдох все больше начинал походить на хрип.

— Эй, ты в порядке? — всполошился Эрик.

Я не знал, что делать, но вскочил на ноги, чтобы хоть как-то помочь бедняге: по спине постучать, что ли, или дать воды.

И тут в сумерках блеснул золотистым сиянием тонкий луч паутины. Он тянулся от шеи Берна до укрытого мраком угла у дверей.

— Пожалуйста, оставь его! — воскликнул я, повернувшись к тьме в углу.

— Вот еще... — обиженно прошелестел из тьмы знакомый мне голос. — Даня, он меня злобной назвал!

Эрик, дернувшись всем телом, попятился к окну. Берн продолжал кашлять, развернувшись к дверям.

— Но ты же не такая! — попытался я урезонить Арахну.

— Нет, с такими, как он, я как раз такая!

Я увидел, как натянулась тонкая золотистая нить, и Берн, схватившись за горло, упал на колени, пытаясь вслепую нащупать паутину вспыхнувшими огнем ладонями.

— Нет, ну ты посмотри! Мало того, что он оскорбил великую Арахну, так он меня еще и обжечь хочет, глупый смертный! — прошипела паучиха.

— Он больше не будет! — взмолился я. И строго рявкнул на задыхающегося приятеля: — Берн, прекрати обижать богиню!..

Тот ответил мне громким хрипом.

— Великая, ну отпусти дурака! Очень тебя прошу!.. — воскликнул я.

Золотистая паутина оборвалась и погасла.

— Так уж и быть, — проговорила Арахна, выползая из своего угла.

В этот раз она была размером с небольшую собачку — мохнатое паукастое тело и половинка крошечной синюшной барышни, растущая прямо из паучьей сердцевины.

Берн, едва вздохнув, снова вдруг захрипел, хватая воздух ртом.

— Арахна?.. — строго проговорил я, опускаясь перед богиней на одно колено, как перед ребенком. — Ты точно его отпустила?

— Да отпустила я его, не парься, — пожалала тощими плечами моя богиня, похожая на трехдневного висельника. — Это у него сердечко прихватило от моего величия, — фыркнула она, смерив моего приятеля вспыхнувшими в темноте глазками. — Проблема всех огненных — слишком бурные эмоции по поводу и без повода. Оттого и любовники из них скверные, — чисто по-женски уколола Берна Арахна.

И улыбнулась мне.

— Ну ты-то как поживаешь? — сладким голосом проговорила она. — Чего вдруг оказался между запертой дверью и решеткой?

— Исключительно в воспитательных целях, — улыбнулся я, с изумлением вдруг понимая, что на самом деле рад ее видеть. — Ерунда все. Так что это все-таки было, с кобрами?

— Ой, забудь, — с усталым вздохом махнула крошечной ручкой Арахна. — Зря только возилась с ними. В итоге все равно поубивать пришлось. Эти твари мне половину ног поотрывали — можешь себе представить такое неуважение!?

— Кошмар, — сочувственно покачал я головой.

Звучало это одновременно и дико, и вполне обыденно, будто мы не про смерть голозадых кобр говорили, а про начальника, который не выплатил обещанную премию.

— Вот и я о том же, — театрально подкатила Арахна свои глазки.

Я невольно взглянул на ее паучье тельце повнимательней.

Все ноги были на месте.

— На коленки мои голые пялишься или ноги пересчитываешь? — прищурилась богиня.

— Не-не-не, как бы я дерзнул, ты что! — запротестовал я.

А мысленно заметил, что коленки-то не такие уж голые, если учитывать жесткую шерсть.

Арахна расхохоталась.

— Ой, как напрягся-то сразу! Да шучу я. А ноги мне отращивать потом пришлось — обидно и больно до слез. Ну что ж, раз ты тут ничего интересного не пропускаешь, я заберу тебя отсюда до утра — поговорить надо...

Из ее маленькой человеческой ладошки выскользнула золотая нить. Миг — и я весь с головы до ног оказался в коконе из сияющей паутины.

Я даже выругаться не успел, как могучая сила оторвала меня от пола и протащила будто бы сквозь потолок высоко-высоко над землей.

Конечно, мне уже доводилось летать на паутине с Арахной, но не через стены и я хотя бы мог видеть, что происходит вокруг! А сейчас меня выдергивало высоко наверх, потом с головокружительной скоростью швыряло вниз. И каждый раз мне казалось, что еще немного — и врежусь своей башней в землю. И моим последним воспоминанием станет этот дурацкий кокон и американские горки вслепую на паучьей паутине.

Класс!

Я попытался заорать, но не смог открыть рта — липкая паутина не давала мне даже губами пошевелить, так что из моей груди вырвалось только невнятное мычание.

Наконец, качка прекратилась. Паутина рассыпалась, и я увидел себя на ступенях жутковатого святилища Арахны под открытым небом.

Факелы, освещавшие его, так же трепетали во тьме, как и в прошлый раз. Но сейчас

никто не стонал на жертвенном месте, а вокруг святилища на высоких длинных шестах висели окровавленные чешуйчатые тела гигантских кобр, обезглавленных и вскрытых от самого верха до хвоста.

Неприятный озноб пробежал у меня по спине.

Я нервно сглотнул. И подумал, что мне еще очень повезло, что они не в человеческом облике погибли, а в змеином. А то висели бы здесь женские трупы.

— Неплохо вписались в интерьер, да? — спросила меня Арахна, указывая рукой на шкуры.

Она уже приняла свои обычные размеры, и теперь я смог разглядеть, что четыре передние ноги у нее как будто стали тоньше, чем задние. Вероятно, именно их она отращивала после сражения.

А богиня между тем со вздохом добавила:

— ... Хотя какая-то польза от этих тварей.

Возражать я не стал. Да и кто в здравом уме на моем месте стал бы возражать?

Арахна шустро добралась до своего трона и взобралась на него, раскинув паучьи лапы вокруг, как лепестки жутковатого цветка. И когда шуршание ее лапок по мрамору стихло, в святилище воцарилась тишина запустения.

Только звуки ночного леса и гудение горящих факелов немного нарушали ее.

— Тихо, да? — с грустью в голосе проговорила Арахна.

— Да, — подтвердил я. — Так о чем ты хотела поговорить?

Глава 20. Чего хотят женщины и пауки

— Так о чем ты хотела со мной поговорить? — спросил я Арахну.

И паучиха со скорбным выражением лица проговорила в ответ:

— Да какая разница, о чем. Главное же — поговорить! С родственной душой, и по душам... Одиночество — страшная вещь, Даня — не — жрец. Но ты еще слишком молод, чтобы понять это.

Я покосился на висевшую поблизости змеиную шкуру.

— Ну, вообще-то еще недавно у тебя было целых шесть собеседниц.

— Да, но больше они мне не отвечают, — печально проговорила она.

— Еще бы, ты ведь их убила, — заметил я.

— Подумаешь, погорячилась немного — чего теперь меня этим попрекать?! — возмутилась Арахна. — Или ты, как мои служители, теперь слезы по ним лить будешь, а? Вот всем жалко этих... гадюк! А что я пострадала, и ноги у меня теперь некрасивые, никого не волнует! — воскликнула она и вдруг расплакалась навзрыд, как ребенок.

И в это мгновение в моих глазах она мгновенно превратилась из паука с женским полутельцем в обычную восьминогую девушку.

И даже забыл, что кресло, на котором она сидит, вроде как трон богини, и надо бы соблюдать субординацию.

Я взбежал по ступеням, подошел к Арахне и неловко коснулся ее синюшного острого плечика.

— Ну-ну...

Арахна еще громче заплакала.

— Слушай, ну не надо так! Я теряюсь, когда женщин-то плачущих вижу, а уж что делать с плачущими богинями, вообще ума не приложу! — искренне признался я. — И гадюк твоих

не так уж и жалко, и ноги твои не такие уж некрасивые...

Арахна зарыдала в три ручья, закрыв лицо руками.

— Значит... они правда страшные?.. — сквозь плачь и всхлипывания проговорила она.

Твою ж за ногу, Даня, ты — дебил! Успокойл, называется!

— Да кто тебе такое сказал-то? У тебя нормальные, вполне себе паучьи ноги! Даже чуточку стройней, чем были! — попытался я исправить ситуацию, используя женский понятийный набор.

Арахна перестала плакать. Полными слез глазами она посмотрела на меня и проговорила.

— Стройней?.. Значит, все мои остальные ноги... толстые?..

Я моргнул.

Потом моргнул еще раз, охреневая от логической цепочки в голове этой паукоженщины и пытаюсь в форс-мажорном режиме сообразить, чего теперь делать.

— Послушай меня, — сказал я с самым серьезным и даже строгим видом. — Ты у нас кто? Древняя богиня, Арахна! А значит, все твои ноги, руки и все остальное — они божественны! Понимаешь?

Арахна всхлипнула.

— Ты правда так думаешь?

— Я это знаю.

Ее тощие руки с неожиданной силой обняли меня вокруг пояса.

— Какой же ты хороший, Даня — не — жрец! Вот только сердцем чувствую — отобьет тебя у меня эта сука Флора...

— Это очень вряд ли, — хмыкнул я, погладив ее по голове.

Длинные волосы Арахны были в ужасном состоянии. Судя по всему, она их не расчесывала со времен битвы. А может, даже еще дольше.

— Она на тебя глаз положила, и не отступится, пока не сделает своим служителем, — ответила паучиха, выпуская меня из своих объятий. — Ты для нее — как диковинная комнатная собачка.

Я насторожился.

— Почему? Она знает, что я из другого мира?

— Она думает, что ты — отпрыск одного древнего рода, представители которого умели скрывать свою магию. Магистр Ян во время твоего выступления на арене сделал все, чтобы многие так подумали. Ну и эта корова оказалась в их числе.

Я присвистнул.

— Ах вот оно что.

— Так нужно же было как-то прикрыть появление обрезка на арене!

— Логично. А что будет, если вдруг представители этого рода явятся к нему и заявят, что я им не брат и не сват?

— Чего? — протянула Арахна. — Да Яну плевать, кто и что там требует. Да и являться-то некому — весь род был вырезан под корень по приказу короля.

Я невольно кашлянул.

— Так, погоди... Получается, я теперь якобы потомок опальной семьи, приговоренной к уничтожению самим королем?..

— Да расслабься ты, — небрежно пожала плечами Арахна. — Король-то давно сменился. Так что тебе ничего не угрожает...

У меня от сердца немного отлегло.

— ... к тому же, в тебе теперь подозревают истинного грифа. И если это окажется правдой, поверь, король в тебя зубами вцепится...нет, не делай такие глаза! Вцепится не в том смысле, что прибьет, а что не упустит. Такому воину цены не будет, Даня.

— Почему?

— Что «почему»? — не поняла Арахна.

— Хоть ты можешь мне рассказать, в чем ценность истинного грифа? Мне ведь никто ничего толком не объясняет. Я только знаю, что это какой-то кривой маг, которому нужно тренировать физическое тело, чтобы обрести магию.

Арахна вдруг кокетливо откинула назад копну нечесанных волос и звонко расхохоталась.

— Серьезно? Это все, что ты знаешь об истинном грифе? Ну-ка сбегай вон туда, к большому факелу. Видишь там сундук? В нем хлеб и вино. Пиво пошло бы лучше, но тут уж ничего не поделаешь: эль твой я давно уговорила. В общем, неси винишко, и я тебе истину рассказывать буду!

И я отправился за вином, решив про себя, что непременно раздобуду денег и пожертвую Арахне и пива, и пару красивых гребней с зеркалом в придачу. А то ходят некоторые, понимаешь. Кто с хлебом, а кто вообще с влажными фантазиями к покойницам... А она ведь хищница, да еще и женщина к тому же.

Когда я вернулся с двумя бутылками вина, Арахна уже разложила свои паучьи ноги на ступеньках, ведущих к трону, и выжидающе глядела на меня. Я быстро откупорил ей одну бутылку и осмотрелся вокруг в поисках чего-нибудь похожего на кубок.

— А куда налить-то?..

— Ой, да не будь ты ханжой, — отмахнулась Арахна и забрала у меня всю бутылку и безо всяких божественных заносов отхлебнула прямо из горла.

Я присел рядом, и беседа наша потекла живей и радостней.

— Видишь ли, мой смертный друг, — начала мне объяснять паучиха. — каждому из людей этого мира изначально дается источник магической энергии. Ну, или почти всем. У кого-то он размером с воробьиную гузку, а у кого-то — целый фонтанище. И вот на протяжении всей жизни люди обучаются брать из этого источника энергию и использовать в своих целях. Хорошим воином считается тот, кто имеет хорошие магические данные и кто научился использовать свои возможности по максимуму. Но понимаешь, какая штука...

Она прильнула к горлышку бутылки, сделала несколько больших глотков вина и сморщила нос.

— Фу, сладость-то какая... А ты чего не пьешь? Открывай свою бутылку. Собеседникам нужно хмелеть одновременно, или уже не пить вовсе.

Резон в ее словах определенно был. Я кивнул головой, откупорил себе бутылку и тоже глотнул вина.

Оно действительно оказалось очень сладким и густым, но совсем недурственным.

— Так какая штука?

— А такая, Даня, что никто не может изменить в себе источник. И если ты родился с воробьиной гузкой в душе, то как ни старайся и как ни учись, в жопу Флоры она не превратится. Другими словами, у любого человека с самого рождения определен максимальный предел развития. Но истинный гриф — это другое. Совсем другое!

Она сделала еще один глоток и поставила бутылку рядом с собой.

— ... У него, в отличие от остальных людей, источник представляет собой

многослойное зерно. И по мере укрепления духа и тела его зерно приобретает новые слои. Так свечка превращается в большой костер, большой костер — в большой пожар, а большой пожар — в извержение вулкана. А самое интересное заключается в том, что предела этому росту не существует.

До сих пор я внимательно ловил ее каждое слово, но тут не удержался.

— Круто!

— Да не то слово, — хмыкнула Арахна. — Вот только до сих пор никто это чудо природы в глаза не видел.

— В смысле?..

— В смысле есть только одна безумная теория одного безумного мастера магии и древний миф о человеке, который якобы обладал таким же источником. Ну и теперь есть ты, — улыбнулась она мне, наматывая спутанную прядь своих волос на тонкий пальчик. — Конечно, если ты на самом деле — гриф.

Я маханул вина. Потом задумчиво потер заросший подбородок и покосился на лукаво улыбающуюся богиню.

— И как же это определить? Ведь должен же быть способ, — спросил я у Арахны.

— Ой, ну как же. Время, тренировки, и все такое, — протянула Арахна, хитро поглядывая на меня. — И со временем то, что даже боги с трудом могут разглядеть, станет очевидным для всех.

— Но на такую проверку могут уйти годы, — прищурился я. — А нельзя как-нибудь побыстрее?

Арахна тихонько рассмеялась.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь? По-твоему, я похожа на ваших наставников?

— Думаю, все наставники на свете предпочитают традиционные методы обучения. А мне очень нужно... что-то альтернативное. И почему-то мне кажется, что одна великая и мудрая богиня определенно может помочь. Если, конечно, захочет.

— Ой ну ты скажешь тоже, — хихикнула богиня, и по выражению ее лица я мгновенно понял, что попал в яблочко. — Великая, мудрая... Насыпал тут комплиментов — лопатой не разгребешь.

— А надо разгребать? — улыбнулся я.

— Да нет, раз уж насыпал, — рассмеялась Арахна. — Пусть лежат себе, мне нравится. Давай выпьем?

— Давай, — поддержал я. Мы стукнулись боками пузатых бутылок, как старые друзья-алкоголики и отпили сладкой пьянящей жидкости.

— Хороший ты, Даня, — мечтательно проговорила Арахна. — Даже жалко, что смертный. Был бы ты богом — я б с тобой, может, роман закрутила. А так — только привяжешься-разохотишься, а тебе уже в гроб пора...

Хорошо, что в этот момент мне не пришло в голову плоточек сделать. А то подавился бы, как в анимашке.

Роман с Арахной... Я даже представлять себе не хотел физиологическую сторону такой радости.

— Да уж, — пробормотал я. — Как по мне, быть приятелями — это вот как-то... надежней, что ли, — подобрал я самое осторожное определение, какое только мог придумать.

— Согласна, — благосклонно кивнула паучиха. — Так о чем мы там говорили?..

— О коротких тропах.

— Ах да...

Она подняла свою бутылку двумя руками и присосалась к ней, как младенец к материнской груди. Тонкие струйки густого вина потекли из уголков ее рта к острому подбородку.

Опустошив бутылку, она покосилась на меня с хмельной кривоватой улыбочкой и протянула:

— Ты уверен, что хотел бы попробовать?

Черт возьми, а разве возможен другой вариант? Кто откажется вместо долгого размеренного восхождения попытаться прыгнуть далеко вперед?

— Конечно. Что я должен сделать?

Улыбка Арахны вдруг стала зловещей. Клыки вытянулись, как у дикого зверя, острое девичье личико начало искажаться, превращаясь в морду чудовища.

— Ты должен выжить! — прогромычала она, разрастаясь на глазах. Ее лапы вытянулись, щетинистые колени поднялись выше моей головы, паучье тельце раздулось.

Но самая страшная метаморфоза произошла не с паучье, а человеческой половиной. Тело Арахны стало большим и широким, как у раздутого на стероидах качка. Мускулы на руках бугрились, пресс и грудные мышцы проступили так рельефно, что женская грудь на их фоне смотрелась как два нелепых соска на мужиковском торсе. А на толстой шее, вставленной глубоко в плечи, возвышалась уродливая человекоподобная голова с выпученными красными глазами и незакрывающимся клыкастым ртом.

Я отпрянул, выпучив глаза. Перемена была такой внезапной, что я даже не успел ее толком осмыслить, как вокруг меня начала обматываться толстая белая паутина, похожая на перепачканную в меду бельевую веревку. Арахна вытягивала ее у себя изо рта человеческими руками и набрасывала на меня паучьими лапами. Паутина намертво прилипала к одежде и к коже, наматываясь слой за слоем с такой скоростью, что уже через мгновение я оказался спеленатым по рукам и ногам.

Вот только по ощущениям эти «пеленки» были смочены кипящим маслом.

— Эй, ты что?!. — закричал я, чувствуя, как на коже вспыхивают и разрастаются ожоги один за одним. — Ты что делаешь?!

— Я делаю тебе одолжение, — ответила Арахна, продолжая оплетать меня коконом. Белые нити превращали меня в веретено, приклеенное к лестнице. — Ты же хотел попробовать короткий путь. А короткие пути, Даня — не — жрец, всегда проходят по острию смерти. Разве ты не знал?

— Твою мать... — прохрипел я, изо всех сил стараясь не заорать.

Моя кожа будто бы лопалась на мне, вскипая пузырями.

— Теперь есть только два варианта, — заявила Арахна. — ты или превратишься в кусок вкусного и сочного желе для моего желудка, или станешь явным истинным грифом и разорвешь мои пути. Потому что без определенного уровня магической силы пищевую паутину Арахны ни разорвать, ни разрубить нельзя.

Нить в руках моей мучительницы иссякла — паучиха замотала меня в плотный кокон, оставив свободной только голову.

— А-аа! — сорвался я на крик, пытаюсь превозмочь боль, от которой плавилось сознание.

Перед моими глазами яркими вспышками вставали жуткие картины плоти, изъеденной кислотой. Будто в мою голову на каких-то частотах пробивалась прямая трансляция переваривания моих ног и рук.

— Слушай... Может, как-нибудь в другой раз попробуем? — взмолился я, в то время как мой внутренний ютуб транслировал красочную видюшку с облезавшей, как ошпаренный помидор, задницей.

И, к сожалению, задница эта была моей.

Арахна между тем «сдулась» в уже привычное мне щупленькое тельце с мохнатыми ножками. Небрежным жестом она подхватила мое недопитое вино, понюхала горлышко и сделала пару глотков.

— Не-а, — отозвалась она, вытирая тонким запястьем алые капельки с губы. — Не получится. Если я сейчас с тебя пищевую паутину сдерну, то только вместе с кусками твоего мяса. А насколько я знаю, смертные в виде костей обычно не живут... И вообще, хоть бы спасибо сказал! Я же по твоей просьбе это сделала, хотя сердце кровью обливается, — вздохнула она с такой искренней печалью в голосе, что не будь мне так больно, я бы, пожалуй, рассмеялся. — Не хочу я тебя есть. Но если уж придется... Не в землю же пищу закапывать, это ж глупость какая. Ты же не обидишься?..

Она спросила об этом с таким трогательным личиком, будто о куске торта.

«Можно я доем? Ты же не обидишься?»

Ну конечно нет, дорогая. Кушай на здоровье, тем более мне-то при таком раскладе уже будет не до обид.

— Ну скажи, не обидишься?.. — снова повторила Арахна, приблизившись ко мне. Она вытянулась на своих ножках вверх и жалобным взглядом заглянула мне в перекошенное лицо. — Пожалуйста, мне это очень важно — ты же мой друг!..

Нет, она могла довести меня до смеху даже сквозь пипец какую боль.

Хмыкнув сквозь стон, я проговорил.

— Если я сдохну, жри меня со спокойной совестью! — проговорил я.

Арахна шмыгнула носом, ткнулась синюшными губёшками в щеку.

— Ох и хороший ты, Даня... Пойду я, наверное, посплю. Ты только резко не вскрикивай, ладно? Не люблю этот звук. А вот постанывать можешь, — снисходительно разрешила Арахна. — От этого я не просыпаюсь. Наоборот, даже спится крепче.

Не дожидаясь моего ответа, она прошуршала лапками по мрамору, подползла к ближайшей колонне и взобралась по ней на самый верх. Потом протянула золотистые нити через все святилище и в считанные секунды сделала себе подобие гамака, в который и завернулась.

А я, стиснув зубы, с трудом перевел дыхание.

Положение мое было, прямо скажем, незавидное.

Что ж, Даня, хотел пройти коротким путем? Получай! Исполнено!

Теперь чего напек — то и кушай.

Или скушают тебя.

Наверное, логичней всего в такой ситуации было бы материть восьминогую богиню, каяться в грехах и готовиться к смерти.

Но, как ни странно, Арахну я ни в чем не винил.

Да и вообще. Она сказала, прямо здесь и сейчас я могу стать явным истинным грифом.

И тогда больше никто и никогда не назовет меня «обрезком». Я гордо подниму голову...

— А-аа! — вырвалось у меня из горла против воли.

Так, на чем я там остановился? Ах да. Короче, я подниму голову, расправлю плечи и гордо скажу им всем в лицо...

— Бл*ть!!! — выкрикнул я в ночную тишину вновь захлестнувшую меня боль, пугая ночных птиц.

Арахна пробормотала что-то себе под нос, шевельнула ногами и продолжила спать, как ни в чем не бывало.

Я шумно выдохнул и закрыл глаза.

Чего там говорила Майя?

Храм души. Надо найти, мать его, храм, моей, мать ее, души!

А в моей голове между тем продолжалось кино — десяток внутренних мониторов в режиме он-лайн транслировали жуткие волдыри, кровавые трещины на коже, белеющее мясо на ребрах...

Хрен с ним.

Пусть так. Допустим.

Допустим, моя душа — это кинотеатр. Ну или куча мониторов, где транслируется всякая жесьть.

И где-то тут есть сокровищница.

Или что-то в этом духе.

Если я это «что-то» найду, я смогу усилить свое тело и, если повезет, в целом повлиять на его состояние.

И на ощущения — тоже.

Я смогу победить боль.

Я должен.

Для начала нужно выкинуть из головы это дурацкое кино. Потому что я не хочу смотреть на то, как кислота паутины разъедает мою кожу и мясо. Не хочу — и все!

Стиснув зубы, я сосредоточился на внутреннем зрении, стараясь не обращать внимания ни на что другое.

Это так же просто, как вслушиваться в слова звучащей с улицы песни, когда тебе на живот поставили горячий утюг.

Но вдруг жуткие картинки в моем мозгу отключились.

Я провалился в ватное полубредовое состояние, и в моей голове на ускоренной перемотке кто-то включил всю мою жизнь.

Со стороны я видел ковер на стене в детской, большую пожарную машину и руки деда, видел школу и поцелуй девочки Леры под новогодней елкой у метро.

А потом скорость перемотки стала еще быстрее. Множество одинаковых кадров. Вот мое студенчество, вот моя работа, машина, квартира — все тусклое какое-то, выцветшее...

Самолет...

Черная мгла в воздухе.

И тут поток кадров остановился.

На фоне черного нечто, надвигающегося на наш самолет, я отчетливо видел прозрачный профиль, как если бы с той стороны иллюминатора сидела стеклянная женщина, немного склонив голову.

Почему до сих пор я не вспоминал об этом видении?

Это ведь было потрясающее зрелище: прекрасное женское лицо и абсолютная

катастрофа, которую я мог видеть сквозь него.

Призрак медленно повернулся ко мне, улыбнулся и потянулся ко мне сквозь стекло.

И тут на мгновение лицо потеряло прозрачность и стало живым.

Я видел темные волосы, большие голубые глаза, крупный рот с маленькой темной родинкой под нижней губой и серьги в форме дисков, усыпанные по кругу драгоценными камнями.

А потом улыбка призрака мягко коснулась моих губ, оставляя ощущение тепла...

От этого воспоминания я вздрогнул и будто очнулся ото сна.

Но на самом деле я вовсе не проснулся, а наоборот, погрузился на какой-то еще более глубокий уровень забытья. Или провалился в даркнет своего сознания.

Святылище Арахны, паутина, боль, шум ветра в листве — все это исчезло. Остались только коричневато-рыжие сумерки, будто я находился в пещере, освещенной факелом.

А у моих ног светился крошечный серебристый огонек размером со спичечную головку.

Я понял сразу: это и есть мой источник магической энергии.

От радости у меня аж в зобу дыханье сперло. Я присел рядом с ним, желая получше разглядеть, и тут меня охватило странное ощущение, будто сердце внутри меня стало увеличиваться.

В глазах помутилось. В груди стало тесно. Вдох мне никак не давался — внутри моего тела для воздуха не осталось места. Голова закружилась, и я не то закричал, не то зарычал, пытаюсь совладать с ощущением, что меня вот-вот разорвет на куски...

И тут, наконец, я очнулся по-настоящему.

И обнаружил себя в святылище Арахны среди обрывков окровавленной паутины, а над моей головой ослепительно сияло полуденное солнце.

Я был почти голый — от всей моей одежды остались только дырявые сапоги, уплотненный гультфик, ремень на поясе и горловина от ученической куртки. На коже вместо ожогов розовели свежие рубцы, но даже если бы я был покрыт волдырями и ранами, я бы вряд ли расстроился.

Потому что я больше не был обрезком.

Мир вокруг вдруг заиграл новыми красками!..

Я распахнул руки, готовый обнять весь этот новый мир и радостно засмеяться от переполняющего меня счастья, как вдруг за спиной услышал яростное шипение Арахны.

Обернувшись, я увидел на ступенях ощерившуюся паучиху — и Яна с обнаженным мечом в руке.

Глава 21. Гадости и сладости

Я посмотрел на Яна, потом — на разорванную паутину с белой дымкой. И снова на Яна...

— Твою ж мать! — громогласно выругался я, готовый разбить или сломать что-нибудь от досады.

Еще немного — и я мог бы преодолеть рубеж! И тогда под этим солнцем стоял бы уже не Даня-обрезок, а Даня-истинный гриф!

Столько муки, столько усилий — и все впустую? И только потому, что моему магистру пришлось в голову спасти меня?

Ян и Арахна, услышав мой возглас, дружно повернули ко мне головы.

— Слава магии, очухался! — воскликнул Янус. — Собирайся, похищенная королева.

Домой пора. А то, понимаешь, повадился утреннюю тренировку прогуливать...

— Тебе это так просто с рук не сойдет, — угрожающе прошипела Яну Арахна.

— Чё ты там бормочешь? Скажи громче, не слышу! — потребовал Ян, делая шаг к Арахне.

Паучиха попятилась.

В происходящем было что-то очень неправильное. Как вообще смертный человек может угрожать богине?

Даже если он сильный маг.

И, что удивительней всего, Арахна его боялась.

Она поджала мохнатые лапы и вдруг резко метнулась ко мне.

И в то же мгновение Ян оттолкнулся от мраморного пола, будто от батута. Прыжок — и он оказался прямо передо мной, наставив на замершую Арахну острие меча.

— Если ты сделаешь еще хоть одно резкое движение, кроме змеиных шкур здесь будет вялиться еще и маленькая, жалкая паучья тушка, — сказал Ян. — Позорная смерть для богини, ты не находишь?

— Ян, да я сам попросил, чтобы она помогла мне как можно быстрее вырасти! — вступился я за Арахну.

— Насчет твоей дурачности мы позже поговорим, — хмуро заявил мой магистр.

— Пожалуйста, опусти меч, — взмолился я, всерьез испугавшись за свою гореподругу. — Она ни в чем не виновата!.. А вот ты испортил мне все превращение!

— Превращение во что? В питательное желе? В следующий раз лучше помолчи, когда взрослые разговаривают! — прикрикнул на меня Ян.

Несколько мгновений они с Арахной смотрели в упор друг на друга, пока паучиха медленно не отступила. Чудовищная личина сдулась, превращаясь обратно в привычный мне хрупкий облик.

Ян убрал меч.

Потом подтолкнул меня в плечо, и мы двинулись из святилища в лес.

Ян молчал, сердито похрустывая ветками под подошвами. Потом махнул рукой в заросли кустарника.

— Туда! — скомандовал он. — Там кони.

Я хмуро подчинился.

Усевшись верхом, мы двинулись в сторону портала.

— Злишься, что помешал? — с кривой усмешкой спросил, наконец, Ян.

— Есть такое, — честно ответил я.

— Ну и зря. Если бы не мое вмешательство, через пару часов твоя плоть уже не подлежала бы восстановлению. Совершить прорыв, как ты говоришь, может ты и успел бы. Но вот вдоволь порадоваться ему — это вряд ли.

— Да я уже в шаге был от него, когда ты все прервал! — проворчал я.

— А еще восстановил твои икры, бедра и мясо на ребрах, потому что когда я вскрыл кокон, они были уже полупрозрачными, — хмуро сообщил Ян.

— В смысле?..

— В смысле, практически готовыми к употреблению. Понимаешь, Даня, водить дружбу с богами нужно очень осторожно и никогда не забывать, кто они и кто ты. То, что для них — забавы, привычки и свойские потасовки, для человека может оказаться смертельным. Некоторые из из богов простым пьяным хлопком по плечу могут переломить тебе хребет.

Потом они могут очень даже расстроиться из-за этого досадного обстоятельства, но тебе уже будет все равно. И что касается Арахны, похоже, она действительно не хотела тебе зла, иначе на паутине кроме кислоты был бы еще стекленеющий яд. Но даже так ничто не помешало бы тебе умереть в ее коконе. А к гибели смертных боги по большей части относятся, как ты — к осеннему увяданию листвы. То есть жалко, конечно, что лето кончилось, но таков порядок вещей. Потому что когда твоя жизнь насчитывает тысячи лет, даже крепкая дружба длиной в человеческую жизнь превращается в приятную мимолетную встречу. Ясно тебе?

— Ясно, — буркнул я.

На самом деле он говорил вполне справедливые и логичные вещи, но все равно мне было огорчительно их слышать.

— Вообще нам бы в школу побыстрее вернуться. Ты сможешь галопом-то без членовредительства? — поинтересовался Ян, с ухмылкой поглядывая на мои штаны пикантной конфигурации.

И это он еще не знает о горделивом въезде на тренировочную площадку, когда я с березой обнялся до звона в ушах.

— Справлюсь как-нибудь, — храбро ответил я. — И это... Спасибо, что выручил.

Магистр кивнул.

— На здоровье. А вообще давно надо было эту наглую тварь на место поставить. В последнее время совсем уже... Это ж надо — явилась непрошено в мой дом и нагадила, как поганая крыса! Не на того напала...

Тут я вспомнил перекошенное лицо Арахны и ее испуганное шипение.

— Ян, она ведь бессмертная богиня. Так? — спросил я.

— И что теперь, пусть вламывается в чужие карцеры и чужих учеников ворует, что ли? — нахмурился Ян.

— Нет-нет, речь не о том, — поспешил я его успокоить.

— А-а, — примирительно протянул Ян. — А про чего тогда?

— Про ее страх. Она ведь боится тебя.

— И правильно делает, что боится, — фыркнул Ян.

— Богиня правильно делает, что боится смертного?.. — спросил я, приподнимая бровь.

У Яна на лице не дрогнул ни один мускул. И он равнодушно ответил:

— Богиня богине рознь. Да и смертные не все одинаковы. Но как бы то ни было, не стоит болтать о том, что сегодня случилось в ее святилище. Понял?

— Понял, — вздохнул я. — Знаешь... Я не уверен, что когда-нибудь освою все эти премудрости. Боги, люди, магические источники...

— Придется, если хочешь выжить.

— А может, проще найти способ вернуться обратно? — предположил я. — Ведь если есть ритуал, связывающий наши миры...

Ян покачал головой.

— Не хочу тебя расстраивать, но это так не работает. Есть принцип недостижимости горизонта миров. Иными словами, человека из донорского мира перенести сюда можно. Но вернуться из нашего мира обратно в донорский нельзя.

— Но это же нелогично, — возразил я. — Если я откуда-то вышел, значит, я могу и обратно войти?

— Да ладно! — усмехнулся Ян. — Все мы вышли из места, в которое назад не забраться.

По крайней мере, целиком. А теперь давай-ка ускоримся? А то с этими разговорами мы до ночи добираться будем.

Он толкнул ногами своего жеребца, и тот сначала зарысил размашистой иноходью, а потом перешел в галоп.

Я тоже стукнул пятками своего коня, и на бойкой рыси уже через пару минут осознал, до чего же неудобно истлели мои штаны.

Раньше мне как-то не приходилось задумываться о том, сколько на лошадиной амуниции жестких швов. А теперь я с легкостью мог их все пересчитать голыми ляжками.

Короче, когда мы, наконец, добрались до школы, сидеть на собственной заднице мне удавалось с трудом.

В ворота мы въехали эпично — я, весь розовый от недавних ожогов, дырявых сапогах и в кожаных недотруселях с ремнем, будто только что сбежал из гачимучи, и Янус на жеребце, который, по всей видимости, очень стеснялся справлять нужду вне дома и очень обрадовался, наконец-то почуяв родные пенаты.

Под нами зажурчал Ниагарский водопад, а тем временем с парадного крыльца на нас смотрели Майя, инструкторы младших учеников в полном составе — и еще целая делегация рыцарей в цветных плащах, среди которых особенно выделялся седой пузатый дядька в белоснежном камзоле и с золотой лентой через плечо. Лица гостей медленно вытягивались, глаза расширялись, брови заползали все выше на лоб...

Ян тихонько присвистнул.

— А вот и королевская проверка пожаловала, — негромко проговорил он. — Очень вовремя. Прямо идеально.

Без малейшего смущения он соскочил с коня прямо в образовавшуюся лужу, сунул мне поводья и быстро шепнул:

— Скажи Леандру, чтоб спрятал Нику! Если ее найдут, жопа будет.

И, развернувшись к делегации, гостеприимно распахнул руки.

— Смотритель Каллистрат! — громко и празднично воскликнул он. — И снова вы? Подумать только!

— Я тоже рад вас видеть, магистр Янус, — подал голос старик с золотой лентой, демонстративно прикладывая к лицу белоснежный платок. — А то мы уж и не чаяли!

— Так должность у меня нештабная, смотритель! Не только за бумагой, а и за людьми приглядывать приходится.

— Гляжу вон, некоторых аж до дыр заглядели! — со смехом отозвался старик, глядя в мою сторону.

Его свита довольно зазубоскалила над остроумным замечанием начальника, как стая гиен.

И вдруг из-за спины одного из понаехавших рыцарей выглянуло очень знакомое мне лицо.

Ленка?

А я тут в образе мастера джима?..

Она протолкнулась немного вперед, демонстрируя мне свое облегающее черное платье с глубоким вырезом, алую накидку на плечах с бриллиантовой брошью на плече. Ее лицо, над которым возвышался целый дом из волос, выражало преувеличенное изумление, а губы сложились в брезгливо-улыбчивую гримасу.

У меня аж скулы свело.

Вот с-сука...

Что вообще она здесь делает? И какое отношение имеет Ленка к королевской проверке?

Она с усмешкой поправила несуществующую прядь на виске, сверкнув перстнями на белой руке — вот, мол, видал? Выкуси, голодранец позорный.

И мне ничего не оставалось, кроме как надменно вскинуть голову, точно был увенчан лавровым венком победителя, а не кожаными трусами мэйд оф Арахна, громко приветствовать высоких гостей и как ни в чем не бывало проехать мимо них, уводя за собой коня Яна.

Спешиваться при ней я бы не стал даже под страхом смертной казни.

Добравшись до конюшни, я с трудом отклеил от седла растертую в мясо задницу и походкой паука поковылял на кухню, стараясь побыстрее переставлять ногами.

— Леандр! — прохрипел я, ворвавшись с улицы прямо в сладкие и сдобные ароматы свежей выпечки. — Леандр, а где Ни...

Мой взгляд упал на незнакомую спину, загораживающую проход к очагу, и я мгновенно «переобулся».

— ...и-итки, которые я тебе давал? — на ходу придумал я, не сомневаясь в сообразительности бывшего босса.

Гость обернулся.

Он был худощавым, с вытянутым узким лицом и хищным крючковатым носом. А еще я сразу обратил внимание на его меч — он был короткий, круто изогнутый и такой же хищный с виду, как нос его владельца.

Леандр со странным выражением лица взглянул на меня, отвлекшись от листа бумаги, в котором что-то писал.

— Извини, я думал, ты один, — сказал я, обращаясь к Леандру, и тут же вежливо кивнул рыцарю. — Доброго дня. Если это имеет значение, рад сообщить, что магистр Янус только что прибыл в школу.

Я понимал, что моя вежливость никоим образом не заменит отсутствие штанов, но надо же было как-то выкручиваться.

Рыцарь фыркнул, смерив меня брезгливым взглядом.

— Это еще кто?.. — процедил он.

— Это мой помощник, господин, — поспешил ответить за меня Леандр. И подняв взгляд от бумаги, как бы между делом сказал: — А нитки отнесли к тебе в комнату. Только, боюсь, зашивать тебе уже нечего, так что переодевайся быстрее и возвращайся, будем готовить ужин для наших гостей.

Я просиял, закивал головой и поспешил в свою каморку.

Стоило мне толкнуть дверь, как что-то с грохотом ломанулось от порога в глубь комнаты.

Кошки, блин.

— Да я это! Не ломай мебель, у меня ее и так немного, — сказал я.

Стоило только мне очутиться внутри, как Ника прильнула ко мне всем телом с громким и уютным урчанием.

— Испугалась? — спросил я, запуская руки в кудрявую шевелюру в поисках плюшевых ушек.

— Мррррр... — ответила Ника, потираясь об меня волнующими изгибами своего совсем не кошачьего тела.

— Тише ты, трактор, — тихо рассмеялся я. — Давай-ка куда-нибудь в уголок и отвернись, мне переодеться надо...

И тут я услышал за дверью чьи-то шаги.

Накинув на Нику одеяло со своей постели, я толкнул ее на пол в дальний угол, будто кучу грязного белья, и рывком стащил с себя штаны.

В конце концов, мне уже терять нечего, я и так опозорился по полной. А вот Ника, да и Ян вместе с ней, судя по всему, могли потерять немало.

Дверь распахнулась, и на пороге я увидел Ленку, за плечом которой маячил один из рыцарей.

Лена демонстративно охнула и тут же закрыла дверь, как будто увидела что-то такое, чего до сих пор и знать не знала.

Я натянул белые штаны и рубаху, в которых работал на кухне, сунул ноги в целые сапоги, оставшиеся у меня после Ям, и вышел из комнаты.

Оскорбленная невинность, сверкая бриллиантами, поджидала меня снаружи.

— Какая внезапная встреча, — насмешливо протянула она на уже слегка подзабытом, русском языке.

— В моей-то спальне? Вот уж действительно внезапная, — угрюмо буркнул я.

Она сложила губы в утиный клюв и снисходительно проговорила.

— Я пришла сказать тебе, что могу похлопотать за тебя. Все-таки мы не совсем чужие люди. А то как-то жизнь у тебя сложилась совсем уж... удручающе. Даже смущаюсь спрашивать, в какой ты тут должности.

— В нормальной я должности, меня все устраивает.

— Какой же ты... смешной, — противно улыбнулась она. — Взгляни!

Она протянула мне свою унизанную перстнями руку. — А ведь были времена, когда я упрашивала тебя купить мне одно-единственное кольцо! Забавно, правда? И кстати...

Она прищурила свои густо подведенные глаза, и в черных зрачках блеснул оранжевый огонек.

— ... Мне кажется, или в тебе появилась какая-то магия?..

К счастью, отвечать мне не пришлось.

— Я прошу прощения, — раздался из-за ее спины звонкий и жесткий, как медь, голос Майи. — Но что вы здесь делаете?

Ленка нехотя обернулась. Ее сопровождающий недовольно нахмурился.

— Я? Я просто гуляю.

— Эта часть территории не очень подходит для прогулок, госпожа. В особенности, для дамы. К тому же вас ищет господин Каллистрат.

Ленка бросила недовольный взгляд на Майю, но все-таки направилась обратно к главному корпусу.

Проводив ее долгим взглядом, Майя негромко спросила:

— Что ей было нужно от тебя?

— Понятия не имею, — вполне искренне ответил я. — Кто она?..

— Точно не знаю, но Каллистрат тискает ее за талию и называет «моя милочка», — хмыкнула Майя.

— Ясно, — мрачно проговорил я.

— Ян велел тебе передать, что на сегодня с тебя снимаются все ученические обязанности и ты поступаешь в полное распоряжение Леандру. Господин Каллистрат —

большой любитель десертов, так что бедный старик упарится в одиночку готовить все эти изыски.

— Да, я понял. И кстати, где Та'ки?

Майя с тяжелым вздохом подкатила глаза.

— О, это еще та история! Твой любезный наставничек так обожрался сегодня с утра, что когда к нам нагрянули внезапные гости, пришлось от греха подальше подпоить его поверх дурмана до отключки и по-тихому оттащить в сено за конюшню, пока какое-нибудь представление перед начальством не устроил. Правда, в итоге вместо Та'ки выступили вы с Яном, и вполне себе справились, — заявила девушка.

В ее голосе я слышал скрытую обиду. И я не мог сейчас точно понять, обижается она на меня за выходку на этом самом крыльце или за случившееся на тренировке.

— Слушай, Майя... — сказал я. — Ты извини, что так получилось с подземельем. Мы не хотели тебе нагадить, честно. Просто так получилось.

Девушка глубоко вздохнула.

— Да ладно, сама виновата. Хреновый из меня наставник.

— Нормальный из тебя наставник, — возразил я.

— Чего это ты вдруг? — нахмурилась Майя.

— Твои инструкции по поиску сокровищницы магии в храме души — они ведь действительно работают.

— Да ладно! — с искренним удивлением проговорила Майя. — У тебя получилось? В самом деле? Ты смог отыскать свою магию?

— Да, — улыбнулся я.

— Поэтому ты явился, будто с пожарища? У тебя случилась вспышка магии?..

Я улыбнулся.

— Типа того. А сейчас мне надо по-быстрому ополоснуться с дороги и на кухню бежать лепить пирожные. Нельзя оставить проверяющих господ без десерта!

И я потопал к бане — так быстро, как только мог.

Греть воду мне было некогда. Раздевшись догола, я закусил губу, чтобы не заорать, и выплеснул на себя пару ведер ледяной воды. Потом насухо вытерся и более-менее чистый отправился к Леандру, которому без сноровистой помощницы, должно быть, приходилось на кухне туго.

А на подступах к нашему местному храму сытого желудка я почувствовал устойчивый и горький запах. Из открытого окна кухни валил дым.

Я рванул по ступеням, как на крыльях, мгновенно позабыв о всех своих недугах. И, влетев на кухню, увидел сквозь белый густой туман силуэт Леандра, с отчаянной бранью склонившегося над дымящимся противнем с угольками.

— Что случилось?! — воскликнул я.

— Задумался... О кошках задумался, подай им боги здоровья, и вот! И с чем сейчас чай наши гости пить будут?.. — с мукой в голосе отозвался Леандр.

А в раскрытое окно со стороны конюшни вдруг донеслось:

Говори-и-ила мне мать,

Девкам нехер доверя-ять,

Они — твари и паскуды,

бросят в сено помира-аать!

Ой ты пой, моя душа-а-а,

За душою ни гроша-а-а,
Зато есть сарай дурмана,
но не дам вам ни шиша-а-а!

Мы с Леандром переглянулись.

— Королевская проверка будет в восторге, — пробормотал я.

Глава 22. Как фанера над Парижем

Как и следовало ожидать, после всего случившегося высокие гости в школе не задержались.

Мы даже не успели вытащить из печи пироги — выстраданные, замешанные моей криворукостью на отборной леандровской брани, как от Яна прибежал дежурный сообщить, что больше нет повода тратить наши нервы и дорогие продукты.

Больше никаких новостей не было, и в школе воцарилась выжидающая, недобрая тишина.

Ян не выходил из своего кабинета, Та'ки наконец крепко уснул где-то в кустах, а встревоженная обслуга переговаривалась между собой вполголоса даже на улице.

В положенное время все ученики, включая первогодок, вышли на вечернюю тренировку. И поскольку Нике больше не было нужды прятаться, она подменила меня на кухне, и я смог присоединиться к остальным.

Медитация проходила в полной тишине. Мы сидели четкими рядами и с хмурыми лицами делали вид, что усиленно работаем над «источником магии».

Но вся эта конспирация была шита белыми нитками, потому что никакого марева над головами не наблюдалось — мысли у всех, как ни крути, были заняты совсем другими проблемами.

Мои недавние сокамерники время от времени косились на меня: им явно не терпелось задать целую кучу вопросов.

А мне меньше всего на свете хотелось сегодня отвечать на них.

В голове кружились мучительные воспоминания о минувшей ночи, и о позорном утреннем шоу.

Твою ж мать...

Какую же суку я прикормил под своей крышей!

А ведь мы больше двух лет жили вместе, спали и жрали вместе. Я терпел ее истерики и платил по счетам. Я даже старался заботиться о ней... Единственное, чего я не собирался делать, так это жениться.

А теперь, когда трешка в Москве уплыла в закат вместе со всем остальным барахлом и деньгами, я ей стал демонстративно не нужен?

Ну что же, флаг тебе в руки, родная. Иди, куда хочешь. Или, верней, под кого хочешь.

Причем Ленка со своим интеллектом инфузории туфельки, похоже, так и не поняла, что опять прогадала — перстни-то на ее руках очень мало походили на обручальное кольцо. Да и кто в здравом уме будет жену или невесту называть «милочкой»?

От отвращения у меня аж зубы сводило, как от кислого яблока.

Это походило на то чувство гадливости, которое я испытал, увидев однажды на обоссанном бомже свое выброшенное на помойку пальто. То-то счастья ему привалило! Он весь светился от удовольствия и сладострастно причмокивал синими губами, оглаживая коричневыми лапищами свое новое сокровище.

А тут, блин, речь шла совсем не про пальто.

Чтобы не думать о Ленке, я начал думать о самой проверке и ее внезапном отъезде.

Но мысли о молчании Яна оказались еще страшней, и я поспешно отмахнулся от них, уставившись на сидевшую передо мной красотку.

Это была Майя, которую Ян лишил статуса подмастерья. Теперь она тренировалась наравне со всеми остальными, и я мог лицезреть прямо перед собой ее затылок с тугим пучком светло-русых волос и красивую спину. Спина была худая и прямая, как струна — словно в противовес угловатому и какому-то надломленному характеру ее обладательницы.

Я не понимал Майю. Но чувствовал нутром, что есть в ней что-то неправильное.

Она казалась надменной и самоуверенной, но при этом почему-то побоялась сказать про сестру. Доучилась до степени подмастерья, но готова прижиматься к обрезку, лишь бы что-то там выведать. Красивая, но не смотря на это ни один ученик или наставник почему-то не проявлял к этой красоте никаких поползновений. Когда я только пришел в школу, мне грешным делом показалось, что Майя имеет какие отношения с самим Яном, но сейчас даже вспоминать об этом предположении было смешно.

Так что с ней не так?..

Тут все вокруг меня как-то зашевелились и зашептались.

Я отвлекся от своих мыслей и тоже закрутил головой, чтобы понять, что происходит.

И увидел, что к тренировочной площадке энергичным пружинистым шагом идет Янус. В руке у него трепетал какой-то свиток с красно-коричневым плевком печати внизу.

Все напряженно уставились на магистра, и только Майя, вместо того, чтобы смотреть вперед, вдруг обернулась и метнула в меня строгий взгляд через плечо.

Ммм, бесталанный обрезок вдруг на мгновение стал тебе интересней, чем магистр с новостями? Приятно, однако.

Спрятав дурацкую самодовольную улыбку, я сконцентрировал все свое внимание на Яне.

Тот подвинул растерянного наставника, громко кашлянул и заявил:

— Так, слушайте все сюда. Королевская проверка постановила, что школа боевых искусств Терпения грифа преуспела только в наращивании ленивой жопы и отсиживании яиц, что, как мы знаем, отчасти является правдой. Отчасти — только потому, что, как мы знаем, не всем из вас есть чего отсиживать, но жопы имеются у всех, и с этим поспорить нельзя. В силу обнаруженных обстоятельств вот этим вот указом... — Ян помахал свитком, как флажком на демонстрации. — нашу школу отрывают от бездонной королевской сиськи, полностью прекращают государственное финансирование и, не побоюсь этого слова, опускают нашу школу в красный сектор на последнюю позицию...

Лично я из сказанного мало что понял, кроме того, что все плохо и денег на поддержание кабака у Яна больше не будет.

Но другие, видимо, неплохо ориентировались в позициях и секторах. Потому что их лица изменились. Кто-то выглядел растерянным, кто-то — взбешенным. Тишина взорвалась недовольным гулом. Ученики принялись подниматься на ноги один за одним, бормоча что-то про «права» и «закрытие».

— А ну заткнулись все! — рявкнул Янус, и от его рычания недовольное ворчание испуганно притихло. — Школа еще не распущена, и я до сих пор остаюсь ее магистром, так что обратно на землю все рухнули и слушаем дальше! Да, у меня больше нет золота, чтобы вас кормить, поить, оплачивать чистку сортира и стирку белья, а также содержать нанятых

инструкторов.

И если до зимнего турнира мы не получим двенадцать королевских наград за будь-оно-неладно служение мать его обществу, школа будет официально расформирована. Двенадцать — это если очень повезет и две другие школы, оказавшиеся в красном секторе, будут ровно сидеть на своих задницах, а не пытаться всеми возможными способами тоже послужить мать его обществу. Ну или нам с вами помешать это сделать. Потому что в этом случае ставки будут еще выше, поскольку только одна из трех школ будет допущена к турниру и получит право восстановить свое честное имя. Всем остальным выпишут ярлык неудачников на лоб и штраф за тунеядство и растрату выделенных на их обучение средств. Заявленная сумма штрафа равняется затратам государственной казны на содержание одного ученика в течении трех лет. А это не много, не мало, а полторы тысячи золотых.

Ученики охнули и громко зашептались.

— Чего вы там шуршите, как мыши под ковром? — разозлился Ян. — Есть вопросы — спрашивайте вслух! Нечего там...

— А у нас есть право покинуть школу? — спросил вдруг Януса здоровый прыщавый парень с лицом ребенка и пузом борова. И сидевшие рядом с ним ученики активно закивали головами, соглашаясь с вопросом.

Я изумленно приподнял брови.

Вот как? Значит, как жрать за счет школы — так все норм, а как жареный петух в булки клюнул, так сразу, как крыса, с корабля да на берег?

Бедняга Ян. Кажется, он тоже прикормил свою суку.

Или, верней, целую свору.

— Разумеется, — с завидной невозмутимостью ответил Ян. — Покинуть школу можно в любой момент. Причем до завтрашнего утра это можно сделать в живом виде на своих двоих или на выкупленной за двойную цену лошади из нашей конюшни. Оплату можно внести прямо сейчас нашему старшему конюху. Тем же, кто пожелает это сделать позднее, руководством школы предоставляется свободное место для обязательного погребения и ритуальные услуги совершенно бесплатно.

Брезгливо бросив последнюю фразу сквозь зубы, Ян развернулся, сплюнул себе под ноги и направился обратно к главному зданию.

И в то же мгновение тренировочная площадка словно взорвалась. Кто-то бегом бросился к конюшне, опасаясь остаться без транспорта. Кто-то метнулся за деньгами или нажитым барахлом к жилому корпусу, расталкивая попутчиков локтями. Некоторые пытались сохранить лицо и не бежали, а шли, но делали это с таким выражением, будто им очень приперло, но до клозета еще нужно как-то умудриться донести.

Не знаю, наблюдал ли за этим великим исходом Ян, и что он при этом чувствовал.

А мне почему-то было мучительно стыдно. Так и хотелось некоторых догнать и поддать хорошенько, чтобы увеличить скорость движения и траекторию подправить.

Хотя, казалось бы, мне-то чего стыдиться?

Очень скоро тренировочная площадка опустела. На ней остались только я, два моих собрата по первогодничеству, Майя, Камилла и еще трое парней.

Один из них был обезображен огромным ожогом почти на все лицо. Второй удивительным образом не имел вообще никаких особенностей внешности — серые волосы, серые глаза, обычное телосложение и самое простое, обыкновенное лицо. Третий выделялся очень крупными, выступающими вперед зубами — это был Бобер, о котором я знал очень

мало хорошего и понаслышке, и лично.

— Негусто нас осталось, — сказал возникший будто бы из ниоткуда наш новый наставник — Рыжий, имя которого я, как ни старался, никак не мог вспомнить.

— И теперь всеми этими негустыми силами мы будем носиться из города в город, как бешеные псы, и искать, кому бы так услужить, чтоб им мало не показалось, — мрачно поговорила Майя.

— Я вот это место не совсем понял, — признался я. — Кому мы теперь служить-то должны?

— Да хоть кому-нибудь, чтобы получить необходимое количество королевских наград, — пояснил Рыжий. — Четыре награды дают плюс одну ступень.

— А если на верхней ступени окажутся сразу две школы?

— Лучше не спрашивай, — зыркнула на меня Майя. — А самое скверное, что с нашей репутацией школе придется радоваться любым предложенным миссиям. И для некоторых из нас все это может очень плохо кончиться.

— Если ты так думаешь, тогда зачем осталась? — хмуро спросил я.

— Я так думаю, потому что в отличие от всех вас я уже один раз через такое дерьмо проходила, — холодно заявила девушка. — А осталась я, потому что так хочу. Ясно? Еще вопросы есть?

Она явно рассчитывала, что я как-то устыжусь своего вопроса или по крайней мере растеряюсь. Но Майя не учла всей глубины моей наглости и моего любопытства.

— Есть. Ту твою школу в итоге спасли, или расформировали? — спокойно ответил я, выдерживая ее уничтожающий взгляд.

— Расформировали, — ответила Майя, явно стараясь выжечь на мне своим взглядом узоры.

— И вас тоже обязали выплачивать штраф?

— Да, и поскольку это смогли сделать не все, некоторые ученики до сих пор работают на рудниках — бесплатно. Так что имей в виду — шансов выкарабкаться у нас немного. И если колеблешься — доброго пути, — жестко заявила она.

— Не говори ерунды, — в тон ей и довольно резко ответил я. — Думаешь, я плюну в спину человеку, который меня из дерьма поднял?

— А вот мне интересно, каким образом будет теперь функционировать школа, если содержать службу больше нет возможности, — неожиданно вмешался в наш разговор Эрик.

И тут я понял, что совершенно упустил один аспект.

Обслуга!

— Что, приходишь в ужас от мысли, что придется самому себе исподнее стирать? — едко спросила Майя.

— Подождите, а Леандр с Никой — они что, тоже уйдут? — выпалил я. — Куда же им теперь идти обоим? Один без ног, другая... — я запнулся, едва не сказав лишнего. — ... другая — немая. Им будет непросто найти другое место.

— Скажи уж прямо, что клюнул на передничек, висящий с передка, — мерзко, во все зубы ухмыльнулся Бобер, потирая щеку. — Так ты не теряйся, сегодня-то она еще здесь. Только заходи к ней сзади, а то с другой стороны эта сука больно кусается, уж я-то знаю...

Это он зря сказал.

За весь минувший день во мне собралось столько злости, что я чуть ли не по швам трещал.

А тут — такая добротная, жирная последняя капля!

Я подорвался с земли, как стартанувшая ракета. Моя злость забила в груди, как какой-нибудь взбесившийся Тузик на привязи. Все вокруг стало особенно четким и ярким, как если бы я вдруг распахнул перед собой пропылившееся за зиму окно.

И резким, коротким ударом я ломанул похотливого грызуна в ухо.

Парня опрокинуло на бок, но я, как в замедленном кадре, успел схватить его за рубаху на груди.

— Ты что сказал?! — вырвался из моей груди сиплый звериный рык.

И тут Бобер в моих руках превратился в раскаленный металл. Его силуэт стал нестерпимо горячим белым-белым, черты лица расплавились, Трава под ногами Бобра задымилась...

Я с воплем одернул руки и отскочил в сторону, чудом уклоняясь от взмаха увесистой раскаленной руки.

В этот миг какая-то неведомая сила отшвырнула меня в одну сторону, а дымящегося Бобра — в другую. И пока я падал, мне на мгновение показалось, что я видел юркую кошачью тень Ники в ближайших зарослях шиповника.

— А ну прекратите! — прикрикнула на нас Майя, упираясь руками в плавные, вкусно изгибающиеся бока. — Два идиота на мою голову!..

Она обернулась ко мне.

— Что, пупырышек магии у себя там нащупал, похвалиться решил? Не того размера выросло, чтоб хвалиться!.. — ее голос звучал строго, но устремленный на меня взгляд почему-то вовсе не выглядел злым.

— А ты, если позволишь себе еще хоть раз подобный намек в моем присутствии, пойдешь на кастрацию к Янусу, — с тихой яростью проговорила она потирающему бока Бобру, у которого вновь появился нормальный цвет и проступило лицо, слегка раскрашенное с одной стороны моим кулаком. — И поверь, он даже разбираться не будет, приставал ты к кому-нибудь на самом деле или просто захотел мерзость сказать! Ясно?! Хорошо еще, что новичок умудрился хоть какую-то защиту выставить!..

Майя говорила что-то еще, но я уже не слушал.

Получается... я только что воспользовался магией?.. В самом деле? У меня что-то получилось?..

А Бобер, стало быть, в ответ воспользовался своей.

Ох ты ж мать моя!..

Я с ужасом взглянул на свои ладони. Но, как ни странно, несмотря на противное жжение они остались практически целы. Так, на одной ладони пара волдырей вскочила.

Я сумел выставить защиту. У меня получилось. Каким бы крошечным не был мой источник магии, я, кажется, смог его применить!

Все вокруг разом стало лучше, красивей и радостней, чем минуту назад.

— Вместо того, чтобы драться, давайте лучше потренируемся, — предложил Рыжий. — Усталое тело прекрасно прочищает сознание.

— Хорошая мысль, — кивнула Майя.

Бобер, покосившись на меня, негромко проговорил:

— Когда-нибудь я тебе это припомню, огрызок!

Я сделал вид, что пропустил его слова мимо ушей и сел в позу медитации.

И в этот раз у нас получилось хорошее марево — как над асфальтом в сорокаградусную

жару! А сверху время от времени разгорались световые дорожки, похожие на северное сияние. Красота, да и только!

В общем, тренировались мы в тот вечер самозабвенно. Мне, как и всем, даже выдали здоровенный и совершенно неподъемный меч, которым я пытался орудовать в меру своих возможностей.

Потом все отползли с тренировочной площадки на пожрать и отдохнуть, а я, поскуливая от боли в руках, спине и растертых ляжках, сел под дерево ждать Та'ки, как приговоренный ожидает свою смерть.

И она пришла за мной — моя неумолимая зеленая ипостась Азраила.

Та'ки был все еще пьян. Он сначала долго рыгал, икал, облизывался и тер лапой морду, а потом спросил:

— А почему так тихо?..

Я не сразу понял, о чем он. И ответил:

— Вечер же. Вон, сумерки уже опускаются.

— А-аа, — понимающе протянул тот. Он повел своими плюшевыми ушами в сторону школьного корпуса и шумно принюхался, а потом проговорил.

— Нее, внутри тоже тихо. И пусто. Будто все умерли или Ян распустил школу.

— А, ты об этом, — дошло, наконец, до моих уставших мозгов.

И я рассказал нашему мохнатому богу все, что произошло, пока он спал.

Та'ки выслушал меня, не перебивая и время от времени почесывая пузо. А потом зевнул и проговорил:

— В общем, впереди нас всех ждет веселье. И начнется оно завтра...

— Почему завтра? — не понял я.

Медведь зевнул.

— Увидишь. Ладно, раз пошла такая репа, собери в одну связку пятнадцать тренировочных мечей, пробегись вокруг школы и топай спать. Хватит с тебя на сегодня.

Возражать я не стал. Но когда я собрал пять штук этих здоровенных неподъемных дур, то понял — насчет «пробегись» Та'ки погорячился. Взвалив себе на спину адскую ношу из пятнадцати этих кувалд и заливаясь потом, я сделал круг по тропинке вдоль ограды и, спотыкаясь, поплелся к себе в комнату.

Пихнув дверь ногой, я принялся в полутьме шарить по своим богатствам в поисках свежей рубашки и трусов.

И вдруг из угла на меня блеснули два ярких зеленых глаза.

— Ника?.. — изумился я.

Она с кошачьей грацией вынырнула из темного угла и прижалась ко мне, как к родному, хотя после тренировок от меня разило ароматом помойки.

— Эй-эй-эй, ты чего! — попытался я отстраниться от девушки. — Я же грязный, как черт!..

Но крепкие пальчики Ники впились мне в плечи, как когти ее мелкогабаритных хвостатых сородичей, и она еще крепче прильнула ко мне. Шершавый язычок с шуршанием наждачной бумаги лизнул мне шею.

— Я выбрала тебя. Теперь ты — мой хозяин, — услышал я нежный голосок кошкодевочки. — И ты не грязный, а солёный.

В первое мгновение я остолбенел.

Ника мгновенно воспользовалась отсутствием сопротивления и принялась вылизывать своим шершавым языком мне щеку, будто твердо решила насмерть меня ошкурить. Но тут ее мягкая ручка скользнула к моим штанам, и я мгновенно очухался.

То, что сейчас происходило, было неправильно — я слишком хорошо помнил, как Ника шарахнулась от меня тогда, на кухне. И то, как нежно она краснела от почесывания за ушком, тоже никак не вязалось с этой рукой на моих штанах. Что изменилось-то?..

Отодрав Нику от себя, я плюхнул ее на постель. Не с каким-то там умыслом, а больше просто некуда было.

Оказавшись на моей кровати, девчушка с кошачьими ушками сначала испуганно сжалась в комок, будто я собирался ее ударить. А потом, словно очнувшись, начала торопливо стаскивать платице с худеньких плеч.

— Ты медвежьего дурмана, чтоль, объелась? — строго спросил я, нахмурившись. — Что с тобой?..

Девушка опустила голову. Пряди волос упали на худенькие голые плечи, робко и вместе с тем волнующе торчавшие из приспущенного платья. Мягкие кошачьи ушки жалобно поникли.

— Я выбрала тебя своим хозяином, — очень тихо, но четко и уверенно проговорила она. — А значит, теперь я принадлежу тебе.

Ты добрый, ты ласковый. И ты готов защищать меня. Заступаться за меня. Поэтому ты мне нравишься. Поэтому теперь ты можешь пользоваться мной, как хочешь. Хозяин должен быть доволен...

Ника еще ниже опустила голову, и теперь я совсем не видел ее лица.

Вот это, однако, новости.

Я шумно выдохнул, устало присаживаясь рядом с ней на постель.

— Слушай, мне, конечно, все это лестно, и голос твой слышать приятно... Но пользоваться тобой, да еще вот так, я не хочу.

— Не хочешь? — зеленые глаза Ники обиженно сузились. — По-твоему, я некрасивая?

Я улыбнулся и почесал ее за ухом.

— Глупая. Конечно же, ты очень красивая!..

— Но я тебе не нравлюсь? — перебила меня Ника, не моргая глядя в упор.

— Очень нравишься, — честно признался я. — И я готов и впредь заступаться за тебя, быть с тобой добрым и ласковым, и за это ты мне ничего не должна.

Я поправил платье на ее плечах.

— Не должна?.. — эхом переспросила Ника.

— Нет. Я поступаю так не ради твоей благодарности, а исключительно потому, что мне нравится так поступать. Я добр с тобой исключительно ради собственного удовольствия. Ясно?

— Значит, чтобы быть довольным, тебе не обязательно пользоваться мной, как любовницей? — изумленно спросила Ника.

— Совершенно не обязательно, — уверенно подтвердил я.

При этом внутри у меня все гарцевало и пульсировало. Кошкодевочка сидит у меня на постели! Кошкодевочка! Даня, ну нахрена ж ты родился таким правильным? Правильным до тошноты и, сука, нимба над головой.

Святой, ага.

Главное, чтоб она опять руку мне на штаны не положила.

— Значит... я могу быть для тебя просто питомцем? — радостно блеснув глазами, воскликнула она и вдруг снова повисла у меня на шее. — Спасибо, спасибо, спасибо!.. — повторяла она голосом счастливого ребенка.

Я кашлянул.

Подумать только, это ж сколько незамутненной радости из-за того, что ей со мной спать не обязательно!

— А вот это, вообще-то, обидно было... — пробормотал я.

Ника вдруг отпрянула. На ее хорошеньком личике проступил совершенно искренний испуг.

— Я обидела хозяина?

— Это шутка была, — отмахнулся я, пытаюсь соскочить с темы.

— Если я тебя обидела, накажи меня! — потребовала Ника.

Я расхохотался, прикрыв лицо рукой.

Наказать тебя?

Ох, милая, это хорошее начало для порнушки, но в нашей ситуации это как-то чересчур.

По крайней мере, по отношению ко мне.

А пока я истерично ржал, Ника растерянно хлопала ресницами и явно не понимала, что происходит.

— Да ну тебя! — сказал я наконец, поднялся от греха подальше с постели и принялся собирать свой банный комплект. — И с какого вообще перепугу тебе вдруг приспичило хозяина себе придумать?

Ника опустила голову.

— Если школу закроют, я потеряю работу. И защиту, — бесхитростно ответила она. — А если я потеряю защиту, меня повесят. Другое дело, если я буду собственностью человека. Тогда меня не смогут повесить без разрешения этого самого человека.

Я вздохнул.

— Вот оно что. Тогда понятно...

— Ты возьмешь меня?.. — тихо проговорила Ника.

— Что с тобой делать-то, — буркнул я. — Беру, раз такое дело.

— И ты меня защитишь? Ты не отдашь меня палачу?.. — подняла она на меня свои бездонные, мерцающие таинственным зеленым огнем глазищи.

— Не отдам, — уже всерьез пообещал я.

Она рывком поднялась с постели и опять стащила свое платице с плеч.

На этот раз — до пояса.

— Эм-мм, — пробормотал я, произвольно уставившись на ее небольшую, но очень заманчивую грудь. — Слушай, мы же вроде по этому поводу уже все прояснили?..

— Контракт, — коротко сказала Ника, и, решительно схватив меня за руку, положила ладонь себе на грудь.

Ох, Даня! Бабу, бабу тебе надо...

— Скажи еще раз, — потребовала от меня кошкодевочка. — Ты берешь меня?..

Ее кожа заметно посветлела и наполнилась мягким светом, как если бы внутри вдруг зажглась лампочка.

— Я беру тебя, — проговорил я, с ужасом вдруг осознавая, что все это напоминает процедуру в загсе.

«Согласен ли ты...»

— Тогда отныне ты — мой хозяин!

Глаза Ники по-кошачьи вспыхнули потусторонним зеленым блеском. Моей ладони на мгновение стало горячо. А когда я убрал руку, то увидел на светящейся груди девушки алый отпечаток моей пятерни.

— Контракт заключен! — торжественно проговорила Ника. — Спасибо-спасибо-спасибо!..

Она снова повисла на моей шее, но в этот раз я решительно отстранился от ее пылких объятий.

— Так, я пошел мыться, а ты давай к себе. Поняла? Все остальное, что бы там не было, — завтра. Я спать хочу, как собака...

Коснувшись на прощанье ее мягкого ушка, я ушел в баню.

Сегодня ее никто не топил, но лично для меня так было даже лучше. Хорошенько отмывшись в холодной воде, я, наконец, почувствовал себя спокойным и расслабленным. Весь мокрый и чистый я вернулся к себе в комнату, а когда зажег в темноте свечу, то обнаружил, что Ника так никуда и не ушла.

Она спала в моей постели, свернувшись клубочком в самой середине и счастливо улыбаясь. Из-под задравшейся до колен юбки игриво выглядывал темный пушистый хвост.

Будить такую красоту было жалко.

Я вздохнул. Потом аккуратно поправил Нике юбку, чтобы лишних мыслей в дурную голову не лезло, и осторожно вытащил из-под девушки одеяло, не особенно нужное в такую жару.

Так и улегся спать в собственной комнате на полу, возле собственной постели, устроившись на одеяле, как собака на коврике.

И все потому, что на моем месте уснула одна заполошная кошка.

Очуметь.

Но не тапком же в нее швырять, в самом деле.

Растянувшись на полу, я мгновенно уснул.

Утром я по привычке подхватился на свой тренировочный моцион ни свет, ни заря. Тихо, чтобы не разбудить своего, блин, питомца, я выбрался улицу.

Утро выдалось неожиданно прохладным. Я глядел на посветлевшее небо, выкрашенное на востоке в красный, курил папиросу и размышлял, не пора ли, в конце концов, бросать. Правда, поскольку теперь в школе из четверых курящих учеников остался только я один, весь запас курева, который закупщик привез неделю назад вместе с продуктами и прочими нужностями, теперь принадлежал мне.

И меня жаба душила просто взять и выбросить это все.

Может, когда последнюю докурю...

Позанимавшись переливанием из пустого в порожнее, я принялся за упражнения.

Поначалу тело сопротивлялось и ныло. Потом мышцы разогрелись, и тренировка, как ни странно, начала приносить удовольствие. Пробежку вокруг школы я делал уже в прекрасном настроении, довольный сегодняшним утром и самим собой. Причем в качестве груза я взял не мешок, а более увесистую связку мечей, с которой бегал вчера.

И ничего, хорошо дело пошло! Все мое тело будто проснулось. Я чувствовал напряжение в каждой мышце, каждой связке, и это напряжение кроме приглушенной боли давало какое-то особенное, до сих пор неведомое мне удовольствие от ощущения возросшей силы.

А когда я с ношей на плечах повернул в сторону своего жилища, то с изумлением обнаружил, что неподалеку от входа в мою каморку стоит Майя, явно ожидая кого-то.

И, судя по месту дислокации ее наблюдательного поста, этот «кто-то» был я.

Тонкий кожаный костюм, плотно подогнанный по ее роскошной фигуре, сидел как вторая кожа. Длинные стройные ноги, красивая высокая грудь, тонкая талия — после ночных переживаний такое зрелище не просто ласкало взгляд, оно прямо таки брало за живое.

Увидев меня, Майя помахала рукой.

— Привет! — крикнула она мне с улыбкой. — А я думала, после вчерашнего занятия ты с утра с кровати на четвереньках вставать будешь. Смотрю — а ты молодцом.

Ну еще бы. Мне ведь сегодня не довелось вставать с кровати — прямо так, с пола отползал.

— Да нет, я нормально, — с самым беззаботным видом отозвался я.

— Слушай... — Майя на мгновение опустила глаза, словно робея, хотя для нее это в принципе было несвойственно. — Помнится, ты как-то обронил, что если бы я к тебе подошла и просто спросила про Та'ки, ты бы рассказал мне. Так вот... — девушка вскинула голову, взглянув мне прямо в глаза. — Я спрашиваю. Расскажешь?

Ох ты ж мать моя!

Только бы Ника уже ушла на кухню... Или они с Леандром больше не готовят для всех? Идиот, я ведь вчера даже не спросил ее об этом!

Покосившись на свою дверь, я подхватил со ступенек курево.

— Пойдем к тренировочной площадке? Там удобней будет, — с умным видом брякнул я абсолютную чушь, лишь бы увести Майю куда-нибудь подальше отсюда.

— Нет... Я бы не хотела там... Здесь как-то уютней и приватней, что ли, — проговорила девушка с какой-то невнятной, я бы сказал — защитной улыбкой. — Понимаешь, у меня есть проблема, которая... Не украшает ученика уровня подмастерья. И не дает расти дальше...

Я снова покосился на дверь. Если Майя не хотела продолжать разговор на площадке, то я категорически не хотел продолжать его здесь. Еще не хватало, чтобы оттуда сейчас выползла помятая Ника. Нужно было срочно придумать повод, как увести отсюда Майю, но в голове вместо идей стоял только белый шум.

— Это очень серьезный порок в развитии. И если я от него не избавлюсь... — между тем продолжала она.

И тут, конечно же, дверь в мою комнату все-таки открылась. И на крыльцо вышла взъерошенная Ника с кое-как натянутым на плечи платьем.

Тадам!

Картина Репина «Приплыли». Во всей своей красе.

Майя остолбенела. Тонкие яркие брови взметнулись вверх, лицо побледнело и удивленно вытянулось.

Если бы я мог, как Эрик, разверзнуть земную твердь у себя под ногами, я бы сейчас это сделал.

При этом мой очумевший питомец, ничуть не смущаясь, с детской непосредственностью маняще зевнула и потянулась, щуря глаза на проклюнувшееся солнце.

— Слушай, я не... — я начал было городить какую-то околесицу, но Майя меня перебила.

— Извини, я не вовремя, — сказала она, безуспешно стараясь сделать обычное лицо. — Я даже не подумала... Глупо с моей стороны получилось.

— Майя, ничего не глупо!.. — возмутился я.

— Нет, вы это... Продолжайте, а мы как-нибудь потом поговорим.

Она крутанулась на каблуках и стремительным шагом направилась прочь от нас.

— Майя!.. — окликнул я ее, хотя понятия не имел, что собираюсь сказать дальше.

Не оправдываться же, как мальчишка, пытаюсь объяснить, что я как бы ничего даже не начинал, чтобы продолжать.

— Да ничего, все нормально! — крикнула Майя, взмахнув рукой и не оборачиваясь.

Она уходила, и я прекрасно понимал, что только что упустил нечто большее, чем просто откровенный разговор о ее пороке.

Только что она была открыта для общения. Настолько, что у меня появился реальный шанс!

А теперь этот шанс сердито удалялся прочь из зоны доступа.

Я тяжело вздохнул и с укором взглянул на кошкодевочку.

— Слушай, ну вот какого рожна ты сейчас из комнаты вышла? — сказал я ей, потянувшись за папирсой. — Разве ты не слышала, что я здесь с кем-то разговариваю? Или ты хочешь, чтобы вся школа сочиняла, будто мы спим вместе?

Ника непонимающе моргнула.

— Но сегодня мы и правда спали вместе... — проговорила она.

— Да не в этом смысле! — вспыхнул я.

— А-ааа, — многозначительно протянула Ника. — Извини, не подумала, — сказала она с абсолютно невинным личиком.

И тут же исподтишка метнула в сторону удаляющейся спины Майи такой взгляд, словно собиралась укунить ее.

Боги, она что, все это сделала специально?..

— Ну и ладно. Какая теперь разница? — проурчала она. — Я пойду к Леандру, нам нужно завтрак готовить. Магистр велел отработать в школе еще три дня.

— Хорошо, — сказал я. — А кстати, что вы будете делать после этих трех дней? Искать новую работу?

— Магистр берет нас на кухню в свое заведение, — ответила Ника. — Он добрый. Он знает, что нам обоим некуда идти.

Тихо мяукнув на прощание, она устремилась по своим делам, бесшумно ступая по дорожке.

А я в недоумении смотрел на ее удаляющуюся фигурку, натужно соображая...

Погодите-ка. Получается... Эта кошка меня обманула?..

В чем такая глобальная разница между ее пребыванием здесь, в школе, и ее пребыванием на кухне у Яна в кабаке? Ведь очевидно, что там он ее будет прятать точно так же, как здесь. Так зачем ей вдруг срочно потребовался хозяин?

Или какая-то разница все-таки есть, и она сказала правду?

Я еще долго курил на крыльце, переваривая события этого утра. Благо, халявных папирс теперь было завалилось.

Кошки, блин.

Поди догадайся, что там у них на уме.

Между тем школа, которая обычно в это время уже во всю просыпалась, до сих пор

находилась в сонном оцепенении.

Что же теперь будет?..

Ян сказал, что теперь придется зарабатывать королевские награды. А еще школе нужно будет на что-то пить, есть и одеваться — народу, конечно, у нас осталось немного, но тем не менее бесплотных среди нас не имелось. Откуда возьмутся деньги на эти нужды? Из заработков кабака? Это вряд ли, потому что заведение магистра до сих пор держалось за счет финансирования школы. Из личных денег учеников? Тоже вряд ли, потому что если мы все отправимся вкалывать на рудники или дружно наймемся в какую-нибудь стражу, то кто и когда будет зарабатывать те самые королевские награды?

В общем, вопросов было много, и оставалось только надеяться, что в ближайшее время Янус объяснит нам, как теперь все будет устроено.

И в этот миг мои размышления прервал пронзительный вопль нашего надвратного грифа, которого ученики между собой называли «отвратным».

У меня все внутри сжалось.

Ничего хорошего этот крик не сулил. Потому что теперь, когда школа стала «опальной» и опустела, сюда запросто мог ворваться и бешеный папаша нашего Эрика, и еще кто-нибудь из числа недругов Яна.

Подорвавшись с места, я схватил свою вязанку с мечами, чтобы вызволить из веревок хоть один из них.

А грифон между тем все орал, не переставая, будто кто-то живьем резал его на куски.

Из жилого корпуса, грохоча сапогами по ступеням, один за другим выбежали во двор наши оставшиеся ученики. Выхватив, наконец, один из тяжелых мечей, я ринулся вместе со всеми к въездным воротам.

Сквозь птичьи вопли мне почему-то отчетливо послышался зловещий мужской хохот.

А у ворот между тем творилось что-то несусветное.

Железный насест нашей лысоголовой курицы был пуст. Бедная птица больше не сидела на ограде, она билась по ту сторону кованого забора в руках у всадника. Всадник был здоровый, как Портос. Лошадка под ним, коротконогая и пятнистая, как корова, почему-то больше походила на несчастного осла. Гриф яростно хлопал крыльями и ритмично дергал шеей, как механическая игрушка. Но здоровенный мужик крепко держал его за лапы и хохотал во всю глотку, сверкая на солнце медно-красными космами и такой же бородой.

— А ну-ка отпусти символ нашей школы! — проорал Берн, и его вопль удивительным образом перекрыл и хохот безумного всадника, и вопли грифона.

Он рванул меч из ножен и угрожающе добавил:

— А то сейчас вместе с ним на насест сядешь!

— Да ладно?! — со смехом воскликнул толстяк, не выпуская грифа из руки. — Ну, давай посмотрим, кто кого...

Берн обернулся на старших в поисках разрешения поставить этого беспардонного гостя на место. И в это мгновение от свободной руки всадника сквозь прутья ограды протянулась узкая дымно-белая лента. Она обвилась вокруг Берна, как щупальце, и в одну секунду подняло его вверх над землей.

Берн зарычал — от злости и ярости. Пламя вспыхнуло вокруг него, как факел — яркое и настолько мощное, что даже с расстояния было слышно, как оно гудит.

— Берн, нет!.. — крикнул я, догадавшись седьмым чувством, что сейчас произойдет.

Щупальце на мгновенье замерло над железным насестом нашего грифа, и этот птичий

трон из-за огненного марева тут же покраснел, раскалившись...

А потом белая лента разжалась.

Берн шлепнулся задницей на грифоновое место.

— А-аааа! — заорал во всю глотку мой бедный соратник.

Один из старших учеников, чье лицо было обезображено ожогом, резко вскинул руку вверх. Под его ладонью синим светом засияли странные символы, и на ворота обрушилась водяная волна. Тысячи мелких брызг засверкали на солнце. Они сплошным потоком полились на раскаленный металл, на моего умолкнувшего товарища и водопадом обрушились на красноголового. Тот закрылся рукой, выругался, выпуская из руки бедного грифа. Взметнувшись вверх, огромная птица устремилась на свое место, метя своим металлическим задом прямо в голову Берну.

Тот опять заорал, дернулся в сторону, уклоняясь от освобожденного символа школы, и свалился с насеста вниз, прямо в образовавшуюся у ворот лужу.

Водяной поток иссяк. Белая дымка пара медленно тянулась вверх, как облако. Красноголовый отплевывался, вытирая лицо. Берн, тяжело дыша и ругаясь, копошился в грязи, потирая зад.

— С возвращением домой, Крис! — раздался из-за наших спин голос Януса.

Ворота со скрипом открылись, и всадник, роняя по пути воду, как дождливая туча, въехал на территорию школы.

Глава 24. Предчувствие беды

Как и обещал Та'ки, утро выдалось занимательным: в стены альма-матер потянулись подмастерья.

Примерно через полчаса после громкого прибытия Криса, прозванного Тихим, в школу приехала красивая пара — высокий темноволосый мужчина и такая же высокая темноглазая девушка. Приехали они обыденно и без лишнего шума, в отличие от своего предшественника. Но зато уезжали впопыхах и в черном дыму, потому что Ян после беседы с ними взбесился настолько, что на полном серьезе угрожал прибить нахрен. И, если бы не вмешательство нашего бога, прикрывшего их отход, кто знает, чем закончилось бы дело.

Как оказалось, эти двое решили разорвать отношения со школой, и Янус воспринял это как личное предательство. Что, возможно, так и было.

Едва продышавшись, мы уже встречали следующего гостя.

На этот раз в школу вернулся подмастерье по прозвищу Быстрая Тень. Конечно, кроме прозвища у него имелось имя, но то ли никто его уже не помнил, то ли имелась какая-то особая причина не произносить это имя вслух — в любом случае, мы его так и не услышали. Это был еще совсем юный на вид и болезненно хрупкий парень с белоснежной кожей, синевой под глазами и бледным, безжизненным ртом.

И пока вокруг Быстрой Тени кружили любопытные первогодки и второгодки, я спросил у Майи:

— Слушай, а сколько всего подмастерий у школы? Мы много еще народу ждем?

Девушка посмотрела на меня с каким-то странным выражением лица, похожим на смесь разочарования и раздражения, но ответила спокойно:

— Понятия не имею. Янус — любитель попридержать лучших. Но ученику оставаться на школьном довольстве можно не больше трех лет, так что их приходится проводить по бумагам как «зачисленных в наставники».

— Но на деле вместо них учениками по большей части занимаются нанятые мастера средней руки? — заметил я.

— Вроде того, — усмехнулась Майя.

— И почему же Ян не дает своим лучшим птенцам получить повышение и построить карьеру?..

— Может, потому что не все мечтают маршировать в столице? — покосилась на меня Майя. — В любом случае, я не слышала, чтобы кто-нибудь из них жаловался на магистра. На вольных заработках они имеют куда больше, чем три золотых в неделю, на которые живут наши наставники.

— А ты сама? Ты тоже не горишь желанием маршировать в столице?

— У меня пока не было повода задуматься над этим, — хмуро ответила Майя. — Бракованный дуэлянт — вовсе не то, чему бы обрадовались войсковые командиры королевской гвардии, И кстати, чего ты тут бродишь без дела? — сменила она тему. — Иди хоть лошадьми займись — конюхов-то больше нет.

Я со вздохом кивнул и отправился исполнять поручение.

Наш надвратный железный сторож еще несколько раз истошно орал, оповещая о прибытии новых гостей или о возвращении своих. Но дергаться и любопытничать я не стал — в конце концов, всех, кто останется с нами, я рано или поздно все равно увижу. А бегать и каждый раз глазеть на них, как ребенок на приехавший цирк, было как-то глупо.

К полудню мне в конюшню привели еще одного коня.

Выглянув из денника, который чистил, я увидел роскошного вороного жеребца, которого вел незнакомый мне человек.

Воин был невысоким, крепким, с короткими темными волосами и пустым рукавом вместо правой руки.

— Здорово, младший брат, — дружелюбно сказал мне незнакомец. — Куда коня поставить?

— С приездом, — отозвался я, отставляя лопату. — Давай, я сам?

— Это вряд ли, — усмехнулся воин.

На этих словах его жеребец, словно по команде, дико блеснул в мою сторону белком и издал угрожающий утробный звук, вскинув красивую точеную голову. Блестящая грива волной откинулась назад, как в каком-нибудь рекламном ролике.

— Красив, зверюга, — не удержался я.

— И злобный, как демон. Так что его лучше подальше от всех поставить, и присмотрю за ним я сам, — сказал незнакомец, уставившись на меня тяжелым пристальным взглядом. — Кстати, его зовут Смерч, а я — Азра, старший подмастерье магистра Януса.

Лицо воина по-прежнему оставалось дружелюбным, но от его цепких и почти не моргающих глаз мне стало как-то не по себе. Глаза у него были светлые и какие-то мутные, будто мертвые.

— А меня Даниил зовут, я здесь первогодка, — сказал я, жестом предлагая им обоим последовать за мной. — Теперь денников свободных много, так что можно поставить или вот сюда, или в самый угол, как больше нравится.

— Давай в угол...

Я хотел было открыть денник перед Азрой, поскольку его единственная рука была занята жеребцом, но дверь вдруг сама распахнулась, гулко стукнувшись о соседнюю перекладину.

Воин завел своего красавца внутрь, и я увидел оружие, висевшее у воина на спине на широком ремне.

Это была миниатюрная коса с толстым коротким древком и загнутым клинком, испещренным какими-то символами и знаками.

Такого оружия у нас на тренировочных стендах не имелось. Да и ни у кого из наставников я не видел ничего подобного!

На удивление ловко расседывая своего жеребца единственной рукой, Азра с ухмылкой взглянул на меня через плечо.

— Что, Жнецом любишься?

Я не стал отнекиваться.

— Да!..

— Жнец зачарованный и такой же бешеный, как и конь. Так что посмотреть поближе и попробовать не дам, уж извини.

— А я бы и не спросил. Такое оружие — оно ведь как жена. А жену не спрашивают «попробовать», — сказал я.

Азра перестал ухмыляться.

— Хорошо сказал, — проговорил он, подхватив одной рукой седло. — Метко.

Азра подошел к выходу из денника, и, безбоязненно встав позади своего коня, протянул седло мне.

— Минуту подожди, сейчас потник и уздечку подам. И кстати, там у ворот еще кобыла стоит — Кассандра на ней приехала. Знаешь про Кассандру?

— Нет.

— А зря, она у нас редкая птица. Целительница! Сходишь, кобылу заберешь? Только рядом с моим не ставь.

— Сделаю, — отозвался я, утаскивая с собой в каморку упряжь.

Азра продолжал непринужденно болтать, обтирая своего красавца соломой, но несмотря на дружелюбный тон и расслабленный разговор я даже на расстоянии ощущал тяжелую ауру, исходящую от воина.

Однако это меня не пугало. Азра напоминал свое оружие — в нем было что-то пугающее и любопытное одновременно.

Когда я вернулся в конюшню с гнедой кобылой, он уже ушел. И я даже не мог определиться, рад я этому или нет.

Больше в тот день наш надвратный гриф не кричал.

Ужин Ян приказал накрыть раньше обычного.

Все, включая Леандра с Никой, собрались за одним столом. На ужин пришел даже Та'ки, который, правда, очень быстро уснул, растянувшись на полу у окна, куда ему поставили плоску с кашей и пиво.

В столовой царило какое-то почти праздничное оживление. Ученики ели неспешно, громко переговаривались друг с другом, весело рассказывали всякие любопытные истории про свои новые конструкторы, про чудаков-богачей и их странные заказы, про различия между дуэльными приемами и атакующими методами штурмовиков — будто нас не закрывали, а собирались повысить рангом. Некоторые из мужиков, раздобрев от хмельного, начали недвусмысленно подкатывать к Кассандре, нашей целительнице. Девушка, к слову, оказалась жгучей брюнеткой с греческим профилем и длинными косами ниже колен. Но, несмотря на яркую внешность, Кассандра держалась отстраненно и никак не реагировала ни на

комплименты раскрасневшегося Криса, ни на хамоватые подкаты Бобра.

А я слушал все эти разговоры, смотрел на одухотворенные магией лица, и с каждым мгновением на душе становилось все тоскливей.

Им было о чем рассказывать.

А мне — нет.

Не пробежками же с мешком на заливке мне гордиться.

Не то чтобы я завидовал им... Хотя нет. Кого я обманываю? Я действительно им всем завидовал, причем самой что ни на есть черной завистью.

Вот если бы источник во мне был сильнее!

Как же быть?

Вариант Арахны мне, очевидно, не подходит. Да и не стал бы я больше так жизнью рисковать. А раскачивать свою магию методом увеличения силы — это как черепашью шагом кросс бежать.

Но время дорого. У школы есть только год, чтобы подняться с последней позиции. И мне хотелось быть полезным, а не оставаться позорным обрезком на фоне остальных магов.

Вот если бы существовал хоть какой-нибудь способ увеличить магию за раз! Одним махом. Как стопку выпить...

Тут Ян хлопнул ладонью по столу, чтобы привлечь внимание, и поднялся.

Разговоры за столом тут же прекратились. Все обернулись на магистра.

— Значит, так, дети мои. — сказал Ян, окинув взглядом учеников. — Посмотрите сейчас повнимательней друг на друга, и усвойте главное: здесь и сейчас за этим столом сидят не просто ученики одной школы. Здесь сидит семья. И если вы воспримете мои слова всерьез, у нас все получится. Потому что только прикрывая друг другу спину, поддерживая друг друга, одалживая кровные и наливая друг другу за свой счет, не считаясь, мы сможем выстоять. И пусть наш состав здорово поредел, зато в каждого... ну или почти в каждого из вас я верю, как в бога.

— В меня, то есть? — пьяным голосом спросил Та'ки, не просыпаясь.

— И в тебя тоже, — усмехнулся Ян. — На данный момент у нас в распоряжении есть один магистр, один бог-покровитель, двое умудренных старших подмастерий — это Тихий Крис и Азра, и четверо просто подмастерий — это Кассандра, Майка, Рыжий и Тень.

— Ты же меня разжаловал, — буркнула Майя.

— Уже восстановил обратно, — не дрогнув ни одним мускулом на лице, заявил Ян.

И продолжил:

— Из второгодок у нас Бобер, из старших учеников-десятников Шрам и Дин. И, конечно, первогодки, наша гордость и геморрой в четыре лица: Эрик, Камилла, Берн и Даня. Как видите, составчик получился неровный, поэтому для контроля и более удобного распределения миссий и задач я принял решение выделить внутри школы два отряда, старший и младший. К младшему будут относиться все первогодки и Бобер. Командиром отряда я назначаю Майю.

— А почему не Рыжего?.. — обиженно спросила Майя.

— Потому что он мне нужен в другом отряде, — исчерпывающе отвечал Ян. — Как вы уже поняли, в этот самый другой отряд будут зачислены все остальные. Главой старшего отряда будет Азра. Цели и требования к отрядам будут соответствовать их возможностям. Старшие могут брать индивидуальные задания. Младшим разрешено участвовать только в групповых мероприятиях. Но это уже детали, с которыми будем

разбираться по мере нашей отчаянной гонки за наградами. Теперь следующее. Все мы знаем, в какой жопе находимся. Так что содержать целую армию обслуживающего персонала и огромные помещения нам теперь не с руки, да и незачем. Так что ни прачечная, ни баня, ни конюшня теперь сами по себе не работают, и вам придется самим взять на себя труд обеспечить все основные нужды. Единственное — кормежкой в школе в ближайшие два дня все еще будут заведовать Леандр с Никой. Потом они перейдут работать ко мне в харчевню. И за это время мы должны собрать свое барахло, привести корпуса в порядок, прихватить все оставшиеся на складе съестные припасы и запечатать школу до лучших времен. Отныне нашей штаб-квартирой станет мое заведение. Бесплатный ночлег я вам обещаю, минимальный прокорм — тоже. На все остальное придется зарабатывать самим. Все ясно?

Мы закивали головами, и Ян продолжил:

— После ужина все первогодки, кроме Камиллы, отправятся грузить мешки и ящики со складов в телеги. Второгодки уберутся в кухне, столовой и натаскают воды на завтра. Подмастерья начнут собирать по моему списку все необходимое в оружейном зале и в библиотеке. Это не касается только Азры и Майи — эти двое сегодня могут отдыхать, как хотят, потому что завтра на рассвете они вместе со мной отправляются в Багряное святилище королевской короны изучать имеющиеся прошения. Планы понятны?

Все снова закивали.

Ян удовлетворенно хмыкнул и, пожелав всем доброй ночи, вышел из столовой.

Поколебавшись, я допил свое пиво и вышел за ним следом.

Януса я нашел в своем кабинете.

Здесь все кричало о предстоящем переезде: на столе пачками лежали старые учетные книги и бумаги, на полу стоял открытый сундук, в который частично уже были уложены деревянные коробочки, книги, набор письменных принадлежностей и прочая мелочь. На столе поблескивал большой подсвечник с оплавившимися наполовину пятью свечами, желтыми и толстыми, как морковь. В комнате уютно пахло горячим воском, пылью и пивным духом.

Сгорбившись в кресле у стола, Ян сосредоточенно что-то писал, поскрипывая пером по бумаге.

Помявшись возле приоткрытой двери, я тактично стукнул пару раз и сунул внутрь голову.

— Можно отвлечь тебя на минуту?

Ян, не отрываясь от письма, медленно проговорил:

— Отвлечь нельзя. Можно втащить внутрь свою задницу, раз уж тебе так припекло, и подождать, пока я закончу.

Я как можно бесшумней просочился в кабинет и устроился на лавке возле сундука. Янус все скрипел и скрипел пером, время от времени постукивая им в чернильнице, и я от нечего делать принялся разглядывать стены, потолок...

И тут мой взгляд упал на содержимое сундука.

Поверх стопки книг в потертых кожаных переплетах лежала картинка. Маленькая, размером с мужскую ладонь, в золоченой овальной рамке с вензелями и прочей хренью, как в музее. А на картинке был изображен портрет женщины редкой красоты. Она улыбалась, глядя на меня из сундука вполоборота, демонстрируя округлое белое плечо из-под приспущенного платья. Крупные круглые серьги блестели у ее лица разноцветными камнями, но по сравнению с яркими глазами и манящей улыбкой эти безделушки выглядели

нев्यразительно и тускло.

Меня прошиб пот.

Потому что я мгновенно узнал женщину на портрете. Ее невозможно было спутать ни с кем!

Это была та самая незнакомка, чей силуэт мне привиделся за мгновение до катастрофы.

Глядя на изображение, я будто бы опять очутился в том кресле, у иллюминатора. Я видел приближающийся смерч — и полупрозрачный женский профиль...

— Ты на что там так уставился? — услышал я вдруг оклик Яна, и морок исчез.

— Портрет интересный, — отозвался я, стараясь придать голосу непринужденный тон.

Ян строго зыркнул на меня, откладывая перо.

— Еще бы, — буркнул он.

— А кто это? — как бы между прочим спросил я.

Ян поднялся из-за стола и подошел ко мне.

— Тебе-то что за дело? — хмуро спросил он.

— Просто... Редкой красоты женщина.

— Это тебе не «просто женщина», Даня. Это моя жена, — недобрым голосом ответил Ян, закрывая сундук.

От удивления у меня приоткрылся рот.

— Твоя жена?.. — эхом повторил я. И тут же поправился. — В смысле, я даже понятия не имел, что ты женатый!

Взгляд Яна стал чернее черного.

— А я и не женатый, — возразил он. — Я — вдовец. Так тебе чего надо было?

Я нервно моргнул.

Вдовец?..

Погодите. Я же не мог видеть в самолете призрак его умершей жены! Или мог? В конце концов, на живую она и правда была не очень-то похожа.

Хотя поцелуй показался удивительно живым и настоящим...

— Чего ты хотел-то? — нетерпеливо повторил свой вопрос Ян.

Я кашлянул.

Вот ведь попал: от одной щекотливой темы да сразу к другой, не менее щекотливой.

— Ну... — протянул я.

— Не мямли, — строго оборвал меня Ян. — Пришел — говори.

Я вдохнул поглубже, как перед прыжком в воду, и решительно выпалил:

— Я пришел к тебе за советом.

— Да ну.

— Подскажи, как еще можно попробовать раскачать во мне магию? Янус шумно фыркнул.

— Тебе же уже все сказали. Развивай силу и терпение, и через это источник твоей магии тоже будет расти.

Я покачал головой.

— И сколько лет я буду его так выращивать, прежде чем перестать быть обрезком? Пять? Десять?

— Мне-то откуда знать? Таких, как ты, я еще никогда не встречал живьем.

— Пожалуйста, подумай! Я готов на любой, даже самый рискованный способ. Ты же опытный маг, ты магистр! В конце концов, ты же смог создать снадобье, которое

пробуждает источник! Не верю, чтобы у тебя не было никаких идей относительно того, как его можно было бы усилить.

— Какое еще нахрен снадобье? — приподнял бровь Ян.

— Того самого, о котором я клялся никому не говорить, — ответил я прямо и без обиняков. — Забыл, что ли?..

— погоди, — прервал меня Ян.

Он вернулся к столу, выдвинул один из ящичков и со стуком выставил небольшую склянку с зеленоватым содержимым.

— Ты про это, что ли?

— Да! — радостно воскликнул я.

Ян, прикрыв глаза рукой, беззвучно расхохотался.

А я слегка растерялся.

— А что смешного-то?..

— Даня... Никакого снадобья я не придумывал, — сквозь смех проговорил Ян. — Эта бурда — настойка дурмана Та'ки.

— В смысле?..

— В прямом. А ты что, до сих пор всерьез думал, что твой источник магии пробудился от моего зелья?.. — он снова закатился беззвучным хохотом — так, что аж слезы навернулись на глаза. — Великий алхимик Янус! Ну ты даешь...

— А нахрена ты мне тогда ее давал?! — разозлился я, разом забывая все приличия и субординацию.

— Да мутный ты был какой-то, — ответил Ян, вытирая запястьем глаза. — Вот я и решил тебя... Разговорить. Но я-то думал, что ты глотнешь немного, подавишься, как все — и начнешь мне рассказывать секреты всякие. А ты каак хлебанул всю бутылку до дна! Потом позеленел весь, заржал, как безумная лошадь, снял штаны и пошел по улице бубенцами звенеть да на ратушу ссать!..

Со стыда у меня вспыхнули щеки.

— Ах ты ж ублюдок...

— Но-но, я вообще-то магистр, а ты — первогодка! — весело прикрикнул на меня Ян. — Притормози, а то щас опять напою! Насильно. Пойдешь гольшом наших девок пугать. А они, брат — это тебе не горожанки. Они ведь и оторвать что-нибудь могут сгоряча!

— Вот я дуррак, — протянул я, не в силах сдержать немного нервного смешка.

— Это ты правильно подметил, — поддакнул Ян.

И тут вся моя смешливость угасла.

— Слушай, так если не было никакого снадобья — откуда у меня вдруг магия проснулась? — спросил я.

Магистр внезапно стал серьезным. Он присел рядом со мной на скамью и, устало свесив руки с колен, ответил:

— А хрен ее знает. Понятия не имею. Магия, Даня, она или есть, или ее нет. Это как... голова. Нет головы — и все, ты мертвый. Новая не отрастет. А у тебя вот взяла и выросла.

— И как это понимать?

Ян пожал плечами.

— Не знаю. Для меня самого это загадка. По крайней мере, пока. В одном я уверен: когда вокруг человека скапливается много странностей и совпадений, это уже не совпадение. Твое предназначение так странно и так сильно — будто боги ведут за руку. Я за

всю свою жизнь видел такое лишь дважды. И это не просто так.

Он хлопнул меня по плечу, поднимаясь.

— А сейчас иди, мне собраться нужно. Поговорим обо всем позднее.

Попрощавшись с Яном, я вышел на улицу покурить.

Ясное небо было усыпано огромными яркими звездами. В вышине тонким белым серпом висел месяц. Ночная мгла размеренно трещала и тархтела сверчками, гудела невидимым и, по всей видимости, сытым комарьем.

Глубоко затянувшись папирсой, я медленно выдохнул дым в небо.

Хорошо Яну. У него всего одна загадка.

А у меня их столько набирается, что хоть в штабеля укладывай. Где я, кто я, почему я...

И кто же все-таки эта девушка с портрета, которую Ян назвал своей женой.

И тут мне показалось, что под кустами возле тренировочной площадки что-то блеснуло. Приглядевшись, я заметил тончайшую золотую нить, протянувшуюся от кустов к моим ногам.

Арахна?

Я осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться в своем одиночестве. А потом двинулся к зарослям, похрустывая веточками под подошвами.

Стоило мне приблизиться к кустам, как золотистая паутинка исчезла. Шиповник шевельнулся, а из колючей глубокой тени у корней медленно высунулась многоногая черная тень. Колючая лапка цепко поймала меня за штанину, и я отчетливо услышал шепот Арахны:

— Даже боги иногда ошибаются. Я ошиблась...

— Да все нормально. Я не виню тебя ни в чем и не злюсь, — тихо ответил я паучихе.

— Я не про тебя, глупый Даня-не-жрец. Я про Януса. Будь осторожен, берегись его! Он не тот, за кого себя выдает. Слышишь? Запомни — у Януса два лица! И ни одно из них не знает жалости.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net